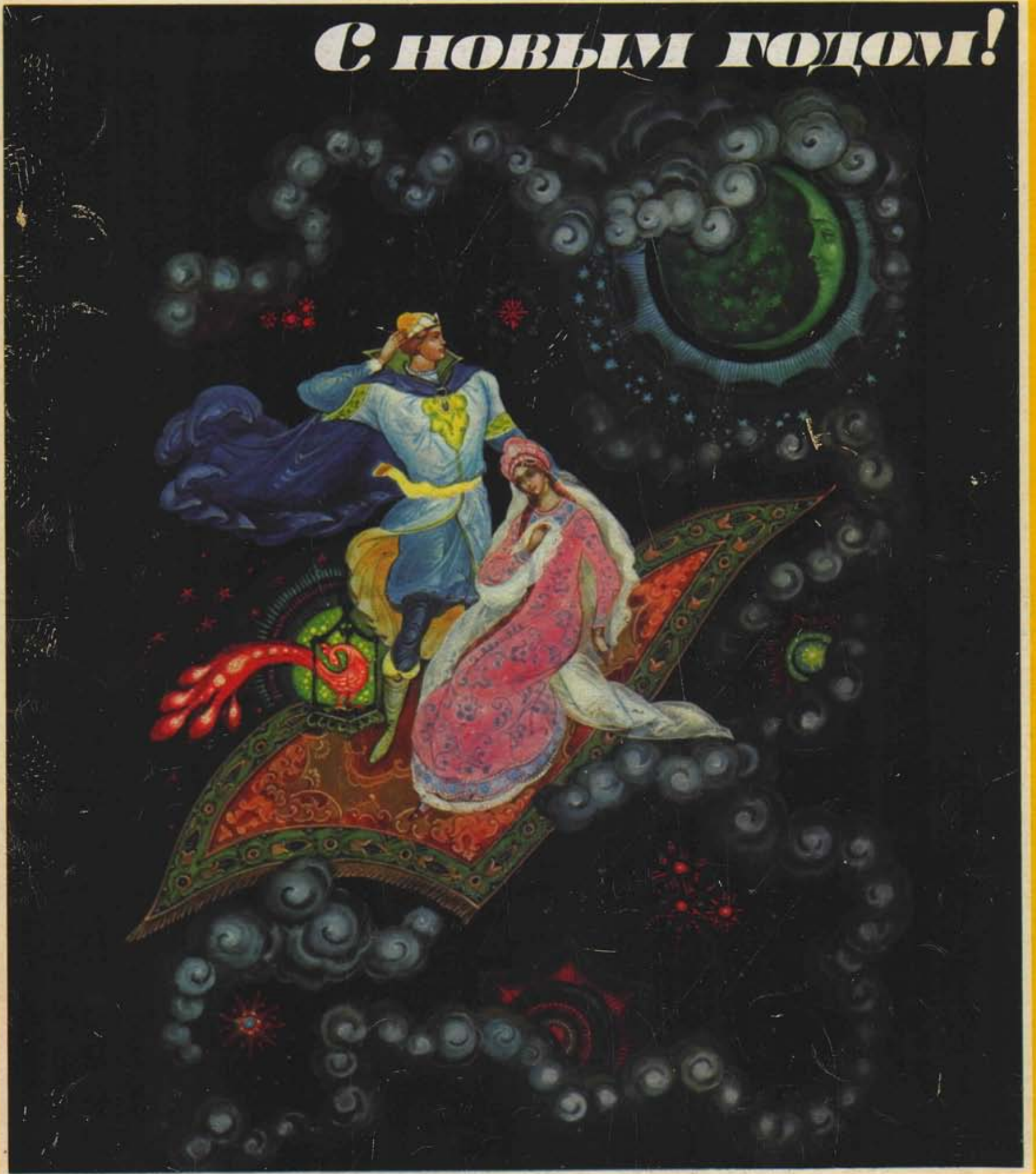

СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ 1983

С НОВЫМ ГОДОМ!

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1335) ЯНВАРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
работа
палехских
художников
К. и Б. КУКУЛИНЫХ.

- 1 Владислав ЯНЕЛИС. «ДИРЕКТОРСКИЕ ПРИНЦИПЫ».
- 4 Борис ПАВЛОВ, кандидат философских наук. «РУБЛЬ ЗАРАБОТАННЫЙ И ПОТРАЧЕННЫЙ».
- 6 ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ «ЭРА БИОЛОГИИ». В. А. ЭНГЕЛЬГАРТ, академик, директор Института молекулярной биологии АН СССР. «ГРОМАДИНА МИКРОМИР».
- 9 Юрий НАГИБИН. «СОЛНЕЧНЫЕ МЕТЕЛИ». Маленькая повесть.
- 12 «ФИРМА ГАРАНТИРУЕТ». Фоторепортаж Яна ВЛАДИНА и Сергея НИКОЛАЕВА.
- 15 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
- 16 «ЗИМНИЕ МОТИВЫ».
- 18 ЛИТЕРАТУРНЫЕ УРОКИ. Сергей ТОЛКАЧЕВ. «ЗЕМЛЯ АЛЕКСАНДРА ГРИНА».
- 19 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 20 Василий КОЛОДНЫЙ. «ПЕСНЯ И АВТОМАТ».
- 21 «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОГНОЗ?» Стихи Владимира ЦЫБИНА.
- 22 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Стихи поэтов Сальвадора.
- 23 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 24 Леонид ПЛЕШАКОВ. «ПРОФЕССИЯ — РЕЖИССЕР».
- 27 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Роман Пьера НЕМУРА «НЕНУЖНЫЙ МАЛЬЧИК».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Исаева.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные корреспонденты
«Смены».

В этом есть своеобразная символика. Почти вся отечественная хирургия пользуется кетгуттом и шелком, выпускаемыми единственным в стране заводом, которым руководит женщина. Молодая женщина. Мать, жена. Наверное, так и должно быть, даже если милосердие поставлено на конвейер. А продукция завода в самой высокой степени служит делу милосердия. Но меньше всего этим руководствовались Министерство медицинской промышленности и местные органы, выбирая кандидатуру директора Казанского кетгуттного завода. Нужен был хороший организатор — раз; специалист, разбирающийся в технологии весьма узкого производства, — два; ну и, естественно, человек энергичный, мыслящий, перспективный.

Тридцатилетняя Расима Вафина к тому времени уже два года работала главным инженером завода. А всего на этом производстве шесть лет. Не мало ли? За шесть лет пройти путь от рядового инженера до руководителя современного крупного предприятия?!

Думается, уместно рассказать о ее судьбе более подробно.

Она родилась в Шемордане, татарском поселке, что в 30 километрах от Казани. Кроме Расимы, в семье росли еще четверо детей. Она была вторая по возрасту. Приходилось много помогать маме по хозяйству. Потом они переехали в Казань. Расима увлекалась журналистикой, какое-то время вела пионерские передачи по республиканскому телевидению. Впрочем, увлечений у нее хватало всегда: поэзия, спорт, походы, биология. Все пересилила химия. Окончила Казанский химико-технологический институт. Но никогда никакие увлечения не заслоняли для нее общественную работу. Расима была в комсомольском активе школы, института, потом производства. Заметим, что высшее образование получили две ее сестры и брат. Сестры специализируются по электронно-вычислительной технике, брат — инженер-физик.

Расиму направили после института в КБ. Работа спокойная: приходилось вести в основном однотипные проекты. За три часа она справлялась с дневной нормой, остальные четыре можно было заниматься «своими» делами. Но своих дел в КБ она изобрести не смогла. Пошла к руководству, попросила загрузить ее работой. Загрузили. Ей опять показалось мало. Подруги начали на нее смотреть косо: «Ну чего тебе еще надо, чего ты лезешь?» Вафиной прибавили зарплату, повысили в должности, обещали назначить руководителем группы. Но она так и не смогла привыкнуть к тихому исполнению должности. Она устала от штилей, ей хотелось бурь, производственных страстей, дела, которое захватило бы целиком. Словом, Расима уволилась из КБ. Ушла в никуда, не имея ни малейшего представления, где будет работать дальше.

Единственный человек, которого не удивил ее поступок, был муж. Он знал ее характер. Остальные просто не могли понять, как это человек добровольно ушел от хорошей зарплаты, чистой, спокойной работы.

Сама, без всяких рекомендаций пришла Расима в отдел кадров кетгутного

завода. Прямо вот так, как говорится, с улицы. Там тоже удивились, и хотя заводу до зарезу нужен был инженер-технолог, брать поначалу не хотели, искали скрытых причин ухода из КБ. А их не было, больше того, прежнее руководство Вафиной отзывалось о ней хоть и сдержанно, но однозначно: «Вам повезло. Не она, мы оказались ей не ко двору».

— Вы хоть знаете, что такое кетгут? — спросил Вафину директор завода Газизулин.

Это она уже знала.

— Рассасывающийся шовный материал.

— И заметьте, абсолютно стерильный. Вы сделаете плохую деталь — из строя может выйти машина. Если вы сделаете плохой кетгут — может погибнуть человек. Чувствуете разницу?

Она кивнула.

— Но вы не рассчитывайте, что я поставлю вас на чистый участок. Мне нужен инженер в цех первичной обработки сырья. Это вам не КБ, там воды по циклотуку.

Спустя неделю директор увидел Вафину в цехе во время обеденного перерыва. Расима стояла у стола для расколки жгутов, надев поверх белого халата фартук. Она работала. Жгуты выскальзывали у нее из рук, шлепались на пол. Ее блузка была исполосована мокрыми рубцами. Косынка сбилась на сторону.

— Вам платят не за то, чтобы вы подменяли рабочих, а за усовершенствование технологической схемы в цехе, — вместо приветствия произнес директор у нее за спиной.

Она обернулась.

— Как же я могу что-то усовершенствовать, если не имею об этом ни малейшего представления?

— Ходите, смотрите.

— Извините, но у меня свой принцип. — Вафина подняла с пола мокрую скрутку жгутов и принялась за дело.

Газизулин чертыхнулся про себя и пошел из цеха. В конце концов он не имел права учить инженера, чем тому заниматься в обеденный перерыв.

Спустя месяц директор спросил у начальника цеха, как ведет себя новый технолог и есть ли от него какой-нибудь прок.

— Да ничего, осваивается. Только резвая уж очень. Гоняет за любое нарушение режима. Поставщики от нее плачут — бракует сырье. А то и сама надевает фартук, и к столу или к ваннам.

— Бракует по делу?

— По делу.

Газизулин улыбнулся, что бывало с ним не часто.

— Это хорошо, что резвая. Нам резвые нужны.

Вафина: «От инженера-технолога зависит многое, и прежде всего качество готовой продукции, ритмичность работы цеха, в какой-то мере выполнение плана. Мне дали совсем немного времени на адаптацию, а производство оказалось довольно сложным. Это подстегивало, заставляло осваивать новое дело ускоренным темпом. Очень многое мне, как инженеру, дало общение со старыми производственниками, практика на рабочем месте.

Я вообще считаю, что начинающему инженеру полезно освоить лично все основные рабочие операции на доверенном ему участке. Вполне понятно, что он не превзойдет у станка кадровых рабочих, но зато ему станет понятной практическая азбука производства. Он узнает истинную цену каждого затраченного усилия и сможет потом лучше наладить дело в целом».

Спустя год Вафиной предложили возглавить самый крупный на заводе цех. Ей было 26 лет. Должность обязывала

ДИРЕКТО

теперь вникать не только в производство: начальник цеха, по сути,— тот же директор, только в меньших масштабах. А значит, на нем все—кадры, план, сырье, соревнование, быт, санитария... Все. Готова ли была Вафина к принятию ответственности столь высокой? Она размышляла только одну ночь. Утром дала согласие.

Только на первый взгляд в ее поступке, поступке смелом, даже дерзком, может кому-то привидеться желание сделать карьеру. Не надо путать карьеризм—беспардонное расталкивание локтями конкурентов ради того, чтобы возвыситься над другими, ради собственных благ, со стремлением человека брать на себя ответственность во имя интересов дела. Человек может заблуждаться по поводу собственных возможностей, переоценивать их. Но если его оценка совпадает с объективным мнением других людей, уже одно это дает ему моральное право расти как руководителю.

Впрочем, были у Вафиной и противники. Одна из старых мастеров (не будем поминать ее фамилии) пробовала настраивать цех против нее. Мастер считала, что новый начальник цеха слишком молода и поэтому горяча, что старым порядкам пришел конец, что Вафина начнет затирать заслуженных работников. Теперь все это в прошлом. И ни к чему вспоминать о деталях конфликта. Но к чести Расимы Вафиной заметим, что она не испугалась, не заискивала, не искала нарочитой популярности у рабочих цеха. Она просто делала дело, хотя иногда и возвращалась домой в слезах. Она действительно кое-что изменила в цехе: добилась установки дополнительной вентиляции, новых столов, более качественной спецодежды для рабочих, перевела всех матерей в первую смену. Она не уходила из цеха раньше восьми вечера. И сама, будучи в комсомольском активе завода, возглавляла рейды комсомольского прожектора. А той, кто всячески старался уронить ее авторитет, однажды сказала:

— Не шепчите за моей спиной. Скажите все прямо мне в глаза. Пусть это будет на общем собрании. Ведь в конце концов мы делаем одно дело.

А когда оно состоялось, это собрание, то ни у кого не нашлось ни слова упрека в ее адрес.

А хирургия тем временем дерзала, осваивая все новые виды оперативных вмешательств. Медицина требовала все больше современных инструментов, аппаратуры и шовного материала. Особенно кетгута. Завод в Казани выжимал из себя все, что мог, но удовлетворить запросы всех клиник и больниц не мог. А удовлетворить надо было не только в количественном отношении, а и в качественном. Особенно нужны были тончайшие нити для глазных операций, для сшивания миллиметрового диаметра сосудов... Эти нити отличались от обычного хирургического шелка тем, что оставались в организме, постепенно рассасываясь. Значит, должны они быть архистерильными, архизластичными и архибезвредными для ослабленного операцией человека.

В Казани не сидели сложа руки. Вафина, уже ставшая начальником производства, совместно с технологами искала новые, более совершенные методы производства кетгута. Освоили выпуск хромированной нити. Это была победа.

И все равно этого оказалось мало. Нужен был новый завод.

Его начали строить на окраине города, щедро одарив площадями, в два-

«...Нужно правильно расставить кадры с тем, чтобы на решающих участках стояли люди политически зрелые, компетентные, инициативные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового, без чего нельзя в наше время успешно руководить современным производством».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС

РСКИЕ ПРИНЦИПЫ

**ЗДЕСЬ, КАК В БОЛЬНИЦЕ,—
ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ
С УТРЕННЕГО ОБХОДА.**

**В НОВОМ ЦЕНЕ КЕТГУТ
ШЛИФУЮТ И ПОШИВУЮТ**

**ПЕРВАЯ СПРОС
НА ПРОДУКЦИЮ ЗАВОДА
ВАФИНОЙ ПРИХОДИТСЯ
БЫВАТЬ В КЛИНИКАХ**

**ТАК СУШАТСЯ
ШИТИ КЕТГУТА —
РАССАБЫВАЮЩЕГОСЯ
ШОВНОГО МАТЕРИАЛА,
ПРИМЕНЯЕМОГО В ХИРУРГИИ.**

дцать раз превышающими прежние. Завод обещал быть не просто современным, но и невиданным еще по масштабам производства, условиям труда рабочих, технологической оснащенности. Тогдашний директор кетгутного Газизулин возглавил строительство, но скоро почувствовал, что одному не вытянуть. Особенно трудным представлялся период монтажа оборудования. Газизулин уставал, хотя никогда не жаловался на здоровье. Уставал разбираться в схемах, ругаться с подрядчиками, ему не хватало глаз уследить за всем.

Тем временем Вафина вела дело на старых площадях. Ведь останавливать производство никто бы не позволил. Кетгут по-прежнему надо было отправлять тысячам потребителей. Газизулину было трудно срывать с места Вафину, но он обязан был думать о будущем.

— Ты должна меня подпереть здесь, на стройке. — Он давно уже обращался к ней на «ты». — Здесь завтрашний день завода. А я скоро уйду и должен быть уверен, что оставлю новый завод человеку мыслящему и энергичному. Словом, с завтрашнего дня ты главный инженер.

— А старый завод? Разве я там лишняя?

— За старую ответственность с тебя тоже не снимается.

Если сказать, что с той поры работы у нее прибавилось, значит ничего не сказать.

С утра она на стройплощадке, перед обедом — лютучка со строителями, после обеда — работа с чертежами оборудования, с технологическими схемами. Потом неслась на старый завод, через весь город, что там? А вечером, усадив

на колени четырехлетнюю Альбину, читала учебники по холодильному оборудованию, компрессорам, энергетическому балансу предприятий. Муж ворчал: «Я забыл, когда мы ходили вместе в театр. Ты превращаешься в одушевленный придаток своего завода». Она не спорила и только просила: «Потерпи, милый. Вот войду в дело поосновательнее...»

Для знакомства с работой фирмы, занятой выпуском аналогичной продукции, Расиму Вафину послали во Францию.

Как ей завидовали сестры: «Ну, наконец ты вздохнешь. Посмотри за ихней модой. Говорят, что француженки срывают мужчин наповал именно одеждой и манерой держаться».

В Лионе ее встретили солнце, запах жареных каштанов, величаво-спокойная Рона и галантные представители фирмы.

— Мадам, наверное, желает посмотреть один из старейших городов Франции? Учтите, что Лион был еще до нашествия римских легионов.

— А нельзя ли прямо на завод?

— Но у нас программа, мадам.

— А вы ее измените. Если это возможно, конечно.

Галантность победила.

— Для вас, мадам, увы, возможно.

Она приезжала на кетгутное производство в начале рабочего дня и уходила, когда директор фирмы затворял собственный кабинет. Однажды глава фирмы заметил, встретив ее в пустом коридоре:

— Я всегда считал, что русским женщинам не чужды мирские утехы. А на вас нет ни одной французской вещи.

На следующее утро она купила перчатки, которые рекламировались по телевизору. И не сняла их, здороваясь с главой фирмы.

Вафина одолевала французских инженеров вопросами — как да что. Отказывать даме французы не умели и рассказывали — как. Многие ей как специалисту нравилось, многое казалось неприемлемым, но не будешь же ругать в гостях обед! Она приехала за опытом и набиралась его, как потом будут приезжать к ней на завод, учиться у нее. И она, считая, что дело милосердия интернационально, не станет скрывать секретов.

Как-то представители фирмы, которая должна была поставить в Казань оборудование, положили перед ней чертежи двух установок. Вафиной предстояло выбрать одну, лучшую, более эффективную. За ночь в гостинице она просчитала оба варианта и место установок в общей технологической схеме производства.

— Я буду рекомендовать нашей отрасли эту, — сказала она.

Французы удивились ее выбору, ведь отвергнутая установка была дешевле.

Вафина пояснила:

— Монтаж более дешевой установки потребует больше времени, ее эксплуатация встанет дороже. Так что, выиграв сейчас, завод в итоге проиграет значительно больше.

— Вы правы, мадам, — заметил один из руководителей фирмы. — И я бы многое отдал, имей моя дочь половину вашего здравого смысла.

С того дня французы обращались к ней не иначе как «мадам инженер».

Два месяца пролетели как два дня,

заполненные работой, деловыми встречами. Дома ждали дела. Прощай, Лион, прощай, гостеприимная Франция. Как-нибудь в другой раз «мадам инженер» будет не столь равнодушной к твоим прелестям.

Сестры были разочарованы—Расима не привезла даже французских журналов мод. Зато у нее в сумке лежали двадцать два типа кетгута, от простого до хромированного,—подарок фирмы.

Ее жизнь потекла, вернее, помчалась своим чередом. Газизулин все чаще болел, и Вафина буквально разрывалась на части: совещания, планерки, обязательный рейд по стройке, изучение нужных и ненужных документов, выколачивание дефицитных материалов, объяснения с поставщиками сырья, командировки. А ведь надо было еще находить время для того, чтобы поговорить с людьми, просто так, по душам. Много чего надо было. И при этом — уметь оставаться женщиной и матерью.

А тут начался пусконаладочный период. Кто знает, что это такое, может подтвердить, что именно на пусконаладочный приходится наибольшее количество инфарктов, выговоров, заявлений об уходе. Потому что, если ошибешься при монтаже и обкатке оборудования, при кабельной развязке, при подгонке одного агрегата к другому, потом любая ошибка будет стоить предприятию месячных простоев, брака, непрерывных авралов. А чтобы не ошибиться, мало в точности следовать проекту (ибо любой из них не безгрешен!), надо относиться к нему творчески, критично.

Так или примерно так рассуждала Вафина и учила тому же подчиненных в период пусконаладки. Она говорила: «Мы сейчас строим самолет, на котором нам же лететь. Построить его совсем плохо мы не способны. Тогда самолет просто не оторвется от земли. Если мы сделаем некачественно один из узлов, наш самолет, поднявшись, потеряет управление и... Поэтому мы должны построить машину надежную во всех отношениях. И подобрать хороший экипаж».

Вафина: «Любой руководитель, будь у него даже семь пядей во лбу, не может и не должен брать все на себя. Он всесилен, если имеет единомышленников, если опирается на общественность, на людей, искренне болеющих за дело, если его идеи поняты и поддержаны всеми, а он, в свою очередь, умеет подхватить ценное предложение».

Я искала единомышленников везде и всюду. И находила. Особенно среди молодых инженеров и рабочих. Мы создали инициативную группу, осуществлявшую контроль за монтажом и наладкой оборудования. Эта группа, работающая и сейчас, состояла преимущественно из комсомольцев. У молодых людей, свободных от штампов в образе мышления, обостренное чувство нового, нетерпимость к халтуре любого рода. И вообще комсомол, если он нацелен на практические дела, способен на многое. Например, рационализация. Экономический эффект от нее составил на заводе в прошлом году 342 тысячи рублей при плане 25 тысяч. Большинство предложений подано молодыми. Борьба с браком, с нарушением режимов производства — это тоже взял на себя комсомол. Он мобилен, вездесущ, ему, как говорится, и карты в руки. И, знаете, молодежи нравится, когда ей доверяют настоящее дело, и я ни разу не слышала на комсомольских собраниях (а бываю на них регулярно) жалоб на общественные перегрузки. А вот если устранять комсомол от участия в производственной жизни, ограничивать его деятельность культурными и самодеятельностью, то такие жалобы появятся обязательно. Знаю по собственному опыту».

...Газизулин ушел на пенсию, и директором нового завода назначили Вафину. Пока — исполняющей обязанности. Прощаясь, он сказал ей:

— Расима, ты можешь отказаться. Славы тебе директорство не прибавит, одни хлопоты. Но я буду спокоен, а вместе со мной, — он улыбнулся, — и вся наша хирургия, если ты согласишься.

На правах самостоятельного предприятия кетгутный завод влили в объединение «Татхимфармпрепараты». Казалось бы, за его могучей спиной можно было вздохнуть. Но это только казалось. Все приходилось делать своими силами: специалистов для единственного в стране кетгутного завода готовили только на самом заводе. Стало быть, проблемы, которые возникали, решать надо было самим. А они возникали. И еще какие!

Долго не могли получить на новом заводе умягченную воду необходимой кондиции. Нарушалась технология промывки кетгута, нить шла с черными вкраплениями. Вшивать ее в организм было нельзя. Вафина билась с этими самыми вкраплениями не на жизнь, а на смерть. Откуда они? В чем причина их появления. Вместе с Вафиной над этой задачей работали начальник цеха Михаил Пьянов, новый главный инженер двадцати семи лет от роду Юрий Красиков, технологи, работники ОТК. Снача-

ла грешили на новые трубопроводы. Их промывали и продували. Но трубопроводы оказались ни при чем. Виноватым был сульфо-уголь, ошибочно заложенный проектировщиками для умягчения воды.

Сульфо-уголь пробовали заменить шинельным сукном, гранитным щебнем, катионитом. Когда нашли наконец оптимальный состав фильтров и кетгут пошел чистый, Вафина сказала: «Все. Завтра воскресенье, все едем жарить шашлыки. Мариную я, жарит Красиков». Это было первое воскресенье за три месяца.

Трудно ли быть женщиной и директором? Очень. Три года назад ее утверждали в должности директора. Внезапно вызвали в обком партии на собеседование. На самом высоком уровне. До приема осталось полчаса. А на ней были ситцевое платье, босоножки и несерьезная прическа. Представлял директора ехал главный инженер объединения. Он критически оглядел директора и сказал: «Достаньте хоть у кого-нибудь очки для солидности».

В обкоме лишних вопросов не задавали. Как ведет дело новый директор, там знали. Правда, Вафину спросили, в чем она видит будущее завода. Она ответила, что в переходе на выпуск синтетического окцилона, который прекрасно заменит кетгут. Потом ее спросили, почему она все время щурится. Она с облегчением сняла чужие очки и сказала, что еще к ним не привыкла.

В Вафиной главное — ответственность за дело, которое она возглавила. В ней есть другие черты, какие-то пыталась назвать, какие-то упустил. Но полагаю, что фотографии дополнят образ директора.

В тесте, который Вафина проходила, ей за инженерную подготовку машина выставила высшую оценку — 10 баллов, за директорскую — 9. Что ж, она молодая, у нее все впереди.

Расима Галимовна Вафина три года руководит единственным в своем роде заводом. Завод работает хорошо, ритмично, с перевыполнением плана. Завод новый, сложный, напичканный автоматикой и электроникой. Коллектив его тоже новый, молодой. И заводу и людям порой приходится непросто. Но они не ищут оправдания в своей молодости, они привыкли отвечать за свою работу в полной мере. А когда люди это умеют, они, как правило, на своем месте.

ВОСКРЕСНЫЙ ОТДЫХ У РЕКИ — ЗАРЯДКА НА ВСЮ НЕДЕЛЮ.

И ДОМА У ДИРЕКТОРА ХОЗЯЙСКИЕ ЗАБОТЫ. СКОРО ПРИДУТ ГОСТИ.

ВЕЧЕРОМ ЕЩЕ НУЖНО УСПЕТЬ В ПОДШЕФНЫЙ ДЕТСКИЙ САД.

«Развитой социализм располагает большими материальными, духовными возможностями для все более полного развития личности и будет наращивать их впредь. Но важно, подчеркивалось на XXVI съезде КПСС, чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это в конечном счете зависит от того, каковы интересы, потребности личности.

...Задачи комитетов комсомола — усилить пропаганду советского образа жизни, истинных человеческих ценностей, решительно выступать против любых рецидивов мещанской, потребительской психологии... формировать у молодежи высокие духовные потребности».

Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ XIX съезду комсомола

РУБЛЬ ЗАРАБОТАННЫЙ И ПОТРАЧЕННЫЙ

ВСЕГДА ЛИ МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ ЗНАЮТ ЕГО ИСТИННУЮ ЦЕНУ?

Борис ПАВЛОВ,
кандидат философских наук,
сотрудник Института экономики
Уральского научного центра
АН СССР

Куда девается зарплата? — разводят зачастую руками молодые люди.

— А может, мало зарабатываю, потому и не хватает, — пытаются нащупать диагноз иные...

Знакомство с деньгами, их покупательной силой в современной семье происходит, как правило, рано. К началу трудовой жизни молодые люди обычно уже хорошо чувствуют «вкус» траты денег. Они уже с успехом расходуют значительную часть бюджета семьи. Умеют находить в системе отношений с родителями наиболее уязвимые места, податливые рычаги, нажимая на которые можно заполучить желаемые вещи, удовольствия, развлечения. Молодые люди научились тратить деньги. Чужие деньги. Но вот наступает время, когда необходимо...

УЧИТЬСЯ ЗАРАБАТЫВАТЬ СОБСТВЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Недавно мы опросили 600 златоустовских молодых рабочих. В числе других вопросов нас интересовал их среднемесячный заработок. Сумма дохода (без вычетов) у всех опрошенных составила в среднем 150 рублей. Это в среднем. Но если посмотреть индивидуальные заработки, то размер ежемесячных получек и авансов у разных работников колеблется от 80 до 200 рублей. Не правда ли, перепад довольно значительный: одно дело — получать в месяц 80 рублей, другое — 200. Одновременно это означает и то, что один вырабатывает продукции, то есть отдает сил, умения обществу в 2—2,5 раза больше, чем другой. Предвижу справедливую поправку, мол, все зависит от характера производства (общество доплачивает работнику за тяжесть, вредность условий труда; существуют такие вещи, как недочеты в нормировании труда, наконец, квалификация, опыт). Сравните, мол, расторопность, умение новичка и опытного, кадрового работника. Мы сравнили. В среднем уровень заработной платы молодого рабочего со стажем не более

1 года составляет примерно 70—75 процентов среднего заработка работника со стажем 10—15 лет. Согласитесь, различия «средних» зарплат не столь значительны (в 1,2—1,3 раза). А вот различия индивидуальные в той и другой группе остаются по-прежнему существенными: 80, 100, 120, 150, 200, 250... Такие разные суммы в ведомостях на заработную плату мы встречаем и у вчерашних выпускников ПТУ и у тех, кто трудится на предприятии уже 3, 4, 5 и более лет.

Можно пытаться и здесь найти объяснения. Одни попали в «хороший» коллектив, другие — в «плохой», у одних «хороший» мастер, у других — «плохой». Одних «зажимают», другим «открытая» дорога — расти, совершенствоваться, зарабатывать. Не будем, как говорят, с порога отмахиваться подобными доводами. В жизни мы действительно можем встретить различные трудовые коллективы, различных руководителей с различным подходом к росту и воспитанию молодых работников. Но только ли внешние условия являются причиной резких перепадов в зарплате молодых людей? Отнюдь нет.

Есть и другой, не менее важный фактор. Это стремление самого работника достичь более высоких производственных показателей. Один работает, как говорят, «в поту» (в прямом и переносном смысле этого слова), другой — «с прохладцей». Отчего? Почему одни молодые люди стремятся зарабатывать больше денег, найти более высокооплачиваемую работу, игнорируя при этом порой неблагоприятные условия труда, неудобный распорядок работы, возможность авралов? Другие же во главу угла ставят содержание и характер трудовой деятельности, наличие дополнительных социально-бытовых благ (хороший производственный быт, места в детских дошкольных учреждениях и т. п.)? Установка молодого работника на тот или иной уровень заработка, то есть уровень трудовых затрат, зависит от таких условий, как степень самостоятельности его бюджета, семейный статус и, наконец, степень развития его материальных и духовных потребностей.

Когда говорят о наступлении социальной зрелости молодых людей, то выделяют несколько основных показателей, отличающих взрослого, социально зрелого человека от взрослого. Один из них — материальная самостоятельность, означающая, что из разряда потребителей, берущих

«взаймы» у общества, у родителей, взрослеющий человек переходит в разряд работников, производящих материальные и духовные блага и соответственно получающих за свой трудовой вклад адекватную плату.

С этой точки зрения молодых людей, вступающих в самостоятельную трудовую жизнь, можно условно разделить на две группы.

Первая — это юноши и девушки, начинающие производственную биографию, имея крепкие финансовые тылы своих родителей. Переход сына или дочери из категории учащихся в категорию работающих не вносит существенных поправок в общий бюджет семьи. Сравнительно высокие заработки родителей позволяют детям не вносить свой заработок в общую семейную кассу. Дополнительный заработок нового работника в семье, как правило, направляется на его же расширяющиеся нужды и потребности. «Коля стал работать — ему нужен новый костюм, новое пальто...», «Пусть покупает мотоцикл — это его деньги...», «Пусть съездит на юг — он заработал...».

Словом, работающие молодые люди потребляют больше, чем зарабатывают. Дефицит средств восполняется родителями. При этом отцы и матери не воспринимают подобную неестественную ситуацию, когда взрослый молодой человек продолжает сидеть на шее родителей, как нечто недопустимое. Переход учащегося сына-иждивенца в работающего сына-полуживденца расценивается как вполне закономерный процесс: «Он еще молодой, ему многое надо, на то мы и родители, чтобы его кормить-поить, одевать-обувать...».

Нередки семьи, где подобное положение не меняется с появлением у их детей собственной семьи, собственных детей. Перекраивая свой бюджет, урезая свои потребности, родители кормят-поят, одевают-обувывают (в той или иной мере) уже не одного сына, а и сноху и внуков.

Вполне понятно, что такое полуживденческое положение мало стимулирует молодых на повышение производственных показателей, достижение более высоких заработков. «Добавки» к собственному бюджету можно с успехом получить с помощью уже отработанных в детстве рычагов воздействия на родителей: их чувства, эмоции, «родительский долг».

Есть и вторая группа молодых людей. Начало трудового пути для них означает и начало самостоятельного

бюджета. Лично заработанные деньги — это те материальные возможности, которыми они могут распоряжаться для удовлетворения своих потребностей. Как говорят, по приходу и расход. К этой же группе можно отнести и тех молодых работников, чей заработок является существенным вкладом в общий бюджет семьи. В родительской семье они выступают в роли равноправных членов, формирующих доходы семейного коллектива, а нередко и вносящих в него наиболее существенную долю.

В этой ситуации расширение круга потребностей необходимо влечет за собой стремление работника к труду, дающему ему наибольшие блага, в частности большую зарплату. Противоречат ли эти интересы отдельного работника интересам общества в целом? Отнюдь нет. Еще В. И. Ленин указывал, что «это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни». Вопрос только в том, как, какими средствами, путями стремится молодой работник повысить свой заработок.

В различных городах страны социологи отмечают примерно одну и ту же картину: примерно 60—70 процентов текучести рабочих кадров приходится на категорию молодых рабочих, среди которых особой «непоседливостью» отличаются работники со стажем производственной деятельности до 3 лет. Что же заставляет молодых рабочих увольняться, менять место работы, нередко профессию, менять трудовой коллектив?

С этим вопросом мы обратились в анкете к 600 молодым рабочим Златоуста. Вот их мнение. Наиболее существенная причина увольнения — «низкий заработок» (48,8 процента ответивших). На втором месте — «отсутствие перспективы получения жилья или улучшения жилищных условий» (45,5 процента). На третьем — «плохая организация труда» (36,5 процента). Остальные причины «набрали» гораздо меньше голосов. Характерно и другое. Если анализировать причины увольнения рабочих средних и старших возрастных групп, то причина «низкий заработок» не является доминирующей.

Теперь о другом. Знал ли молодой человек до поступления на работу цену рублю? Да, знал, но лишь одну сторону этой цены: сколько можно купить на рубль хлеба, молока, сколько рублей нужно для покупки велосипеда, магнитофона, джинсов. А вот другая сто-

рона этой стоимости — усилия, которые необходимо вложить, чтобы заработать этот самый рубль, — для подавляющего большинства юношей и девушек была неизвестна.

Мне могут возразить: позвольте, но сейчас довольно часто старшекласники после пятой трудовой четверти приносят домой первые заработанные собственными усилиями деньги. Да, работают, да, зарабатывают. Но этот труд, как правило, носит получучебный характер как по интенсивности, так и по каждодневной продолжительности. Доказательство тому — средние заработанные суммы за трудовую смену: 50—150 копеек (мы анализировали эту сторону деятельности многих трудовых объединений школьников). При этом сам факт заработка школьника не носит необходимого для семейного бюджета характера, а воспринимается любящими родителями и домочадцами в качестве воспитательного элемента, выходящего из ряда вон события в жизни семьи. Трата этой незначительной (по сравнению с общим бюджетом семьи) денежной суммы превращается зачастую в некий ритуальный характер посвящения в финансовую самостоятельность подростка: «Сам заработал — сам потратил».

Иное дело — заработать рубль на «взрослом» производстве. Во-первых, необходимо в день заработать не один рубль, а пять-шесть (при среднемесячном заработке 100—150 рублей, который имеют молодые рабочие уже в первый год своей трудовой биографии). Во-вторых, надо эти рубли зарабатывать каждый день.

Начиная работать, молодой человек делает неожиданное для себя открытие. Оказывается, работать трудно. Зарабатывать — то деньги — это не пустячное дело. В душу закрадывается сомнение: а может быть, эти трудности связаны с профессией, специальностью, которую выбрал, а может, так трудно даются деньги только на этом предприятии? Так рождается во многом основа «непоседливости».

«Трудовое воспитание, — писал В. А. Сухомлинский, — это, образно говоря, гармония трех понятий: надо, трудно и прекрасно». Понимание этой гармонии, ощущение ее в каждодневном труде не приходят сами собой. Они результат большого напряжения сил, воли, старания работника, направленных на освоение профессии, осознание важности и необходимости любого труда.

КАК ТРАТЯТСЯ ЗАРАБОТАННЫЕ РУБЛИ?

Мы нередко слышим: «Она умеет считать копейчку», «Он тратит деньги с умом», — или противоположное — «Бросает деньги на ветер». По тому, как тратит человек деньги, мы зачастую даем ему и соответствующие характеристики: одних причисляем к расчетливым, хозяйственным, бережливым; других — к жадным, прижимистым, скрягам; третьих — к расточителям, мотам, транжирам. Иными словами, одни расходы людей мы относим к разряду разумных, другие — к неразумным... Давайте попытаемся разобраться, что есть что.

К числу разумных мы в первую очередь, очевидно, должны причислить расходы, связанные с удовлетворением материальных и духовных потребностей, без которых не может жить современный человек в современном обществе. Это расходы на питание, одежду, содержание жилища, воспитание потомства, общеобразовательную и профессиональную учебу и т. д. Да, но где мера этих обязательных расходов? К примеру, можно готовить еду дома, можно питаться в столовых, а можно в ресторанах. Разница расхо-

дов будет в два-три раза. Можно иметь одну-две пары сменной обуви, а можно десять — двадцать. Можно приобрести в гардероб три недорогих платья или костюма, а можно пятнадцать и все по самой дорогой цене. Где критерии обязательного минимума расходов?

Мне представляется, что искать эти критерии необходимо прежде всего в оптимальном сочетании разумности человека в процессе приобретения и потребления, с одной стороны, и его реальных возможностей — с другой. Ну ладно, скажет читатель, с возможностями тут более или менее ясно: не истратишь больше денег, чем их заработал, чем их имеешь. А вот как в отношении разумности потребностей? Кто возьмет на себя смелость определить разумное или неразумное число пар обуви, число рубашек, число грампластинок, книг и т. д., которые должен иметь у себя каждый молодой человек? Действительно, подобную норму установить очень трудно, ибо она носит во многом индивидуальный характер. Имеют здесь значение традиции семьи и условия, в которых растет молодой человек, возможности жилья, образ жизни и характер трудовой деятельности, направленность ценностных ориентаций, привычек.

И все же можно попытаться назвать принципы, которыми стоит руководствоваться, когда приобретаешь и потребляешь.

Начнем с того, что удовлетворение потребностей не должно идти во вред физическому или нравственному здоровью, духовному развитию личности. Да, можно ежедневно в обед съедать по два вторых, просиживать в кино два сеанса, выпивать литр-другой пива. Но пойдет ли это на пользу человеку?

Удовлетворение наших личных потребностей должно согласовываться с интересами общества, интересами конкретных людей, живущих рядом. Например, уже работающему сыну или дочери нравится идти в ногу с модой, ежегодно ездить летом на юг и вообще не ущемлять себя... Все это хорошо, если одновременно не ущемляются интересы других членов семьи, интересы товарищей по работе (многим хочется пойти в отпуск летом).

Важно не забывать о гармонии потребностей. Можно, скажем, большую часть денег тратить на сладости, вино, сверхмодные вещи. Но тогда обделишь себя чем-то другим. Следует помнить о разумной иерархии наших потребностей, их соподчиненности. То есть какие важнее, актуальнее сегодня, а какие станут неотложными завтра. На этом хотелось бы остановиться особо.

Здоровье нужно беречь смолоду. Увы, молодежь слишком редко помнит об этом. Особой беззаботностью в этом плане отличаются юноши и девушки в возрасте от 17 до 23—25 лет. В более младшем возрасте охрана их здоровья была компетенцией родителей («Пока не поешь, Сереженька, горяченького — не пуцу гулять», «Машина, надень теплое белье, иначе куда не пойдешь»). Обретенная взрослость, самостоятельность — это не только получение права, но и перешедшие от взрослых обязанности. В частности обязанности по сохранению своего здоровья.

Необходимые затраты на хорошее питание, добротную, теплую одежду нередко в бюджете молодых рабочих теснятся другими, менее актуальными для здоровья расходами. Скажем, на ту же выпивку, развлечения, модную одежду. Житейская мудрость приходит несколько позднее.

Изучая денежный бюджет молодых рабочих, живущих вне родительских семей (которые еще не обзавелись собственными семьями), мы выявили одну интересную закономерность. По ме-

ре взросления расходы молодых людей на питание увеличиваются. Такое же увеличение зафиксировано и по мере роста уровня образования. Это можно объяснить прежде всего тем, что с ростом социальной зрелости (а она, как правило, зависит от возраста и уровня образования) растет престиж здоровья у молодых людей, которое во многом зависит от культуры питания: калорийности, разнообразия пищи, своевременности и правильности ее приема.

Пора взросления — одновременно и пора освоения молодым человеком окружающего его вещного мира. Посмотрите, сколько кругом нас различных вещей, предметов. Только для удовлетворения хозяйственно-бытовых нужд выпускаются сотни предметов (не зря возникли магазины «1000 мелочей»). Приведу только один факт. На кухне современной хозяйки вы встретите до десятка различных бытовых машин: холодильник, утюг, соковарку, пылесос, стиральную машину, миксер и т. д. А если бы хозяйка задалась целью собрать все образцы различных машин, выпускаемых нашей промышленностью для облегчения домашнего труда, то получилась бы не кухня, а склад.

Сегодня в магазинах предлагаются десятки примерно равноценных вещей. Спектр цветов, масса всевозможных материалов, различные марки заводов-изготовителей. Разные, зачастую противоположные рекомендации и оценки окружающих. В этом море вещей важно не растеряться, не стать их слугой. Помнить, что потребности все-таки должны быть разумными.

Давайте задумаемся над таким фактом. При одних и тех же доходах и, казалось бы, при одних и тех же расходах в одних семьях «не хватает денег до полочки», в других всегда находятся возможности одолжить какую-то сумму соседу, отложить на сберегательную книжку. А ларчик-то здесь открывается просто. Не покупай лишнего, ненужного, умей максимально использовать имеющееся. Зайдите во многие квартиры, оглядитесь. Сколько ненужных вещей, предметов, безделушек! Попробуйте в своей квартире навести ревизию в ящиках, шкафах, на полках. Нужны ли вам все вещи, предметы, заполняющие эти пространства? Когда ими последний раз пользовались? Когда они вам понадобятся впредь? И вы наверняка заметите: эти ботинки купил, но не носил — неудобные. Это платье почти неносеное — быстро отошла мода. Здесь починить каблучок — руки не доходят, там петля оторвалась, тут деталь заменить. Одно жалко выбросить, другое, авось, пригодится, третье пусть лежит, есть не просит... А все вместе — это склад ненужных вещей. Это потраченные впустую деньги. Это потраченный впустую труд. Не правда ли, смахивает на сизифов труд? Работаш, зарабатываш деньги, а тратишь их попусту, бросаешь на ветер.

Я уже не говорю о том, что лишние, ненужные вещи, окружающие нас в той же квартире, — это уменьшение нашего жизненного пространства, это дополнительная пыль, грязь, это добровольно отдаваемое нами время на поиски нужной вещи среди массы ненужных.

Проблема «лишних» вещей — это во многом проблема «лишних» денег в кармане, в бюджете молодого человека (да и не только молодого). Сегодня нередко, имея деньги, человек идет по магазинам не с определенной целью (купить то-то и то-то), а просто посмотреть: авось, что понравится. Вспоминаются наставления пожилой женщины (всю свою жизнь она прожила в оренбургской деревне, слыла хорошей

хозяйкой) по поводу траты денег: «Не спеши менять крупные деньги, разменяешь — разойдутся быстро», «Не покупай разной чепухи — покупай крупные, хорошие вещи...». Не раз замечал за собой: если есть в кармане «свободная» пятерка, десятка (то есть деньги, не имеющие конкретного предназначения — купить это, заплатить за то), то начинается какая-то серия полуобязательных, полунеобходимых трат. Понравился в киоске журнал — отдал полтинник (а дома лежит кипа непрочитанных журналов и газет), заодно взял новую серию марок — еще рубль (марки для сына, а он к ним уже охладел), выпил кофе, купил понравившиеся полпалки для удочки (так, авось, когда и соберешься на рыбалку), игрушку-машинку (по счету она у сына где-то в четвертом десятке). Ничего вроде путного не купил, а трех-четыре рублей в кармане нет.

Какой вывод? Только один — нужно выработать в себе финансовую самодисциплину, своеобразную культуру траты денег, культуру расходования собственного труда.

Одно из отличий современных молодых людей перед людьми среднего и особенно старшего возраста — это их более дорогостоящая одежда, наличие у них более дорогих предметов культуры, обихода. Полушубки, кожаные куртки, сумки, джинсы, «дипломаты», кольца-печатки, зонты, транзисторы и т. д. и т. п. Чем моднее, тем лучше. Чем дороже, тем желаннее. Почему сегодня многие молодые люди в буквальном и переносном смысле слова «гоняются» за модными и сверхмодными вещами?

Почему безрасудно бросают на их приобретение (в ряде случаев из рук спекулянтов, перекупщиков) значительную долю своего денежного бюджета, бюджета родителей? Основная движущая пружина этих действий — желания молодых людей. Какими же они? Не будем говорить здесь о потребностях, связанных с утилитарным назначением вещей (одежда должна греть, защищать от ветра, солнца, сумка нужна для переноски необходимых вещей). Старомодные, модные и сверхмодные вещи, как правило, с равным успехом справляются со своими первичными «обязанностями». Более того, нередко острожеланная вещь — последний крик моды! — довольно-таки неудобна. Походите-ка день на супервысоких шпильках, спадающих при быстрой ходьбе сабо или в джинсах, не гнуцихся в коленях.

Новая, модная вещь, по мнению молодых людей, позволяет им, с одной стороны, выделиться из общей толпы («я не как все»), привлечь к себе внимание. С другой — отождествить себя с наиболее передовой в отношении моды группой сверстников (по типу «рыбак рыбака видит издалека»). То и другое служит средством самоуверждения личности. Посмотрите, я модный, современный. Посмотрите, я достаточно обеспеченный (преуспевающий), чтобы носить джинсы, сафари за 200—300 рублей. Посмотрите, у меня есть знакомые, я вращаюсь в таких кругах, которые могут все достать.

К престижным сейчас относятся не только приобретенные втридорога вещи. Есть престижные вина, рестораны, курорты, театры, книги. Сплошной престиж!

Престижным считается тратить деньги не глядя, небрежно: «на чай» — официанту, «сдачи не надо» — таксисту. Так якобы демонстрируется «широта натуры». Причем особенно разворачиваются такие натуры, когда хотят понравиться девушке. И ведь нравятся...

Но удивительная трансформация происходит с молодыми людьми, когда

Научно-техническая революция... Открытия ученых все шире раздвигают границы познания, все мощнее, глубже влияют на практику жизни, все чаще новейшая информация, рождаемая на стыках наук — биологии, физики, химии и других, — проникает в разные сферы создания, обогащая практическую деятельность человека. Одна из

самых влекущих сфер науки для молодого, ищущего ума — биология, познающая загадки живого мира. Как фундаментальная отрасль знания, биология давно заявила о себе во весь голос. Процессы, происходящие в ней сегодня, направлены на решение глобальных проблем, стоящих перед человечеством XX века: это проблемы здоровья, питания, экологии и многие другие.

В этом номере мы открываем новую журнальную рубрику — «ЭРА БИОЛОГИИ».

где напечатана серия материалов о достижениях биологии — теоретических и практических, о значении этой науки. Академик Владимир Александрович Энгельгардт, начинающий на наших страницах разговор по этому поводу, справедливо пишет, что одному человеку невозможно полно охарактеризовать сегодняшнюю многосложную биологическую науку. Мы просим наших читателей написать, с какими учеными в дальнейшем вы хотели бы встретиться в «Смене», о каких сторонах биологии пожелали бы узнать более подробно. Давайте вместе вести эту непростую, но увлекательную тему — «Эра биологии». Ждем ваших писем!

подходит время создания собственной семьи и соответственно выбора спутника жизни. Недавно мы опросили несколько сот молодых людей (юношей и девушек, пока еще холостых и незамужних). Всем им задавался один и тот же вопрос: «Какие черты характера, поведения будущего спутника жизни вы считаете наиболее предпочтительными?» Первые места во всех группах опрашиваемых неизменно занимали такие качества, как «верность», «доброта». Очень высоко ценятся и «умение быть рачительным хозяином, хозяйкой», «способность материально обеспечить семью». Заметьте, молодые люди ориентируются на такие качества в своем будущем спутнике жизни, которых зачастую не имеют сами и не стремятся воспитать в себе для будущей семейной жизни.

И еще об одной «потребности», влекущей за собой громадные прорехи в бюджете. В одном из наших исследований по городу мы подсчитали, сколько раз в году в среднем садится за стол со спиртным молодая незамужняя женщина-строитель. Оказалось — 60 раз. Чаще, чем каждую неделю. Это — в среднем.

Обследование денежного бюджета 192 молодых рабочих, проживающих в общежитиях одного из небольших уральских городов, показало, что на «увеселительные» мероприятия молодой мужчина тратит примерно пятую часть своего заработка, его сверстница, соседка по общежитию, — шестую. И дело здесь не только в деньгах. Выпитая вечером «законная» бутылка — это напрасно убитый вечер, зря истраченная энергия, вред для здоровья. И ни одного плюса.

Кстати, еще Пифагор говорил, что «пьянство есть упражнение в безумстве». Неумеренно пьющий человек — это горе для его родных и близких. Это нравственные потери и неудобства для окружающих. Это экономические потери для производства (прогулы, снижение производительности труда, увеличение брака, поломки оборудования, инструмента, травматизм и т. п.).

Одна из причин пьянства — наличие «лишних» денег в карманах молодых людей. Для большинства несемейных молодых работников сегодня характерна ситуация, когда после удовлетворения необходимых жизненно важных потребностей (питание, одежда, жилье) в бюджете остается нереализованной солидная сумма. От того, куда пойдут эти «лишние» деньги, во многом будут зависеть характер и результативность производственной и внепроизводственной деятельности молодых людей. И вот здесь необходимо думать еще...

О ДВУХ ВАЖНЫХ СТАТЬЯХ РАСХОДА

У Льва Николаевича Толстого есть маленький рассказ-быль «Петр Первый и мужик», в котором царь спрашивает у мужика, куда тот расходует деньги. Мужик отвечает: дескать, я их на три части делю. Во-первых, долг плачу — отца-мать кормлю; во-вторых, в долг даю — сыновей кормлю; в-третьих, в воду мечу — дочерей ращу...

Над третьей статьей расходов сегодня можно лишь улыбнуться, но давайте посмотрим, как в наше время платят свой долг родителям взрослые работающие сыновья и дочери. Вот данные опроса 328 молодых несемейных свердловских металлургов. В анкете стоял вопрос: «Помогают ли Вам родители?» (у всех опрошенных родители живут в других городах, в сельской местности). Оказалось, каждый третий (33,5 процента) более или менее

регулярно получает денежные переводы, такая же часть (примерно 30,8 процента) получает посылки или сама возит из дома продукты (как правило, от родителей, живущих в деревне), каждому пятому (20,1 процента) родители помогают в покупке одежды, обуви и т. д. В анкете стоял и другой вопрос: «Помогают ли Вы своей семье деньгами, материально?» В этой части анкеты мы зафиксировали куда более скромную цифру — помогают регулярно около 9 процентов (каждый одиннадцатый).

Итак, чаще помощь сегодня идет от родителей к взрослым работающим детям, и это при том, что средний доход на человека в семье у первых в 1,5—2 раза меньше, чем у вторых...

А теперь о второй статье расходов. Что такое холостяк? Это потенциальный жених, потенциальный будущий муж, отец, семьянин. То же самое можно сказать и про незамужних девчат. Вряд ли вы найдете сегодня среди молодых людей тех, кто не связывает свою будущность с образованием собственной семьи, с рождением и воспитанием собственных детей. Если случайно встретите такого, то не верьте ему, — это напускная бравада. Но если уж действительно человек убежден, что ему не нужна собственная семья, — то это социальная аномалия. Человек этот достоин жалости.

Итак, впереди, как говорят, не за горами — свадьба, семейная жизнь. А любовь, как сказал поэт, это «не вздох на скамейке и не прогулки при луне...». Начало семейной жизни — это, как правило, и резкий рост, и изменение потребностей, и соответственно резкий рост расходов. В этот период уже не существует проблемы «лишних» денег. Денег, как правило, не хватает. А молодым супругам хочется побыстрее свить свое семейное уютное гнездышко. А почему бы не подумать об этом периоде заранее? Почему не попытаться ввести некое плановое начало в свою жизнь? Не жить одним днем. Подумать о завтрашнем. Сегодняшние «лишние» деньги будут очень кстати завтра. Сделать это несложно. Почему бы не приобрести впрок такие «семейные» вещи, как телевизор, холодильник, наборы посуды, мебели. Заметьте, испокон веков молодая семья начиналась не с пустого места. У невесты было приданое: о нем беспокоились заранее не только родители, но и сама молодая. Да и жених вез свою суженую не в пустую хату. Человеку присуще думать о завтрашнем дне, тем более о нем должен думать молодой человек.

Молодой человек и деньги. Проблема злободневная, волнующая всех, никого не оставляющая равнодушными. С помощью денег молодые люди становятся экономически самостоятельными, с ними осваивают сложный мир социально-экономических и моральных, нравственных связей людей. Уметь зарабатывать деньги и уметь их тратить (в хорошем смысле слова) — неперемьные качества взрослого, самостоятельного человека.

Вообще-то «считать чужие деньги» — занятие весьма трудное и не очень-то благодарное, многими воспринимается как нечто предосудительное. Но, с другой стороны, подобные исследования, в ходе которых можно получить ответы на вопросы: откуда человек берет деньги, как он их зарабатывает, на что он их тратит, как он это делает — позволяют с большой долей достоверности судить о нравственной и общественно-политической зрелости его личности, его потребностях, идеалах, ценностных ориентациях. То есть о вещах, к которым не могут быть равнодушны ни близкие человеку люди, ни общество в целом.

В. А. ЭНГЕЛЬГАРТ,
Герой
Социалистического Труда,
лауреат
Государственных премий СССР,
академик,
директор Института
молекулярной биологии
АН СССР

— Владимир Александрович! Не могли бы вы очертить круг задач и проблем, которыми занимается современная биология?

— Рассказать о современной биологии — задача непосильная для одного человека. Ибо круг проблем, которыми занимается эта наука, воистину необозрим.

Есть классическое направление в биологии. Оно успешно развивается и сегодня. Биологи изучают происхождение живых существ, пытаются понять многообразие путей эволюции всего живого, стараются составить исчерпывающие классификации существующих в мире организмов.

Но современная биология — наука прежде всего экспериментальная, а не описательная. Новейшие достижения физики, химии, математики — электронная микроскопия, рентгеноструктурный анализ, меченые атомы, хроматография, ЭВМ, полностью автоматизированные комплексы приборов — все это и многое другое взято сегодня на вооружение исследователями-биологами.

Познание живого организма как сложной многоуровневой и интегрированной системы, а также всех форм его взаимодействия с окружающей средой — так, наверное, можно определить предмет нашей науки.

Изучение тончайших механизмов живого, которое сейчас ведется на молекулярном, генетическом, клеточном уровнях, дополняется противоположным подходом — рождением комплексных, синтетических дисциплин. Это биохимия, биофизика, радиобиология, космическая биология. В результате союза биологии с техникой родилась бионика. Это наука, использующая принципы жизнедеятельности организмов живых систем для создания новых приборов и автоматов.

Под влиянием практики развились

такие прикладные дисциплины, как техническая биохимия и сельскохозяйственная микробиология. Биология была и остается теоретической основой здравоохранения и сельского хозяйства. Ее успехи способны гарантировать нам рациональную эксплуатацию живых природных ресурсов и максимально глубокое изучение биосферы Земли и круговорота веществ в ней.

Поверьте, рассказывать о современной биологии, ее ответвлениях и направлениях, точках соприкосновения с другими науками, техникой, производством, медициной, наконец, с космосом я мог бы еще очень долго.

Но мне хотелось бы подробнее поговорить о молекулярной биологии.

Многочисленные биологические механизмы теперь уже можно свести к молекулярным процессам, то есть их можно объяснить исходя из строения и свойств химических молекул, особенностей и типов химических реакций, протекающих в живой клетке.

Молекулярная биология — эти два слова заключают в себе целую программу исследований: на молекулярном и атомных уровнях объяснить такие основные феномены жизни, как наследственность, рост, развитие, дифференцировка, раздражимость, движение, память. Пока еще трудно сказать, как скоро молекулярная биология сможет достигнуть поставленных целей, так как задачи эти чрезвычайно сложны и многообразны.

Словом, лицо молекулярной биологии определяется постановкой вопросов, цель которых — установить связь между структурными превращениями молекул и их биологической функцией.

— Владимир Александрович, всякий раз, когда мы пытаемся оценить степень новизны той или иной ветви науки, понять, насколько она расширяет горизонты нашего познания и,

**ПРО
ММИ**

наконец, насколько внушительны здесь открывающиеся перспективы, мы неизменно обращаемся к истории возникновения этой дисциплины. Остановитесь, пожалуйста, на основных этапах становления молекулярной биологии.

— Время рождения молекулярной биологии отсчитывают с 1953 года, когда было расшифровано молекулярное строение «вещества наследственности», знаменитой сегодня двуспиральной структуры ДНК.

Но я хочу пойти по другому пути и рассказать об истоках молекулярной биологии в нашей стране.

При основании нашей академии Петр I пригласил на кафедру анатомии и физиологии в качестве ее руководителя выдающегося представителя точного знания — математика Леонарда Эйлера. Это как бы — с огромным опережением времени! — предначертало ту линию развития биологических исследований, которая спустя два века стала магистральным путем познания коренных основ жизни. Ведь молекулярная биология стала реальностью, когда в изучение фундаментальных проблем биологии включились физики, химики и математики.

В науке о живом мире дольше, чем в других областях естествознания, преобладал описательный подход. Предметы и явления не подвергались преднамеренному воздействию человека, что позволяло ориентироваться в их многообразии, вносило в накапливающиеся сведения о них элемент порядка, поро-

дало принципы классификации и систематики. Простая констатация, свойственная описательному методу, приобрела характер как бы самоцели, а задачи вскрытия внутренних движущих сил, поиск причинных зависимостей оставались вне поля зрения исследователей.

Экспериментально-биологические исследования начались в системе академии в 1893 году в специальной зоологической лаборатории, созданной по инициативе А. О. Ковалевского. Он, а также И. И. Мечников были первыми из ученых, которые целеустремленно и последовательно вводили экспериментальный подход к изучению процессов, происходящих в живом мире.

Черты чисто физического подхода к изучению биологии растений можно увидеть в работах А. С. Фаминцына, который выяснял возможность осуществления фотосинтеза при искусственном освещении. Классические работы К. А. Тимирязева по фотосинтезу с предельной отчетливостью продемонстрировали плодотворность чисто физических подходов к изучению биологических явлений.

Д. И. Ивановский на основе изучения мозаичной болезни табака выдвинул предположение о существовании особых болезнетворных начал, отличных от микробов, которые позже получили наименование вирусов. Тем самым фактически были заложены основы развития вирусологии, которая сыграла немалую роль в будущем становлении молекулярной биологии.

Совершенно очевидно, что к позна-

нию внутренних взаимоотношений между структурой и биологической функцией молекул можно было перейти, лишь накопив достаточное количество сведений о химической природе важнейших составных частей живой материи и о главных чертах их химических превращений. Работы по изучению объектов живого мира, то есть биохимические исследования, в царской России были немногочисленными. Но мы и сегодня с гордостью произносим имена Д. Н. Прянишникова, С. П. Костычева, В. И. Палладина, И. М. Сеченова — авторов классических работ в этой области.

Решающий перелом в развитии науки о живом произошел в первые годы Советской власти, когда в полной мере начали сказываться мудрые принципы «дальнего прицела», положенные нашей партией и правительством в основу организации исследовательской деятельности в стране. Еще в период гражданской войны была создана сеть институтов в системе Народного комиссариата здравоохранения. Сюда входили Институт физики и биофизики, возглавлявшийся академиком П. П. Лазаревым, организованный академиком А. Н. Бахом Институт биохимии и Институт экспериментальной биологии, возникший по инициативе Н. К. Кольцова. Именно институт, который возглавлял Н. К. Кольцов, и сыграл важную роль в создании фундамента нового направления — экспериментального изучения физических и химических основ явлений жизни.

О молекулярных механизмах наследственности он заговорил на III съезде

советских зоологов еще в 1927 году. Правда, в то время гипотеза Н. К. Кольцова оказалась большинству не более чем красивой догадкой. Но уже в 1934 году Н. К. Кольцов убежденно повторял: «В основе каждой хромосомы лежит тончайшая нить, которая представляет собой спиральный ряд огромных органических молекул-генов. Возможно, вся эта спираль является одной гигантской длины молекулой». Н. К. Кольцов в то время развил и представления о превращениях молекулы-хромосомы, о том, какой биологический смысл эти превращения имеют: «При размножении клетки и хромосомы эта спиральная молекула делится продольно, или, точнее, на нее накладывается под влиянием сил кристаллизационного сцепления второй такой же ряд генов». И главная мысль этих работ Кольцова: каждая наследственная молекула — из молекулы же.

Сегодня, спустя несколько десятилетий, мы видим, что Кольцов почти во всех чертах сумел сформулировать основные закономерности в организации механизма наследственности. Я до сих пор с восхищением и благодарностью вспоминаю лекции Кольцова в народном университете имени Шеняевского.

Мне довелось начинать свой путь в науке в 1921 году в Институте биохимии. Сегодня странно вспомнить, что в то время сам термин «биохимия», «биологическая химия», был нов и достаточно необычен и открытия, которые для своего времени были прорывом за грань неведомого, порою делались при самом скудном техническом оснащении: пробирки, аналитические весы да примитивный колориметр.

Но дело, конечно же, не в технике. В ту пору нас, как и сегодня, волновали одни и те же проблемы: что такое живая материя, как устроена и работает клетка, что такое наследственность? Но сегодня мы так далеко ушли вперед в понимании этих проблем, что порою мне кажется, что в науке за эти десятилетия минуло несколько исторических эпох.

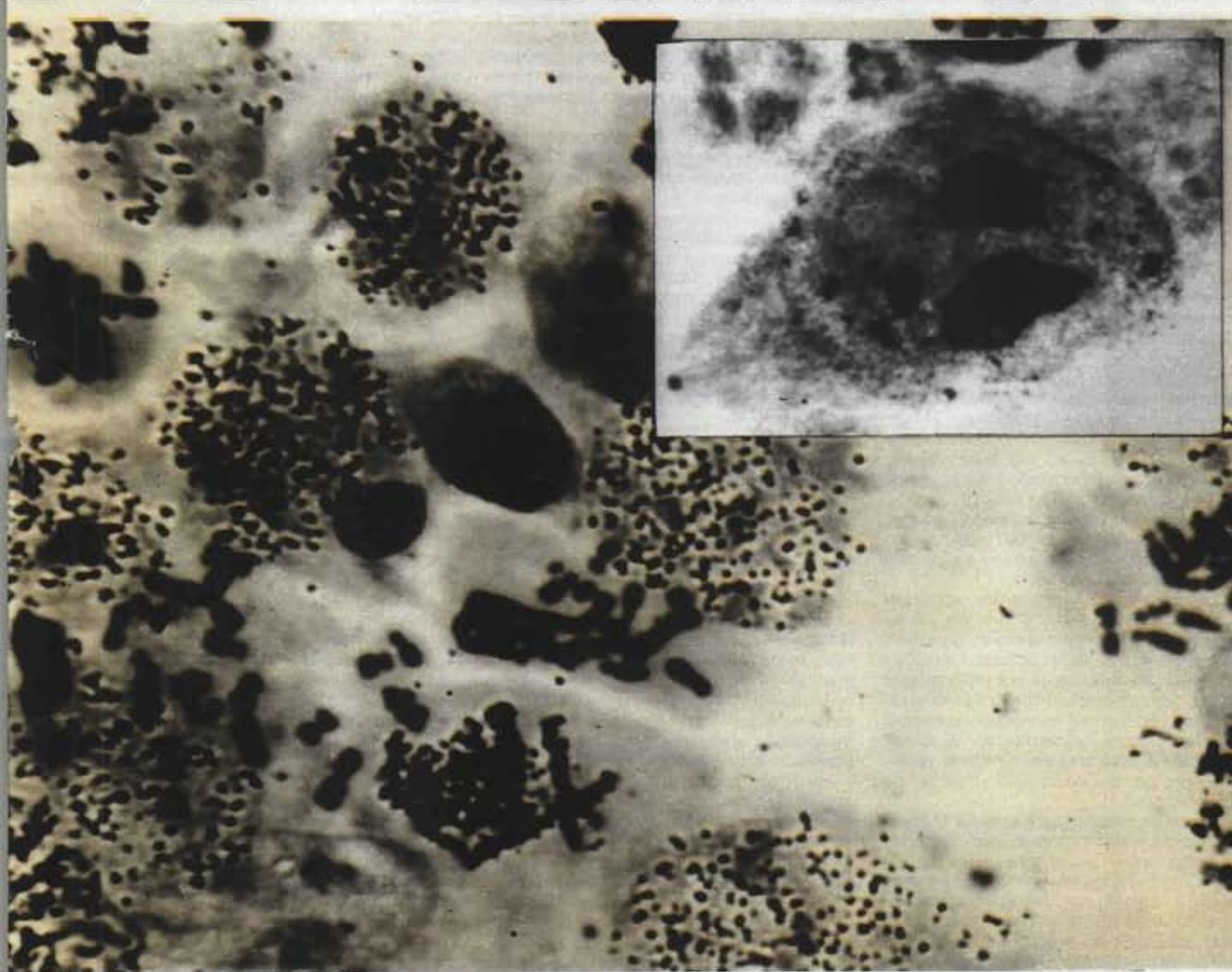
— Мир молекулярной биологии — это мир гигантских молекул, участвующих в процессе жизни. Так очень часто пишут в популярной печати о вашей науке. Такая расшифровка столь же понятна, сколь и не слишком содержательна. Расскажите о тех чертах молекулярной биологии, которые вам кажутся самыми характерными.

— Прежде всего назову трехмерность. Именно это нагляднее всего отличает молекулярную биологию от ее ближайших предшественниц и соратниц. Ведь биохимику достаточно изобразить на бумаге цепочку уравнений — смысл событий, волнующих его, станет понятен. А вот в молекулярной биологии пространство всегда выступает как важнейшее действующее лицо. В мире молекулярной биологии изменения пространственной конфигурации молекул не только обычное дело, но, более того, важнейшее их свойство, благодаря которому эти молекулы и могут выполнять свои биологические функции. Классическим примером здесь служит, в частности, молекула гемоглобина. Ее структура, как оказалось, тесно связана, даже более того, порождена выполняемой функцией — связывать кислород и в составе эритроцитов крови переносить его из легких в различные ткани организма.

Как же осуществляется эта связь между структурой и функцией?

Молекула гемоглобина возникает в результате взаимодействия четырех субъединиц, каждая из которых являет собой достаточно законченный, сформированный блок. Субъединицы, соединяясь в пары — пар, следовательно, получается две, — образуют не жесткую, неподвижную структуру, а гибкую, меняющуюся, трансформирующуюся. Когда молекула гемоглобина «занята» своей основной работой, то пары субъединиц то сдвигаются друг с другом, то раздвигаются.

МАДИНА КРОМИР

гаются. При их сближении молекула получает такую конфигурацию, что может захватить атом кислорода, а при их расхождении атом кислорода освобождается — молекула словно выпускает его из своих объятий. Весь этот процесс очень напоминает движение грудной клетки, что и дало одному из исследователей основание назвать молекулу гемоглобина «молекулярными легкими».

Еще один пример. В работе, которая проводилась под руководством академика Ю. А. Овчинникова, изучалось действие биологических факторов, которые обеспечивают так называемый активный транспорт веществ. Дело здесь вот в чем. Ведь обычно вещества передвигаются от мест с более высокой их концентрацией туда, где их содержание в данный момент ниже. Но в живой материи множество важнейших функций — хотя бы проведение нервного импульса — основано как раз на обратном: переносе ионов туда, где их концентрация становится больше. Это явление и называется активным транспортом. Оно обеспечивается действием специальной группы веществ — ионофоров. Так вот, в работе, о которой я начал говорить, изучался валиномицин — типичный представитель таких «переносчиков».

Оказалось, что при одних условиях пространственная форма молекулы валиномицина напоминает закрытый бутон цветка. Но стоит им измениться, как молекула буквально преобразуется: она просто выворачивается наизнанку, словно бутон распускает свои лепестки. Именно в результате такой трансформации и осуществляется активное перемещение-перенос ионов калия через клеточные мембраны, «в строительстве» которых участвует валиномицин.

И этот новый, объемный мир требует от исследователя умения приспособиться к нему, «войти» в него. И «жить» там. Ведь, в сущности, и расшифровка генетического кода, ознаменовавшая рождение молекулярной биологии, была не чем иным, как торжеством пространственного воображения. Используя данные, полученные целым рядом других ученых, объединив в пространстве множество отдельных деталей, Ф. Крик и Дж. Уотсон сумели вообразить целостную пространственную структуру — двойную спираль.

Второй характернейший признак молекулярной биологии — так называемый принцип редукционизма. Суть его в том, что познание сложного, в том числе и жизненных процессов, должно идти через расчленение сложного на его возможно более простые части, которые в конце концов и становятся фактическим предметом изучения.

Сегодня не поддается сомнению, что, только избрав именно этот путь, молекулярная биология добилась целого ряда выдающихся успехов. Бактерии, вирусы, фаги, субклеточные образования были главными объектами исследования во всю предшествующую пору молекулярной биологии. Это само по себе привело к немалым успехам в познании живой материи. Но позже закономерности, обнаруженные при изучении этих предельно простых объектов, оказалось возможным распространить и на весь мир живых существ. Ясно, что если природу многих процессов, важных, скажем, для жизни слона, можно вскрыть, изучая микроб кишечника палочки, — это торжество принципа редукционизма.

Но, разумеется, принцип редукционизма не только многое дает исследователю, но и требует от него умения видеть место исследуемого им механизма в общей картине жизни, или, говоря словами русской пословицы, — умения за отдельными деревьями видеть и весь лес. Сводя сложное явление к сумме его частей, надо обязательно уметь продвигать этот путь и в обратном направлении: к сложному целому, к системной организации, к воссозданию целостности, другими словами, уметь от редукционизма перейти к интеграции.

— **Сила научной теории, как известно, заключается в ее предсказательности. Сегодня процесс деления клетки достаточно хорошо изучен, но все его составные детали были «извлечены» экспериментальным путем, ни одна из них не была предсказана теоретически. Вряд ли этому стоит удивляться. Ведь еще только предстоит преодолеть настоящую пропасть между простейшими объектами, стоящими на грани живого и неживого, изучением которых занимается молекулярная биология, и миром высших организмов. Что делается для того, чтобы «перебросить мост» через эту пропасть?**

— Сегодня хорошо известны примеры самосборки сложных, многомолекулярных образований из их отдельных составных частей. Некоторые белки состоят из нескольких самостоятельных субъединиц. Они могут быть разложены на эти составные части. Но самое замечательное состоит в том, что если смешать эти части — при благоприятных условиях, разумеется, — исходная сложная структура образуется снова.

Аналогичным образом построено множество ферментов. Несмотря на то, что число их компонентов может достигать нескольких сотен и даже тысяч, и здесь можно наблюдать явление самосборки.

Еще сложнее по своему составу рибосомы, а также вирусы и бактериофаги. Здесь в построении комплекса уже участвуют представители обоих главных классов биологических полимеров — белки и нуклеиновые кислоты. В рибосомах, например, имеется три рода нуклеиновых кислот и около двух десятков различных индивидуальных молекул белков. А частица вирусной табачной мозаики содержит наряду с нуклеиновой кислотой более двух тысяч одинаковых молекул белка. И вот эти гигантские по молекулярным масштабам структуры могут «самособираться» из своих отдельных составных частей.

Но давайте посмотрим, как усложняются биологические объекты на разных последовательных уровнях их структурной и функциональной организации.

На самой ее низшей ступени мы можем взять бактериофаг, бактериальный вирус R-17, который использовался для многих исследований. Его наследственный аппарат содержит всего три гена. Один из них содержит информацию о структуре так называемого белка А, второй — о строении оболочки этого бактериофага, а третий регулирует образование фермента, который обеспечивает получение новых копий нуклеиновой кислоты фага, когда он проникает в бактериальную клетку. Как видите, здесь все сведено к минимуму: три гена и три белка. Но зато — это характерно для всех вирусов вообще — R-17 не способен ни к каким самостоятельным проявлениям жизнедеятельности. Он может делать только одно: заражая клетку, встраивать свою наследственную программу в синтезирующие системы клетки, переключать их работу на себя, организуя таким образом воспроизводство своих новых копий. Вот, собственно говоря, и все, что мы имеем на уровне бактериального вируса.

Бактериальная же клетка устроена несравненно сложнее. Столь же сложное и разнообразное спектр ее функций. Огромное число генов, большой «набор» обменных процессов и соответственно набор белков-ферментов, обеспечивающих эти процессы, способность клетки ассимилировать вещества из неживой природы и размножаться путем деления — это далеко не полный «список» ее особенностей.

Но вот от следующего уровня — клетки многоклеточного высшего организма — бактерии снова отделены целой пропастью. Здесь мы уже видим сложнейшую картину использования наследственной информации: одни гены постоянно работают во время жизни клетки, другие включаются лишь в определен-

ные моменты, треть вообще всегда остается выключенной. И, наконец, сотни тысяч белковых молекул ежесекундно работают в разных частях клетки, и каждый «сорт» белков делает свое собственное дело.

Принципиально иной становится и вся система управления жизнедеятельностью клетки. Расщепление исходного сырья, поступающего в клетку, синтез новых молекул, которые нужны клетке именно в данный момент, обеспечение энергетических резервов, наработка материала, который понадобится клетке, когда она приступит к делению и «даст жизнь» двум дочерним клеткам, синтез информационных молекул в ядре... — все это и множество других процессов происходят в клетке одновременно. И у исследователя сразу возникает множество вопросов: как в клетке организовано «распределение» ее энергетических и материальных ресурсов? Как вновь образованная белковая молекула перемещается от места синтеза туда, где она нужна для работы? А эти расстояния нередко в тысячи раз превышают размеры молекулы. Что и как управляет этим процессом?

Или еще пример. Этапы клеточного деления необычайно четко следуют один за другим. Этим циклом подчинено все существование клетки. Но как она их «отмеряет», как отсчитывает время и какова вообще природа «биологических часов»? Ответ на эти и многие подобные вопросы ученым еще только предстоит найти.

Живая клетка — при всей необычайной сложности своей организации — отличается удивительно скоординированной согласованностью всех процессов. И здесь опять-таки мы пока не знаем, как достигается эта согласованность. Не знаем, как возникает эта уникальная целостность — живая клетка.

Пойдем дальше — от клетки к высшим организмам. Тут во весь рост встает проблема дифференциации, то есть последовательного усложнения живого объекта в процессе развития. По сути дела, это вопрос о первоосновах процесса, обратного редукционизму, — о возникновении сложного из простого. Ведь организм с его бесчисленным многообразием органов, тканей, типов клеток, процессов и веществ возникает из одной-единственной клетки.

Выше я говорил о трехмерности процессов молекулярной биологии. Если же мы будем искать законы и механизмы дифференциации, в действие вступает еще одно, четвертое измерение — время. И мы должны быть готовы к тому, что здесь придется встретиться с совершенно новыми задачами, которые во многом не будут походить на то, что уже встречалось исследователям.

Как видите, в нашей науке сегодня гораздо больше вопросов, чем ответов на них. Но вряд ли этому стоит удивляться — таков обычный ход научного познания.

— **Владимир Александрович, и тем не менее мой следующий вопрос относится к числу тех, на которые, вероятно, никогда нельзя дать однозначного ответа: каким вы видите будущее молекулярной биологии?**

— Вопрос, сравнимый по сложности с нерешенными проблемами нашей науки. Несомненно, что она, следуя заложенному в нее главному методологическому принципу — предельному упрощению познаваемых объектов, — будет развиваться, будет стремиться к познанию природы жизни — новой категории, возникшей в процессе эволюции.

На этом пути перед нами должны открыться возможности управления жизненными процессами — такими, как лечение врожденных и злокачественных заболеваний, использование простейших организмов в промышленных целях и так далее.

Противоположный уровень будет представлен изучением высших проявлений жизни — сознания, разума, мыш-

ления, речи, памяти, свойственных человеку и составляющих сегодня сферу максимальной сложности и совершенства, достигнутых природой в процессе развития Вселенной.

Видимо, в последние десятилетия нынешнего и начале следующего тысячелетия поиски будут идти именно здесь. Предсказывать же конкретные формы, в которых воплотится эта стержневая линия развития науки, на мой взгляд, сейчас просто нереально.

— **Что бы вы хотели пожелать молодежи, сегодня вступающей в науку? Ведь именно тем, кто сегодня только начинает свой творческий путь, как раз и предстоит решать проблемы, о которых вы только что сказали.**

— Прежде всего хотелось бы, чтобы молодой исследователь всегда видел перед собой как путеводное напоминание — на рабочем столе, на первом листе рабочей тетради — слова великих творцов науки о духовных задачах ученого. Это прежде всего обращение нашего гениального ученого И. П. Павлова к молодежи. Оно звучит так:

«Что бы я хотел пожелать молодежи нашей родины, посвятившей себя науке?»

Прежде всего последовательности... Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черновую работу в науке...

Второе — это скромность. Как бы высоко ни оценивали вас, всегда имейте мужество сказать себе: я невежда.

Третье — это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни».

Вот каким должен быть внутренний мир истинного ученого.

Что такое «призвание» ученого? Что заставляет его отдавать все свои силы работе? Что движет его творчеством? На мой взгляд, две силы. Во-первых, это изначально присущие уму человека пытливость и беспокойство. Они развиты у ученого в предельно сильной степени и составляют характерную особенность его интеллектуального склада. А во-вторых, это сознание, что своей деятельностью ты приносишь пользу людям. Я думаю, что как раз из них и складывается творческое стремление ученого.

Способность к творчеству — высший дар, которым наградила природа человека на бесконечно длительном пути его эволюционного развития. И поэтому я хотел бы напомнить молодым людям слова Р. Роллана: «Жертвовать всегда жертвовать мелочами жизни своему искусству».

А искусство ученого — в его умении сочетать свободу и принуждение: свободу полета творческого воображения и принуждение холодного разума к жестокому обузданию этого полета, чтобы не устремляться к солнцу истины на крыльях Икара, скрепленных воском, а создавать прочную опору для поисков этой истины беспощадным анализом, проверкой своих замыслов и выводов.

Пусть же главной движущей силой в работе нового поколения ученых будет высокое удовлетворение самим процессом научного творчества и сознанием приносимой пользы. Не оскверняйте этих чувств низменными побуждениями. Боритесь, как с чумой, с корыстью в науке, со всеми проявлениями этого порока — самовосхвалением, искушением присвоить чужую мысль, погоней за степенями и званиями, за окладом или служебным положением. Подлинные научные заслуги всегда получают признание и оценку.

Научитесь радоваться успеху соседа так же, как и своему собственному, ибо наука — это общий клад, где все, внесенное тобой, оставаясь твоим творческим вкладом, одновременно становится и общим достоянием всего человечества.

Беседу вел
Анатолий ЛЕПИХОВ.

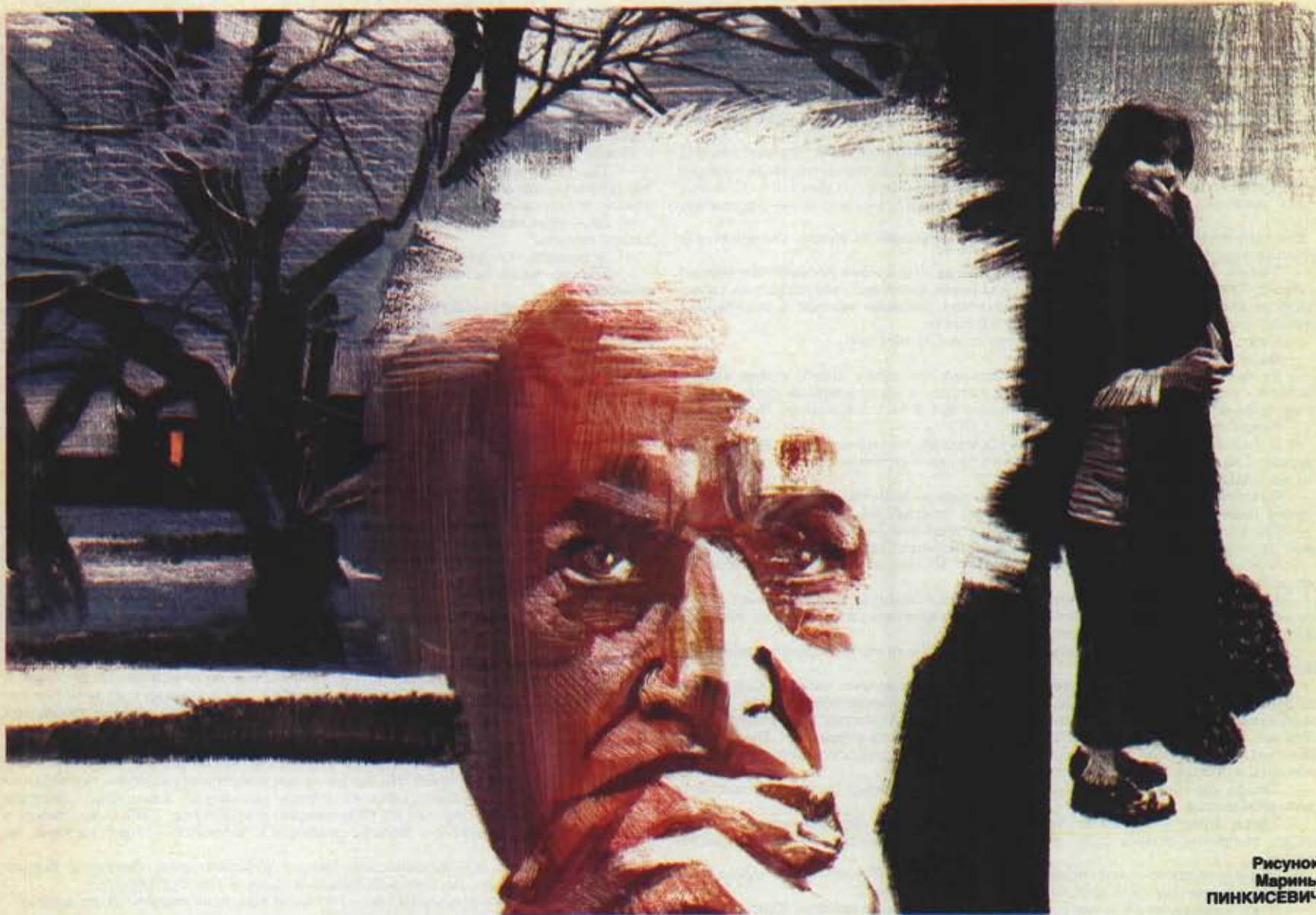

Рисунок
Марины
ПИНКИСЕВИЧ

СОЛДАНЕЦЫ МЕШЕЛИ

Юрий НАГИБИН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Нексе с раздражением скомкал газету. Все то же: солдат с перекошенным ртом ломит — штык наперевес — сквозь шрапнельные разрывы. В середине мая 1917 года этот солдат в немецкой каске так же победно пер на врага, как и в начале войны, а победы кайзеру не видать, как своих ушей. Похоже, что никто, кроме руководителей датской социал-демократической партии, связанной «традиционными узами» с немецким «рабочим движением», не верил в эту победу. Но к черту проклятую войну, у него сейчас своя задача: взять за горло директора «Гюльдендала», выжигу и скупердя Петера Хансена, иначе он пойдет по миру со всей семьей. И как всегда перед схваткой, седые волосы Нексе стояли дыбом, будто перья на шее боевого петуха.

Он пересек площадь, запруженную толпой и конной полицией. Слышались антивоенные лозунги, угрозы полицейских, издевательские выкрики в их адрес, брань, злой смех.

Подошли три нафабранных офицера. Парень в рабочей спецовке бросил им в лицо:

— Слетелись, как мухи на падаль! Не будет вам пушечного мяса!
— Трусливая шваль! — презрительно уронил один из офицеров. — Тебе наплевать на родину!

— У меня другая родина! — гаркнул парень. — А на твою родину я плевать хотел!..

Толпа окружила офицеров. Самый юный из них схватился за эфес сабли. Это лишь подлило масла в огонь. Погоны сорваны со спесивого мальчишки. Он тщетно пытался вырваться из круга. Толпа взялась за других офицеров. Конные полицейские ринулись им на выручку. Замелькали дубинки. Офицеры пытались спрятаться между лошадьми. Их испуганные, бледные, утонченные лица смешно и жалко мелькали среди лоснящихся круп и лошадиных хвостов. Гнедая лошадь уронила «грушу», офицер молниеносно отскочил, боясь испачкать до блеска начищенные сапоги. Толпа разразилась хохотом. Полицейские врезались в толпу и погнались ее к железнодорожной насыпи. Нексе с трудом выбрался из людского месива...

2

Он подошел к издательству «Гюльдендаль» на улице Кларебудерне. Большая и мрачная приемная. С потолка свешивалась пыльная хрустальная люстра. Стены обиты панелями красного дерева. Повсюду портреты знаменитых писателей и директоров издательства прежних времен. Окна занавешены тяжелыми плюшевыми гардинами, и это усиливало ощущение отрезанности от мира.

При входе Нексе секретарша привстала со своего места за письменным столом. Она поклонилась, улыбаясь дежурной улыбкой, взяла трубку старинного телефона и что-то пробормотала в нее. Сразу же распахнулась дверь директорского кабинета, и появился весьма величавый господин — Петер Хансен. Он средних лет, одет франтовато: галстук бантом, жилет, визитка и брюки в полоску. Гладкое лицо припудрено, волосы блестят от бриллиантина. Веки тяжелые, свинцово-серые. Он никогда не открывает глаза полностью, а когда говорит — гнусавый голос звучит с кокетливой томностью.

Хансен преувеличенно любезно поздоровался с Нексе и пригласил в кабинет. С тем же барственным гостеприимством он усадил знаменитого писателя в глубокое мягкое кресло, стоявшее наискось от огромного полированного письменного стола. Достал ящичек с сигаретами и предложил Нексе.

— Для меня большое удовольствие, исключительное удовольствие видеть вас здесь, дорогой писатель, — заверил Хансен. — Как поживает ваша красавица жена и ваши славные малютки?

— Спасибо, — наклонил крупную голову Нексе. — Они в полном порядке. Куда хуже обстоит дело с халупкой, которую мы в жалкой человеческой гордыне называем своим домом.

— Вы домовладелец? Ну, как не позавидовать писателям! И все-то у них есть!..

— О да, — иронически заметил Нексе, — наши сердца заплывли жиром, как у скальда в саге. Дело в том, что кредитное общество внезапно потребовало дополнительную плату, больше тысячи крон. Иначе у нас отберут дом. Видимо, им показалось, что я слишком дешево купил эту развалюху. А толк в параграфах они знают.

— Для работников умственного труда, как вы и я, деньги — проклятый вопрос, — серьезно произнес Хансен, попыкая дорогой сигарой. — Но, признаться, я думал, что вы пришли по другому делу. По нашему общему, я бы сказал, делу... Вы знаете, конечно, что продажа ваших книг идет не совсем так, как мы рассчитывали... А за вами числится аванс, не так ли?.. Что-то около десяти тысяч крон... Ох, грехи наши тяжкие!.. Но не беда — выход найдется. Будем говорить напрямик, как и подобает таким старым разбойникам, как мы.

— Какой из меня разбойник? Мне бы хоть капельку вашей деловой свитки. — Спасибо за комплимент, но, к сожалению... Да, некоторые писатели считают меня законным дельцом. — Хансен меланхолически улыбнулся. — Конечно, таких немного, единицы... Большинство знает, что у них нет более преданного друга...

Его витийство и околичности все больше раздражали Нексе. Окончательно потеряв терпение, он выпалил:

— Так что же мне делать с этим проклятым долгом и моим несчастным домом? Петер Хансен откинулся на стуле и медленно выпустил сигарный дым сизым столбом к потолку. Он совсем закрыл глаза тонкими веками и проговорил, гнуся сильнее обычного и не глядя на Нексе:

— Боже, и это писатель! Полное отсутствие фантазии!..

— Да, я не мастер придумывать.

— Тогда послушайте человека, у которого нет иных целей, кроме вашего блага: вы уступите нам право на все ваше старье, а мы списываем аванс. — Чуть приподняв веки, Хансен пытливо взглядывался в ошеломленного Нексе.

— Какое старье, я не понимаю!

— О святая простота! Ну, все, что вы издали до сих пор в нашем добром, старом «Гюльдендале». Вы уступаете нам право собственности, так называется это на языке крючкотворов.

— Благодарю покорно! Лишиться последних шансов!.. Говорят, если на корову надеть зеленые очки, она будет есть опилки, но я не корова, Хансен!

— Вы не дослушали, — поспешно сказал редактор. — Мы подкинем вам еще пару тыщенок. Расплатитесь за дом, и на чернила останется.

— А тем временем вы дадите новый тираж «Пелле-завоевателя» и запихаете в рот весь пирог.

— Вам следовало бы побороть вашу... пролетарскую недоверчивость. Это, несомненно, мешает вам в работе. «Пелле» превосходен, спору нет, но это не та книга, за которой выстраиваются очереди.

— Тут вы ошибаетесь. Мои знакомые не могли достать ни одного экземпляра. Значит, роман распродан.

— Не знаю, откуда у вас такие сведения, — недовольно сказал Хансен. Он сохранил внешнее хладнокровие, но нога в лакированной туфле нервно подергивалась. — Мой дорогой писатель, наше издательство существует лишь ради вас, но деньги есть деньги. Ваш долг автоматически возрастает. Проценты... Они съедят вас, милый друг. Разве только вы произведете сенсацию, но это такая редкость в нашей маленькой стране.

— Теперь вы мне угрожаете! — Нексе с силой раздавил сигару в металлической пепельнице.

— Упаси боже! — Редактор Хансен, защищаясь от несправедливого обвинения, выбросил вперед руки с наманикюренными ногтями. — Ваши предложения?

— Самое разумное — дать новый большой тираж «Пелле». Вы получите все, что вам полагается, да и мне останется кусочек пирога.

— И вы называете себя материалистом! — горестно вздохнул Хансен. — Нет, мой дорогой, времена сейчас не для сомнительных предприятий... Но... подумайте, о чем я вам сказал. Посоветуйтесь с вашей очаровательной женой, у нее прекрасный, практический ум... И вы увидите... Мы найдем общий язык...

— Спасибо, — сказал Нексе и поднялся. — Мне не нужно обдумывать этот вопрос. Будьте добры прислать мне точные сведения о моем долге издательству. А я сохранил мои права на мои книги. И найду себе другого издателя. Предложу ему новый роман, глядишь, и «старье» пристрою.

Этого Хансен не ожидал. Он оторопело посмотрел на Нексе, сбивший с толку неожиданным поворотом дела, и тоже встал.

— Не делайте глупостей, Нексе, — сказал он без всякого ломания, и в голосе его послышалось неподдельное утомление переигравшего актера с оттенком горечи. — Все редакторы на один покрой. Мы же, ей-богу, не самые плохие. Есть куда хуже.

— Странно, — произнес Нексе. — Это стало дежурной песенкой социал-демократов: мы плохие, но другие еще хуже. Что это — сознание своего несовершенства или хитрый тактический ход?

— С нами вы еще держались, Нексе, — не слушая его, устало сказал Хансен, — а с другими вовсе вылетите в трубу.

— Я привык рисковать! — Нексе вышел из кабинета, кивнув испуганной секретарше и навсегда захлопнув за собой двери «Гюльдендала»...

3

Сойдя с поезда в Эсперьерде, Нексе побрел по тропинке через зеленую поля. Смеркалось. Но он шел уверенно, эту дорогу он мог бы проделать с закрытыми глазами. Наконец на тропинку упал свет из окон небольшого дома. Это «Заря», так гордо назвала свое скромное жилище семья Андерсена Нексе.

Домик невелик и довольно невзрачен; незаметно, что его старательно латали, чинили, укрепляли, дабы привести в жилой вид. Хорош небольшой сад, с кустами роз, боярышника, ежевики, с нерослыми березами и елями. Сад — гордость Нексе. Увидев мужа, на крыльцо вышла Маргрете, статная, видная женщина с серьезным и милым лицом. Она держала на руках толстого младенца. Остальные дети — погодки, от двух до четырех — Олуф, Сторм, Инге, облепили отца, тычась в него перемазанными кашей лицами. Улыбаясь и глядя детей по светлым головкам, Нексе вошел в дом.

— Ну, что в «Гюльдендале»? — озабоченно спросила Маргрете.

— Все отлично! Я с ними распеваюсь.

— Господи! — Маргрете опустила на стул. — Что же с нами будет?

— Завтра напишу в «Аксегаут», они давно приманивают меня.

— Бюось я перемен. С «Гюльдендалем» мы как-то существовали.

— Кокетка-Хансен недаром восхвалял твой «прекрасный практический ум». Ты настоящий адвокат «Гюльдендала»!

— Не знаю, что там говорил Хансен. Но мне хочется сохранить наш домик. Ведь у нас ничего больше нет!

— А думаешь, мне не хочется? Тут каждый гвоздь вбит нашими руками, каждый кустик посажен нами. Но продаваться за это в рабство? Да пропади все пропадом!..

Маргрете удивленно посмотрела на мужа.

— Знаешь, что они мне предложили? Отказаться от моего авторского права на все написанное!

— Ишь чего захотели! — Маргрете взбешена. — Молодец, что послал их ко всем чертям.

Нексе с восхищением хлопнул себя по колену.

— Ты чудо, девочка! Что бы я без тебя делал?.. Знаешь, — продолжал он задумчиво, — иной раз страх берет: как жить дальше? А глянешь на соседские семьи, и становится стыдно за свое благополучие.

— Да, — тихо сказала Маргрете, — нам ли жаловаться, когда кругом такая беда, такая нищета?

— А главное — надо работать. Остальное приложится.

— Только поешь сначала. Мне посчастливилось достать кусочек почти свежей конины.

— Спасибо, дорогая. Лучше попозже. Лев Толстой говорил, что писать надо на пустой желудок. Иначе плохо думается.

— Типичное рассуждение заевшегося человека! Граф — что с него взять? — не на шутку рассердилась Маргрете...

4

Нексе работал. Это надо было видеть. Наверное, лишь Вальзак, о чем существует множество свидетельств, был столь же мощно выразителен в своей подлопанной вервием сутане, когда он предавался тому неистовому действу, что бескровные литературоведы называют «творческим процессом». Вдохновение сочеталось с адовым трудом каменотеса или молотобойца, самозабвение с воловьей выносливостью. Нексе исписывал груды бумаги, но большая часть летела под стол, в мусорную корзину, немели пальцы, сжимающие перо, стекающий со лба пот слепил глаза. Ведь тут творилась вторая вселенная, ничем не уступающая первой.

Видения, теснившиеся в мозгу Нексе, становились образами на бумаге, обретая порой материальную форму...

...Вот мечется по улицам Копенгагена маленькая женщина, похожая на девочку-подростка, с нежным, тающим лицом. Ну, конечно, это Дитте — дитя человеческое. Она разыскивает своего пропавшего возлюбленного Георга. Метет снег, ветер закручивает подол вокруг худеньких ног, но ее подгоняют отчаяние и надежда. Надо обойти все трактиры и погребки, где он бывал и куда могли его затащить. И обезжать всех приятелей! Как товарищей по работе, так и тех жалких забулдыг, с которыми он водил компанию, когда ему случалось загулять. Со слезами пробирается она по длинным коридорам разных трущоб, стучится во все двери, и жалобно звучит вопрос: «Простите, вы не видели Георга?» «Нет, девочка», — слышится в ответ. Но вот на улице, в портовом квартале, где кабаки и веселье дома, открылось окошко, откуда выглянула женщина в пестром капоре, навалившись грудью на подоконник, и крикнула: «Эй! С час назад в Ньюхавне выудили одного... Видать, свалился в потемках. Ступай, взгляни, не твой ли!»...

Скрипнула дверь, прогнав видения. Нексе с раздражением обернулся. Вошла Маргрете с подносом, на котором бутылка пива и три бутерброда.

— О господи! — взъерился Нексе. — Неужели нельзя не мешать? Я же просил...

— Милый, ты знаешь, который час?

— Н-нет...

— Без четверти двенадцать. Нельзя же ужинать на другой день.

— Неужели так поздно? О быстротекущее... Ладно, поставь тут.

— Как идет работа?

— Как паралитик за молоком. Огромное рвение и никакой скорости.

— Ты наговариваешь на себя.

— Что за болезнь такая — писание? — Шутливый тон не скрывал искреннего огорчения. — Все, что я делаю, не то, в лучшем случае — рядом. Я, как слепой плотник, который бьет по доске, по пальцам, только не по шляпке гвоздя. Какая пропасть между замыслом и тем, что получается на бумаге. Это настоящая мука, клянусь тебе! — Но тут самолюбие взяло верх. — Одно утешительно, что у других обстоит не лучше.

— У тебя все получится, — тряхнула головой Маргрете. — Как и всегда получалось.

— Ты думаешь? — Ему хочется поверить. — Должно обязательно получиться. Наш дом, каша для детей, тухлая конина для нас — все в этих жалких листках.

— Там и еще кое-что, Мартин. Твое бессмертие.

— Ого!.. Ну, так высоко я не заносюсь. Но ты молодец, старушка! — засмеялся Нексе. — Здорово умеешь меня завести. А теперь — ступай.

И она ушла, покорно, бесшумно, и прикрыла за собой дверь.

Он опять склонился над столом, даже не притронувшись к ужину.

5

...Тот же кабинет. Утро. На столе нетронутый ужин. Небритый, усталый, с красными глазами, Нексе все так же сидел над рукописью. Едва ли он сознавал, какой сейчас час, даже какой сейчас день. Ведь у Дитте, его Дитте, несчастье: у нее отбирают швейную машинку, которую она почти выкупила. Он видит страдание огромных глаз на худеньком лице. Ласковый приемщик Петер утешает свою мамочку:

— Когда ты опять возьмешь машинку, мы будем ее караулить. Я все время буду стоять у двери, а если придут, скажу, что никого нет дома.

И Дитте улыбается сквозь слезы своему мальчугану...

Конечно, Нексе не заметил, как возле стола появились Сторм и Инге. Мать послала их посмотреть, что делает отец: спит или бодрствует, но они не вытерпели у дверей и ворвались в кабинет. Сторм терся о локоть отца, и тот безотчетно положил ему руку на голову.

— Петер? — вздрогнув, сказал Нексе. — Как ты сюда попал?

— Какой Петер? — обиделся Сторм. — Я — Сторм.

— Сторм?.. — Нексе все еще во власти своих грез.

— А я Инге! — крикнула девочка.

— Это что еще?..

— Мы твои дети, папа, — укоризненно сказала Инге.

— Знаешь, что я сегодня видел? — залепетал Сторм. — Божью коровку!

— Божья коровка, улетит на небо, принеси мне хлеба! — запела Инге. Нексе пришел в себя, но не испытал и тени раскаяния.
— Грета! — крикнул он раздраженно. — Забери своих детей!
Вошла Маргрете.
— наших детей, Мартин, — в голосе обиды.
— наших, твоих, моих, всех! Они мне мешают.
— Ты же говорил, что любишь, когда крошки путаются в ногах.
— Да, но не в литературе.
Маргрете увела детей. Она оскорблена...

6

...Под уклон дня, когда удлиняются тени, пришел почтальон и вручил Маргрете послание для Мартина в большом официальном конверте. Обратный адрес: издательство «Аксехауг». Взволнованная Маргрете решила потревожить мужа, несмотря на строгое предупреждение.

Она вошла в кабинет, где ничего не изменилось, разве лишь прибавилось табачного дыма да переполненная корзина уже не вмещала литературных отходов.

— Я же просил... — начал Нексе, но жена молча протянула ему письмо. И по тому, как жадно он его схватил, как задрожали его пальцы, разрывая конверт, поняла Маргрете, в каком страшном напряжении жил ее муж все эти дни.

— Ну вот и договор, — чуть устало сказал Нексе. — Видишь, можно обойтись и без «Гюльдендала».

— А условия? — отважилась спросить Маргрете.
— Что ж, условия... Все редакторы на один покрой: взять как можно больше, дать как можно меньше, — уклонился Мартин. — Во всяком случае, придется крепко подналесть.

— Еще подналесть? — в голосе Маргрете неподдельный ужас. — Ты загонишь лошадку, Мартин.

— Чепуха! Сопливым мальчишкой я выполнял работу взрослого батрака. Трудности меня только подстегивают. И ставка слишком высока, чтоб делать себе поблажки.

Маргрете хотела что-то сказать, но тут возникла новая фигура: пожилой рабочий в грязноватом комбинезоне.

— Хозяйка дома? — спросил он веселым хриплым голосом.
— Кто вы такой? Как вы сюда попали? — накинулся на него Нексе.

— Вот те раз! — с нагловатым добродушием прохрипел пришедший. — Сами звали. А попал через дверь, как же еще?

— Это маляр, Мартин, — робко напомнила Маргрете. — Ты сам посылал за ним.

— Нет, нет, только не сейчас! Я не уйду из кабинета.

— Дело хозяйское. — Хрипатый полон благодушия. — А неустойку придется уплатить, за вызов, значит.

— Сколько?
— Лишнего не возьму — десять крон.

Нексе ocupал карманы, жалобно глянул на жену, но у той каменное лицо.

— У меня нет мелких, — пробормотал он. — Ладно, раз уж пришли, делайте свою работу. Нельзя же даром беспокоить человека. А я перейду в столовую. Надеюсь, дети не будут шуметь. Долго вы тут провозитесь?

Маляр окинул взглядом кабинет с закопченным потолком и отклеившимися, выгоревшими обоями.

— Ежели по-быстрому, за недельку обернусь...

7

...Снова настало утро. Дети возились в саду под кустом боярышника. Сторм что-то мастерил из щепочек, несмышлениш Олуф копался в земле, а Инге, изображая взрослую, «штопала» чулок. Внезапно Олуф издал громкий крик: то ли его кто-то ужалил, то ли взбурлила в маленьком существе безотчетная сила жизни.

— Т-с! — приложила палец к губам Инге. — Папа работает.
— Он что, всегда будет работать? — поинтересовался Олуф.

— Конечно! Все папы работают.
— Плохо наше дело! — поник светлой головой Сторм. — Слушай, а разве это работа?

— А что же, по-твоему?
— Не знаю. Вот папа Бьерна работает — доски пилит, папа Хенрика — камни разбивает, а наш — все пишет и пишет. И в корзину бросает.

— Он не все бросает, — свысока пояснила Инге. — Что-то остается. Из этого делают книги.

— А книги для чего?
— Какой ты дурак! Чтобы на полку поставить. Ты видел, сколько у папы книг?

— Это все он написал?
— А ты думал кто? Папа Бьерна или папа Хенрика?

— Хорошо бы наш папа умер, — мечтательно проговорил Олуф. — Можно будет бегать, играть, гудеть, как паровоз. Я так давно не гудел...

— Что ты несешь, дрянной мальчишка? — Незаметно подойдя, Маргрете слышала последние слова сына. Она схватила Олуфа за локти и стала трясти.

Олуф с готовностью заревел, но сразу смолк, пораженный выражением материнских глаз. Все четверо со страхом покосились на окно столовой, за которым темнел силуэт Нексе...

8

...В окно заглянула ветвь березы с уже пожелтевшими листьями. Нексе работал в своем кабинете, оклеенном новыми обоями. Ранний вечер, но Нексе одолевал сон. Он мигал, тер глаза, потягивался, зевал. Не выдержав, достал из шкапчика темную бутылочку, налил из нее в мензурку и проглотил лекарство. Вошедшая с ужином Маргрете застала его на месте преступления.

— Опять?.. Ты же дал слово.
— У меня слипаются глаза.

— И хорошо. Ложись и выспись, Мартин. Ты работаешь на износ. Не забывай о своих легких.

— С легкими все в порядке. Мне надо кончить книгу.
— Это не жизнь, Мартин! Ты замуровался в четырех стенах. Мы тебя совсем не видим. Дети затравлены, боятся громко сказать слово.

— Прости меня, Дитте... Грета — поправился он, — но у меня нет выхода. Я должен поставить точку.

— В договоре сказано, что книгу будут издавать по частям. Ведь первая часть давно готова?

— Да. — Нексе наклонил голову, ему тяжел этот разговор. — Но она не пойдет в набор, пока я не представлю вчерне всей книги. Они хотят знать, к чему я приведу своих героев.

— Так вот какой договор ты подписал! И когда срок сдачи?
— Срок истекает, Грета. Не сегодня-завтра явится посылный. И если я не сдам, они расторгнут договор.

— Господи!.. Ну, черт с ними совсем! — ярость овладела Маргрете. — Здоровье важнее. И в Копенгагене можно жить. Я пойду работать. Неужели из-за этой халупы и обесценивающихся крон ты должен губить себя?

Нексе медленно покачал головой.

— Нет, Грета, нет, дорогая... Теперь уже дело не в издательстве и не в моем профессиональном самолюбии, даже не в доме. Это они меня не отпускают.

Маргрете с испугом посмотрела на мужа: уж не помешался ли он?

— Кто это «они», Мартин? — спросила осторожно.
— Дитте, Карл, Ларс Петер... Мои другие дети.

Маргрете глубоко вздохнула.
— Тогда я замолкаю... Бедный ты великий человек! — и тихо вышла...

9

...За окнами завывал ветер, швыряя в стекла сухую снежную крупу. Октябрь перевалил за середину. Нексе — за столом. Он видел нищую каморку, и Дитте в предсмертной агонии, и склонившегося над ней верного Карла. Дитте мучилась от удушья.

— Бедняжка моя, — говорил Карл, обнимая ее голову, беспокойно мечущуюся на подушке. — Постарайся успокоиться, милая, милая моя Дитте.

— Успокойся, — в полузабытьи говорит Дитте. — Конечно. Но если меня то и дело зовут... Как это утомительно!

Где-то поблизости заплакал ребенок. Его плач раздавался среди полной тишины и делал ее еще более ужасной, гнетущей.

— Ребенок, наверное, замарался, — сказала вдруг Дитте громким, звенящим, как хрусталь, голосом, — а матери нет. Но я не пойду возиться с ним. Не хочу я вставать из-за него.

— Дитте, — сказал Карл дрожащим голосом, — а помнишь ты девочку, которая ужасно боялась темноты и все-таки встала впотьмах, чтобы дать кошке молока?

В лице умирающей Дитте появилось страдальческое выражение, как будто воспоминания причиняли ей боль.

И вдруг она откинулась на одеяло, поднялась со своей жалкой постели и, худая, тоненькая, как свечка, в длинной серой рубашке, очутилась перед Нексе.

— Ты хочешь убить меня? — сказала она слабым, мучающимся голосом. — За что? Я так мало жила. И так плохо жила. Мне не выпало даже крошечного счастья. И все-таки мне хочется жить. Дай мне пожить хоть немного, пожалей меня...

— Прости меня, Дитте. — Лицо Нексе мокро от слез. — Так надо... Я люблю тебя и хочу, чтобы ты жила долго и счастливо, но это невозможно. Беднякам отказано в счастье. Ты должна умереть, чтобы в черствых душах пробудилась совесть, в рабских — гнев, в усталых — сила.

— Я не хочу... Дай мне хоть несколько лет. Тебе же ничего не стоит. Ну, ради Карла, он столько ждал и надеялся. Будь добрым, прошу тебя!..

10

...В своей спальне не спала Маргрете. Ей тревожно, она к чему-то прислушивалась. Потом встала, пошла по спящему дому к кабинету мужа. Возле дверей она услышала какой-то грубый шум, словно бы падение тяжелого тела. Распахнула дверь — Мартин недвижно лежал на полу. Она бросилась к мужу, взяла его голову в свои руки.

— Мартин!.. Мартин!.. Что с тобой?.. Мартин, милый!..

Он приоткрыл веки — черные на белом, без кровинки лице.

— Дитте умерла, — сказал он и снова потерял сознание...

11

...Нексе лежал в кровати. Только что осмотревший его доктор собирал инструменты в сумку.

— Полагаю, вы и без меня знаете, что с вами: острое истощение — физическое, нервное, умственное. Необходим полный покой, никакой работы и усиленное питание.

— Ну, в наше время это проще простого! — с серьезным видом сказал Нексе и — вдогонку уже достигшему двери врачу. — Доктор, зернистую икру мне можно?

Вскинув с оскорбленным видом плечи, доктор ретировался. И почти сразу в сопровождении Маргрете вошел молодой сухопарый человек с чопорным и недобрый лицом.

— Здравствуйте, господин Нексе, я из «Аксехауга». Есть у вас что-нибудь для нас?

Нексе бросил на Маргрете заговорщический взгляд.

— Видите ли, я немного приболел. Переутомление и все такое. Не дадут ли господа издатели мне маленькую отсрочку?

— Господин Нексе, они это предвидели и дали мне соответствующие инструкции, — мстительным голосом завязанного человека ненавистника произнес посланец. — Ни дня пролонгации. В противном случае прежние соглашения аннулируются, и вы несете финансовую ответственность. Полагаю, что в этом письме все изложено. — И протянул Нексе письмо — звездная минута маленького злого человека.

Нексе взял письмо и, не глядя, медленно разорвал на части под оторопелым взглядом посланца.

— Я это тоже предвидел. Вот рукопись. — Он достал из ночного столика увесистую рукопись и протянул посылному. — Дайте мне расписку. С господами из «Аксехауга» надо держать ухо востро...

Окончание следует.

Ян ВЛАДИН.
Фото Сергея НИКОЛАЕВА.
 Специальные корреспонденты
 «Смены»

День этот директору бендерской обувной фабрики «Флоаре» Софронюку, суливший и так немало хлопот, обрушился на него неожиданной новостью. Едва успел Софронюк войти в свой кабинет, как раздался звонок из Кишинева и его соединили с заместителем министра местной промышленности республики Кудрявцевой. По своему обыкновению Нателла Дмитриевна сразу перешла к сути дела.

— Москва намерена спустить нам дополнительно план на прогнучную обувь с текстильным верхом. Минторг союза на этом настаивает, его завалили письмами с требованием дать торговой сети больше кроссовок. Мы объяснили, что в принципе это возможно, но нежелательно... Пока вопрос висит в воздухе. В общем, надо срочно вылетать в Москву, идти в Госплан. Генерального директора на месте нет, лететь вам, Георгий Иванович... Но учтите, там не любят эмоций, нужны убедительные аргументы...

Разговор с Кудрявцевой расколол привычный круг директорских мыслей — «убедительные аргументы». Почти машинально Софронюк вызвал секретаря, попросил заказать билет на первый завтрашний самолет в Москву. Потом по селектору предупредил начальников отделов и главных специалистов, что День качества, проводимый на фабрике по установившейся традиции ежемесячно, начнется в десять, как

что мы умеем делать вещи не хуже их. На это потребуется еще три-четыре года».

У Володина был с самого начала свой ведущий принцип — качество. «Мы добьемся всего, что наметили, если будем делать обувь высшего качества. Если мы хоть однажды поступимся этим принципом, наши проекты рассыплются в пух и прах». Софронюк прекрасно помнил, что все это Володин говорил, еще когда они работали в пустом, продуваемом

**НОВЫЕ МОДЕЛИ РОЖДАЮТСЯ
 СНАЧАЛА НА ЛИСТЕ БУМАГИ.**

**С ЭТОГО КОНВЕЙЕРА
 СХОДЯТ ПОПУЛЯРНЫЕ
 У МОЛОДЕЖИ КРОССОВКИ,
 БОТУСЫ, ВЕЛЬВЕТЫ...**

ФИРМА ГАРАНТИРУЕТ

обычно. Сейчас девять, у него есть час для того, чтобы собраться с мыслями.

Итак, требования Минторга увеличить выпуск отечественных кроссовок понятны, спрос на них не просто повышенный, он превышает реальные возможности обувной отрасли в несколько раз. Не спасает положения и импорт. Но ведь специалисты предупреждали обувщиков еще несколько лет назад: готовьтесь к кроссовочному «буму», спортивные модели постепенно вытеснят сандалеты, сабо и так далее. Кроме общих тенденций развития молодежной моды, специалисты-модельеры руководствовались простым расчетом: мода отражает дух, если хотите, ритм своего времени. А стремительный этот ритм вносит в молодежную одежду все больше спортивных элементов. Кроссовки, ботусы, вельветы в точности соответствовали характеру грядущей моды. И плюс ко всему отличались практичностью, изяществом, комфортностью. Но одно дело рекомендации модельеров, пожелания, другое — производство с его сложностями перестройки технологии. Словом, когда прогнозы оправдались и спрос на кроссовки достиг своего «пика», обувщики оказались не в состоянии удовлетворить его даже частично.

Молдаванам было проще. Объединение «Флоаре» только создавалось. Создавалось на основах кооперации со старейшим обувным предприятием ГДР

«Интра». Сама жизнь подсказала тогда флоаровцам, какую обувь ждут от них потребители. И все-таки рекомендации модельеров, чисто интуитивные догадки самих обувщиков подверглись проверке. Заместитель министра местной промышленности республики Кудрявцева, курирующая тогда еще строящуюся фабрику, провела несколько своеобразных конференций с потенциальными покупателями. Достав несколько пар адидасовской обуви на литевой подошве, она показала их студентам одного из вузов, а потом молодым рабочим. Их мнение было единодушным: «Такая обувь нужна, и выпускать ее следует как можно больше».

Софронюк тогда работал на «Флоаре» главным механиком, директором рождающейся фирмы был Виктор Дмитриевич Володин, ныне генеральный всего объединения, главным предприятием которого стала обувная фабрика. Если бы не Володин, наверняка все было бы гораздо сложнее. Во-первых, у него какой-то нюх на людей. Он сумел найти именно тех, кто, безоговорочно поверив в будущее «Флоаре», целиком отдал себя делу. Володин не боялся принимать на работу рядовых инженеров и назначать их главными специалистами, начальниками отделов, цехов. Он доверял своей интуиции руководителя. И не ошибался.

Во-вторых, Володин — организатор по

натуре, не умеющий топтаться на месте. Он никогда не ограничивается достигнутым, считает, что его прямая обязанность, как и его ближайших помощников, работать на перспективу. «Это возможно при хорошо отлаженном производстве. Наладим за два года», — говорил он, — пойдём дальше». Были и такие, кто в это не верил. Володину предсказывали, что он утонет в мелочах, в текучке. А Виктор Дмитриевич только усмехался и вел свою линию: «Через три года мы завоюем внутренний рынок, но стратегическая задача — выйти на европейский, доказать фирмам,

**И СНОВА
 У ДИРЕКТОРА «ФЛОАРЕ»
 НОВЫЕ ИДЕИ.**

всеми ветрами цеха. Когда ни у одного из главных специалистов не было своего кабинета, да что там кабинета! Стулья—и те они принесли свои, из дома. А рабочими столами им служили нераспакованные ящики с оборудованием. Трудно было представить, что все будет именно так, как говорил Володин, особенно тогда, в начальный период. Но прошло семь лет, и то, что воспринималось как далекая мечта, стало реальностью.

Софронюк вышел из кабинета и толкнул дверь напротив. Секретарь, оторвавшись от телетайпа, сообщила, что главный инженер в цехе.

— Передайте, если задержусь, пусть не ищут, начинают День качества без меня.

Я у литейщиков.

Да, ему обязательно перед вылетом в Москву надо поговорить с литейщиками. Они знают возможности автоматов лучше, чем кто бы то ни было. Чтобы увеличить выпуск заготовок, достаточно ввести ночную смену, проблемы с кадрами не будет—на «Флоаре» люди идут охотно, вся загвоздка в цехе литья, ведь машины и так загружены 24 часа в сутки.

Два лестничных пролета—и Софронюк в коридоре, ведущем прямо к основным участкам. Производство в Бендерах очень компактно. Кто-то из гостей однажды сравнил фабрику с транзитным приемником, где не пропадает даром ни одного сантиметра площади. Комплимент? Да, пожалуй. Но сколько они ломали голову над тем, чтобы рационально разместить участки. Основным

критерием, к которому они стремились, было тогда—сократить затраты времени и усилий для передачи заготовок на литейные автоматы, а потом—готовой продукции—на линию ОТК до минимума. Просчитывали каждый дециметр площади, будущие маршруты контейнеров с продукцией, учитывали необходимый запас пространства для свободного перемещения рабочих по цехам. Было сделано все, что возможно, для оптимальной организации производственных площадей. И кто-кто, а Софронюк, лично руководивший размещением оборудования, знал, что при всем желании к действующим линиям и агрегатам нельзя добавить даже крохотного пресса, не ущемив при этом производства в целом. Некуда—и точка.

В торце коридора, который никак не минуешь, если направляешься в цеха, Софронюк остановился. Глухая стена была превращена в стенд, где под стеклом располагались свидетельства трудовых побед флоаровцев. Помимо грамот за призовые места по итогам соревнования в отрасли, здесь хранились дипломы ВЦСПС и Госстандарта СССР, которых удостоивалась фирма шесть лет подряд за выпуск высококачественной обуви. Эти дипломы—предмет особой гордости флоаровцев, их добывают не производственным штурмом, а ежедневным тщательным трудом, всегда высокопродуктивным, не терпящим ни малейшей халтуры.

Да, кто бы мог подумать, что спустя уже два-три года после своего рождения «Флоаре» будет производить обувь, которая окажется способной конкурировать с продукцией ведущих иностранных обувных предприятий. И все это благодаря высочайшему качеству молдавской прогулочной обуви.

Кое-кто был склонен объяснять успехи «Флоаре» импортным оборудованием. О, если бы все дело было в машинах! Мало ли известно фактов, когда импортное оборудование работает неэффективно, а то и вовсе не работает. Да и давно уже молдавскими обувщиками модернизирована технология на многих операциях, механизирована подача гранул полихлорвинила в автоматы, максимально снижен процент ручного труда. По признанию партнеров из «Интры», которые несколько лет назад учили флоаровцев работать, ныне ученики во многом превзошли учителей. Так что многое, очень многое зависело от подхода к делу самих флоаровцев, их творчества, последовательности, энергии.

Взять такой факт. По нормам обучения бендерских обувщиков на «Интре» в ГДР должно было продолжаться полгода. Но уже через три месяца после прибытия рабочих «Флоаре» на «Интру» руководители предприятия в ГДР признали, что курс обучения можно заканчивать, так как советские рабочие уже трудятся наравне с лучшими немецкими мастерами.

...Возле узкой, голубой двери с надписью «Экспериментальный участок» Софронюк остановился, подумал, вошел. Этот участок был своеобразной

лабораторией фабрики, где создавались новые, перспективные модели. Вельветы, кроссовки, ботусы, взрослые и детские, туфли и домашние тапочки стояли на бесчисленных стеллажах, подоконниках, даже на полу. Участок создавался позже, чем основные цеха, и свободное помещение для него изыскивали уже с трудом. Потому и теснота здесь царилла неимоверная. Но теперь уже представить «Флоаре» без экспериментального было невозможно. Фабрика осваивала каждый год двадцать—тридцать новых моделей. Однако не будешь же запускать в серию неапробированную, не прошедшую испытаний обувь. Вот и шли здесь небольшие партии для опытной носки, для механических испытаний, для представления на художественные советы, для выставок. Но каким непростым подчас был путь каждой новой модели из экспериментального в цеха массового производства.

Дело упиралось в ГОСТы. Если модель не соответствовала стандартным ГОСТам хотя бы по одному параметру, проектные институты отказывались разрабатывать на нее колодку, а без технической документации на колодку модель не могла запускаться в производство. Замкнутый круг! И Володину, нынешнему генеральному, и Софронюку приходилось воевать чуть ли не за каждую новую модель. В институтах встречали их без энтузиазма.

— Зачем вам лишние хлопоты с новой моделью, если она не соответствует ГОСТу? Вы же лоб расшибете раньше, чем докажете, что без этой модели ваша фабрика не обойдется,—вопрошала руководитель проектных отделов институты.

— ГОСТы устарели,—возражали Володин и Софронюк,—надо устанавливать новые, отвечающие требованиям современной моды. Иначе мы безнадежно отстанем. Вот на вас же, извините, европейская обувь, сделанная на французской колодке. Так почему вы отказываете в праве другим носить модную обувь, причем не импортную, а сделанную на наших фабриках?

Со скрипом, но дело двигалось. В одном случае менялись ГОСТы, в другом—на компромисс шли модельеры «Флоаре». Но как бы трудно ни внедрялись в производство новинки, в Бендерах не опускали рук, продолжали поиск, ежегодно пересматривали ассортимент, стремились выработать свой, флоаровский модельный почерк. Если сравнить современные кроссовки, выпускаемые иностранными фирмами, с аналогичными формами, сделанными в Бендерах, то легко увидеть конкурентоспособность молдавской обуви. Она надежна, устойчива, а иногда и элегантнее аналогичных зарубежных образцов. Это не субъективное мнение заинтересованных лиц, а признание самых разных людей и специалистов. Кроме того, обувь «Флоаре» дешевле в полтора раза. А это тоже не последний аргумент в ее пользу.

Софронюк вертел в руках детские вельветы. Эта модель еще не имела названия, только свой внутризаводской номер. Выпуск ее планировалось начать в будущем году. Когда модель утверждали на худсовете, представитель министерства не смог сдержать удивления: «Вы же намучаетесь с этими крохотулями. С ними возни не меньше, чем со взрослыми парами, а цена мизерная!» «Пусть так,—ответил ему тогда Софронюк,—но зато ребятишки нам спасибо скажут». С детской легкой обувью вообще проблема. Прав представитель министерства—делать ее даже хлопотнее, чем взрослую, а стоимость детской пары ниже вдвое, а то и втрое. Так что с финансовой стороны предприятиям невыгодно ее выпускать: план-то у них идет от розничной цены на продукцию. А если с жизненных, человеческих позиций взглянуть на дело, почему модная удобная обувь должна быть привилегией одних только взрослых?

**ПРОДУКЦИЯ
МОЛДАВСКИХ ОБУВЩИКОВ
КРАСИВА,
УДОБНА, ПРОЧНА.**

Прежде чем уйти из экспериментального Софронюк, переключая голосом стрелоканье швейных машин, прокривил в ухо мастеру, чтобы на него записали три детские пары и принесли их ему в кабинет, он возьмет их в Москву и там покажет.

Если разобраться, с прибылями у «Флоаре» дело обстоит неплохо, фирме жаловаться на бедность не приходится. Каждый год, подводя баланс, бондерские обувщики записывают на свой счет больше миллиона рублей сверхплановой прибыли. Высокая на фабрике и рентабельность производства. Всего за полтора года работы «Флоаре» полностью окупилась затраты на строительство производственных корпусов и приобретение импортного оборудования. Высокие доходы предприятия — результат освоения новых моделей, постоянного обновления ассортимента. Ежегодно оно составляет 60 процентов от общего количества выпускаемых пар. Ведь за каждую пару, которая сходит с конвейера с индексом «Н» (что значит новая), фабрика получает от государства немалую надбавку. Вот и выходит, что выпустить современную, модную обувь выгоднее, чем сидеть на производстве старых, пусть даже технологически обкатанных моделей. Выгодно всем: государству — ведь модная, добротная сделанная обувь мгновенно реализуется, принося определенную прибыль фирме, на чей счет поступает надбавка за индекс «Н», и самое главное, это хорошо для покупателей, чьи вкусы становятся с каждым годом все взыскательнее.

Кстати, о взыскательности. Обувщикам с каждым годом становится все сложнее удовлетворить потребности так называемого массового покупателя. Безвозвратно минуло времена, когда нарасхват брали абы какую обувь, руководствуясь принципами — была бы надежна и недорога. Нынче одной надежности мало, покупателям подавай обувь элегантно, модную, легкую. Обувь, не отвечающая этим требованиям, продается с трудом. Иначе чем объяснить, что ежегодно на складах залеживается так называемая неходовая обувь на десятки миллионов рублей. Софронюк по-человечески разделял недоумение людей, которые, приходя на выставки, где демонстрировалась обувь, видели на стендах одно, а в магазинах другое. В самом деле, почти любая пара обуви на выставке привлекает отличной отделкой, добротностью, изысканностью. На прилавке обнаружить такую удаётся далеко не всегда. На справедливый вопрос посетителя выставки: «Почему так?» — представители обувных фирм, как правило, отвечали, что экспонируются опытные образцы, которые исполняются с особой тщательностью.

Софронюк считал, что пускать пыль в глаза опытными образцами незачем. Поэтому флоаровцы выставляли только те модели, выпуск которых был близкой реальностью.

...В принципе для эксперимента, который задумал Софронюк, подошла бы любая машина. Но директор, выяснив, что Яков Беккер работает на 4-м этаже, не поленился подняться и разыскать автомат, который обслуживало именно его звено. Какое-то время директор молча наблюдал за работой Якова и его напарника Владимира Будигая. Вдвоем они, правда, но без напряжения, управлялись с работой трех человек. На автомате наваривались подошвы к «Виктору» — одной из последних, запущенных в производство моделей.

Казалось бы, работа литейщиков не так уж и сложна — надел на металлическую колодку заготовку — верх полушары, вложил в пресс-форму каблук, жесткую прокладку, усилием рычага соединил колодку с пресс-формой. Все. Остальное сделает машина. Она под давлением впрыснет расплавленный ПВХ в пресс-форму, образуя подошву, а

потом сама же охладит полушару и подаст литейщику. Его дело теперь — снять готовую, еще горячую обувь и поставить в один из отсеков контейнера. Да, внешне все несложно. Но литейные автоматы непрерывно находятся в движении. Время на одевание заготовок и заполнение пресс-форм строго регламентировано: не уложился в него — автомат выдаст порцию расплавленного ПВХ в пустоту, а это брак. Кроме того, достаточно сдвинуть заготовку или каблук на миллиметр от технологической позиции — опять брак, подошва сплавится с верхом полушары со смещением. В общем, хитрости в работе литейщика немало. И постигнуть это ремесло с наскоку никому еще не удавалось. Тем больше дорожили на фабрике такими мастерами, как Яков Беккер.

Он пришел на «Флоаре» сразу после армии, поработав сначала грузчиком, в литейном тогда вакансии не было. Да и сейчас попасть к автоматам непросто: престиж профессии литейщика очень высок, и берут на эту работу не каждого. Поначалу походит парень в подсобниках, покажет, да что способен, а уж тогда решают, доверить ему автомат или нет. Так вот, Яков дождался, когда вступят в строй новые машины, и перешел в литейщики. Работа его с самого начала отличалась безукоризненным качеством, особой тщательностью. Он умел так отрегулировать свой автомат, что тот действовал как часы, даже отходов ПВХ у его машины практически не было. Первый из комсомольцев фабрики Яков перешагнул рубеж 85 процентов. То есть из каждых ста пар, сработанных звеном Беккера, почти 90 удавались Знака качества. Он же считал и научно обосновал схему движения литейщика возле автомата так, чтобы впустую не расходовалась ни одна секунда времени. За рабочий вклад в производство, за свой талант молодой литейщик был удостоен высокого звания «мастер качества», которое носили, кроме Якова, на «Флоаре» еще всего пятеро. Словом, в профессиональном плане Софронюк доверял Беккеру полностью, и мнение молодого рабочего было для него очень важно.

— Выключи машину, — показал жестом Софронюк и, когда автомат остановился, поздоровался с Беккером.

Софронюк снял с колодки еще горячую пару, поддержал ее на ладони. Модель «Виктор», которую называли «молдавским адидасом», была, пожалуй, одной из самых удачных. Рифленая подошва, джинсовый верх, высокая мягкая пятка, поперечные планки. Обувь была действительно хороша, ее буквально вымывали у фабрики все торговые фирмы. Отдел сбыта не успевал отвечать на телеграммы торговых организаций, в которых требовали, прислать дать подобной обуви побольше Курску, Тбилиси, Москве, Риге. Но ничего сверхлимита дать «Флоаре» не могла. Пока не могла.

— Какой режим у «Виктора»? — спросил Софронюк у Якова.

— Сейчас пятнадцать секунд.

— Если попробовать тринадцать? Беккер нахмурился.

— Зачем?

— Нам хотят увеличить план, торговля требует. Пять миллионов, которые мы делаем, не удовлетворяют спрос. Да и вам выгоднее, литейщикам, больше сделаете за смену — больше получите.

— Но мы потеряем качество. Да и машины рассчитаны на определенный режим.

— Давай все-таки попробуем. Ведь тогда только на одном автомате мы выиграем лишних сто — сто пятьдесят пар за смену. По цеху — это дополнительные десятки тысяч пар в месяц.

Нет, Софронюк сейчас спорил не с Беккером, он целиком был на стороне литейщика, который, несмотря на выигрыш в зарплате, не желал поступаться качеством выпущенной им продукции. И Беккеру, и Софронюку, и большинству флоаровцев марка их фирмы была до-

роже лишней двадцатки. Софронюк спорил с невидимым, но плотно насевшим на него оппонентом, который завтра может привести те же аргументы, что сейчас приводит директор в разговоре с литейщиком.

— Значит, так, переводим режим литья на тринадцать секунд, — обрывая все разговоры, поставил точку Софронюк.

Перевести автомат на новый режим — дело несложное, достаточно двух щелчков ручки регулятора на реле времени. Закрыв крышку автомата, Яков посмотрел на Софронюка. Тот кивнул: «Включай». Послушная машина мгновенно выполнила команду. Яков надел заготовку, вложил каблук. Дело пошло. Посторонний глаз не увидел бы разницы в движениях литейщика до изменения режима и теперь, когда те же операции он должен был производить на две секунды быстрее. Но опытным глазом Софронюк подметил излишнюю суетливость, нервозность в работе Якова и Будигая, которые можно было отнести за счет их боязни не успеть за машиной. Тем не менее работали они оба добросовестно, успевая вогнать в пресс-форму и каблук и прокладку в полном соответствии с технологией. И скоро уже по другую сторону автомата появились первые готовые пары с приваренными подошвами. Нет, они не были бракованными, внешне они соответствовали стандарту, разве что чуть, утолщенной на краях оказывалась подошва и чуть менее плотно прилегал она к заготовке. В общем, мелочь, ни один покупатель, если он не обувщик, не обратит на это внимания. Но не исключено, что чуть раньше положенного срока верх обуви отстанет от подошвы или каблук отретрет слой ПВХ там, где он лег неравномерно. Но кто знает, сколько положено носиться этой модели? Уж покупатель-то наверняка не в курсе этих сроков. Впрочем, вполне возможно, что пары, сработанные по сокращенному режиму, выдержат все механические испытания и опытную носку. Только в одном уже сейчас прав Беккер: качество этих пар на почетный шестиугольник, увы, не тянет.

В тот день Софронюк еще успел многое. На заседании главных специалистов и руководителей цехов, которое проводилось под эгидой Дня качества, была, наконец, выработана общая стратегия по переходу на очередную модификацию модели, окрещенную с чьей-то легкой руки «Галей». Проблемы, которые волновали Софронюка в связи с выпуском этой модели, оказались разрешимы. Дело было в том, что опытная партия «Гали», хоть и выдержала срок носки, показала несовершенство заложеной по «Гале» технологической схемы. Маленькое такое несовершенство. Но каблук из-за него терял прочность. Инженеры предложили другой метод впрыскивания ПВХ специально для «Гали». Правда, пришлось изрядно поломать голову, зато теперь брак исключен полностью.

В принципе же качество обуви, выпущенной за последние недели, было традиционно высоким. Не без гордости заместитель директора по качеству Леонид Леонович Мыцы зачитал письмо от покупателя из Кургана, который уже несколько лет носит флоаровскую обувь и высказывает о ней очень хорошо. Некоторым диссонансом прозвучало выступление представителя отдела снабжения, заявившего, что очередная партия каблуков, прибывшая из Сухиничей, не очень высокой прочности, но что делать, придется смириться: «Флоаре» не так легко найти себе поставщиков, ведь фирма относится к местной промышленности, а ее поставки подчиняются союзным министерствам. Ведомства разные, и объединить их интересы непросто.

Потом Софронюк вспомнил, что обещал быть в три часа на заседании комитета ВЛКСМ фабрики. Вспомнил, когда уже было четверть четвертого. Но в комитете его ждали, главный вопрос

обсуждать без директора не хотели. Суть его заключалась в том, чтобы предложить «Интре» и киевской обувной фабрике, с которыми соревнуется «Флоаре» уже несколько лет, организовать отдельное соревнование среди комсомольско-молодежных бригад трех фирм. Условия соревнования комитетом продуманы.

— Посмотрите. — Секретарь комитета Людмила Барба положила перед Софронюком лист бумаги.

Директор прочитал, кивнул головой. Все ему нравилось, за исключением одного пункта, в котором говорилось о том, что победители соревнования награждаются ценными призами.

— Какими такими призами вы хотите удивить комсомольцев? Да и проку от них чуть. Предлагаю другое. Пусть победители получают право быть гостями на предприятиях своих коллег. Это интереснее и для дела полезнее, друг у друга всегда можно чему-то научиться.

...С утренним рейсом Софронюк вылетел в Москву. В небольшом саквояже, помимо бумаг с выкладками и расчетами, лежали несколько пар флоаровской обуви, в том числе и та, что была сделана Яковом Беккером на сокращенном режиме.

Вопреки ожиданиям, Софронюка приняли в соответствующем отделе Госплана сразу же, как только он дал о себе знать. Разговаривали с директором двое: седовласый с крупным лицом, в серой хорошо сшитой паре и женщина, которую Софронюк знал и раньше, — молодая, с короткой прической, резковатая. Начал директор с расчетов: «Флоаре» ежегодно дает столько-то пар такой-то обуви. Без ущерба для качества фирма может на столько-то увеличить выпуск домашней обуви, имеет столько-то прибылей, столько-то мощностей и так далее. Его слушали, не перебивая. Когда Софронюк кончил, женщина положила перед ним письмо на бланке Минторга СССР.

— Видите. Ваша обувь пользуется повышенным спросом. Мы понимаем все ваши трудности, но мы обязаны, понимаете, обязаны учитывать потребности покупателей. Людям нужны прогулочные туфли, тут Минторг прав. Давайте говорить о цифрах. Сколько вы можете дать дополнительно? Миллион-полтора пар? Сколько?

Тогда Софронюк открыл саквояж и выставил прямо на стол все шесть пар, которые он привез с собой. Его собеседники молча разглядывали синие и белые кроссовки и вельветы.

— Красиво. Ну и что дальше? — наконец спросила женщина.

— Одна из этих пар сделана на ускоренном режиме.

Мужчина безошибочно ткнул пальцем на пару «Виктора».

— Эта?

— Да. Мы можем дать дополнительно миллион, но за качество я не могу ручаться. Кроме того, оборудование долго не выдержит перегрузок. И начнут уходить люди. Понимаете, наши рабочие привыкли делать обувь отличную. Потери в качестве нанесут неприятно моральный ущерб. Лишний миллион пар не решит проблем дефицита. Нужно, как утверждают специалисты, десять — пятнадцать миллионов, чтобы покрыть спрос. И наконец... — Тут Софронюк привел последний аргумент. — Мы будем расширять производство. Есть договоренность с проектировщиками, есть место для производственных корпусов, есть валютные накопления для приобретения импортного оборудования. Продумана система подготовки квалифицированных рабочих. Через два с половиной — три года мы сможем дать еще четыре миллиона пар обуви повышенного спроса. И главное, высокого качества...

— Через два! — перебил его мужчина. — Тогда мы подумаем и постараемся убедить Минторг, чтобы не давил на вас пока.

— Хорошо, пусть через два, — согласен кивнул Софронюк.

Надо
обсудить

КРУТ БЕДЫ

В очерке Михаила Петрова «Предисловие к беде» («Смена» № 18 за 1982 г.) рассказывалось о том, как «самый обыкновенный» подросток стал соучастником преступления. В послесловии к очерку мы обратились к читателям с просьбой высказать свое мнение — как им видятся причины случившегося, как можно было бы, на их взгляд, предотвратить драму, предлагали мы также поразмышлять о проблемах воспитания подростков. Редакция получила десятки писем, авторы которых делятся мыслями о «рифмах» трудного возраста. Часть этих откликов мы публикуем сегодня.

Оступился — не значит «хромой»

Есть очень верные слова: «В беду падают, как в пропасть, вдруг, но в преступление сходят по ступеням». В беду попал Слава Сосновский, Сергей совершил преступление, и, как это ни печально, ступени к нему были вымощены в его же семье. И если в очерке действительно «с фотографической точностью ре- ставрирована ситуация», то главной виновницей случившегося я считаю мать Сергея, хотя мне, женщине, очень неприятно это признавать. Не спорю, работающей женщине приходится нелегко. На нее ложится большая часть домашних хлопот и забот по воспитанию детей. Но это главное назначение женщины — воспитывать детей хорошими людьми.

А как выполняет это свое назначение Зинаида Максимова? С утра, в выходной день, она, не щадя больного мужа, стравливает отца с сыном, «бьет» по больному месту главы семьи, напоминая о небольшой зарплате, мечтает, чтобы сына забрали в армию, чтобы «нервы не трепал».

Главным методом воспитания сына для Зинаиды Максимовны, педагога по образованию, стали не любовь и доброта, а угрозы: «Стадо до добра не доведет», «Ты нас опозоришь» и т. д. Но таким способом можно внушить человеку лишь страх перед наказанием, а не воспитать доброе отношение к людям, которое одно гарантирует невозможность сделать человеку зло. В результате такой методики «методиста детского сектора» атмосфера семьи рисуется в основном словами: «вспылил», «уязвила», «уперся, как бык», «огрызнулся». Было бы утопией ратовать за бесконфликтную семью. Но в показанной нам семье сложились свои печальные традиции. В этом доме тоска — свой брат — всегда рядом. Вполне возможно, что и язва отца Сергея — результат такого «благоприятного» климата дома.

Неудивительно, что Сергей рвется из него, одновременно жалея родителей, которым придется вместе провести выходной день в четырех стенах. Где же Сергею учиться любви к людям, если он не видит ее между родителями, не чувствует тепла к себе. Безусловно, без строгости в воспитании не обойтись, но где строгость, там необходима и милость, которая является счастливой привилегией матери.

Особенно хочется сказать вот о чем. Что иное, как не дом, должно стать для человека святилищем

человеческого достоинства? Ни у Сергея, ни у его отца нет такого дома. В этих стенах унижается достоинство того и другого. А ведь кому, как не жене, поддержать мужа в том важном деле, в котором он считает себя наиболее способным? Ей бы гордиться таким мужем! Но конек Зинаиды Максимовны — презреть, унижить. Для нее достоинство измеряется окладом. А между тем презрения заслуживает она сама со своей убогой калькуляцией меры ответственности за ребенка в соответствии с зарплатой.

Говорят, что никогда не бывает виноват один. И это так. Глава семьи вызывает одновременно и жалость и досаду. Почему он поддается грубым маневрам своей недалекой супруги и позволяет отталкивать от себя сына? И сын-то к нему тянется больше, чем к матери. Как же можно ждать, пока сын «насоберет шишек» и при этом «насажает» их другим, прежде чем, может быть, станет человеком?

Очень настораживает, что относительно спокойно прошли для Сергея три дня до известия о реанимации. И эти три дня ему, бившему по живому, не было стыдно. Похоже, не совесть, а страх погнал Сергея в больницу. Возможно, что страх перед наказанием удержит его от преступления в будущем. Но ведь это лишь полдела. Общество будет иметь гражданина, но еще не Человека. Человек лишь тот, кто испытывает отвращение к любому насилию и над собой и над другими. А к этому есть только один путь: воспитание доброты и гордости. И Сергей и его родители, вероятно, будут рассчитывать на доброту Славы. А где же их человечность и доброта?

Нет даже желания давать какие-либо советы родителям Сергея, потому что они, по крайней мере отец, знают, как надо, да почему-то не делают. Поэтому мои последние слова к Сергею: «То, что ты сделал, — ужасно. Но оступился — не значит хромой. Впереди большая жизнь. Ты уже взрослый человек и должен строить и свою жизнь и свою личность сам. Работай. Работай добросовестно. Любое дело, если заниматься им глубоко и серьезно, принесет удовлетворение, а успех в нем — радость. Читай хорошие, умные книги. В них ты всегда найдешь и опору, и веру, и пример, если такого пока нет рядом.

Будь честным и добрым! Пусть твоя совесть будет твоим главным судьей. Будь гордым! Гордого человека можно оскорбить, но нельзя унижить. Отнесись снисходительно к своим родителям, может быть, даже пожалей. Им не повезло, а стать выше обстоятельств они пока не смогли. Может, им самим в детстве недоставало тепла и ласки, и понесли они эту горькую «эстафету» в свою семью. Скоро будет семья и у тебя. Помня о своих «побегах» из дома, сделай так, чтобы твои дети бежали в дом, а не из него».

К. СОКОЛОВА,
Москва

Плоды беспомощности

Почему мы, родители, порой так беспомощны в вопросах воспитания? Очерк Михаила Петрова, помо- емому, как раз и отвечает на этот вопрос.

Отцы и матери далеко не всегда могут направить интересы своего сына или дочери по правильному пути и уберечь свое чадо от вредного, разлагающего

влияния «компании». Не у всех получаются доверительные разговоры со своими детьми. И дети замыкаются, уходят из-под влияния родителей, попадая под влияние уличного лидера.

В. МАКАРОВА,
Волгоград

Все беды от безделья!

В Сереже и других героях очерка я узнала своих приятелей. Каждый из них в отдельности вроде бы неплохой парень: и поможет в трудный момент и заступится, если нужно. Но вот в компании они преобразуются: затеяв драку, оскорбить человека — это для них в порядке вещей. Что это? Форма самоутверждения? Мои приятели не тунеядцы, среди них есть и учащиеся и рабочие. И все-таки объединяет их... безделье. Безделье в свободное время, которое они не знают, чем заполнить.

Марина П.,
Донецкая область

Виню только себя

Очерк «Предисловие к беде» читал с ощущением, что написан он обо мне, вернее, о моем недавнем прошлом. И у моей беды тоже было свое предисловие.

Началось все в девятом классе. Школа, уроки меня мало уже интересовали: настоящая, как я считал, жизнь начиналась вечером, когда мы собирались в скверике недалеко от дома. Стоило вспомнить кому-нибудь из нашей компании о родителях или учителях, как это вызывало буквально аллергическую реакцию. Чем мы занимались? Бренчали на гитарах, играли в карты, обсуждали знакомых девчонок и, конечно, пили. Пили чуть ли не каждый день. Нашу компанию боялись в микрорайоне. Это нам льстило. Мы ощущали себя «королями», которым дозволено все. Как только хмель брал свое, нам хотелось знать, насколько мы сильны. Мы отправлялись на улицу, задирались с прохожими, приставали к другим ребятам, нередко доводя дело до драки. Потом возвращались в сквер и, словно глупые, жестокие петухи, хвастались друг перед другом. О том, что кто-то после встречи с нашей компанией может долго болеть или даже сделаться инвалидом, мы не думали. Правда, бестолковые разговоры, выпивки со временем надоели, но никто не решался разомкнуть порочный круг. На словах мы клялись друг другу в верной дружбе, а на самом деле просто ввали сами себе. Это я понял, когда нас однажды вызвали к следователю: до чего же мерзко мы выглядели — каждый старался снять вину с себя и переложить ее на товарищей. Только в колонии я осознал, чего стоили мне те вечера в скверике...

Недавно встретил своего бывшего одноклассника. То, что он рассказал, и есть цена моих прошлых «подвигов». Мой школьный друг Володя за это время окончил военно-морское училище, побывал в кругосветном плавании, Сережа стал токарем, работает по высшему разряду, Женя строит БАМ, у Толика родилась двойня. Я завидую своим одноклассникам! Как же много я потерял! А самая горькая потеря — девушка, которую я люблю и сейчас, узнав обо мне все, сказала, что презирает меня и хочет забыть мое имя.

Работаю я на заводе, мать меня ни за что не укоряет, простила — на то она и мать. Но годы, вычеркнутые из жизни, будут мучить меня, наверное, всегда.

Сергей К.,
Курган

После выступлений «Смены»

МЕЛЬ

Так называлась опубликованная в «Смене» № 17 за 1982 год корреспонденция, в которой была рассказана история одной волокиты: став инициаторами восстановления легендарного ледокола «Ангара», комсомольские руководители города Иркутска, по сути, занялись отписками. В редакцию журнала «Смена» начиная с 1978 года поступали официальные заверения, подписанные ответственными работниками обкома и горкома комсомола, что-де работы по созданию на ледоколе Музея революционной славы начаты и идут нор-

мально. Но это был лишь поток казенных слов... И в конце концов, о чем рассказывалось в публикациях журнала, ледокол затонул.

После критического выступления «Смены» Иркутский обком комсомола прислал ответ, в котором признается, что

«...нынешний плачевный вид ледокола, безусловно, в определенной мере дискредитирует авторитет нашей комсомольской организации, действительность наших призывов».

Верно. Словом комсомольским надо дорожить.

Корреспонденция «Смены» рассмотрена в областном комитете КПСС. Редакцией получен ответ:

«В статье «Мель» справедливо указывается на безответственные заверения и решения ряда органов и руководителей по проблеме ледокола «Ангара». Обком КПСС дал им соответствующую оценку. Объективности ради надо

сказать, что в 1981—1982 гг. работы по подъему ледокола проводились местными силами, но не дали результатов. Что же будет практически сделано дальше? Иркутский облисполком в ближайшее время примет решение о включении ледокола «Ангара» в список памятников истории. Направлено также письмо министру речного флота СССР тов. Багрову Л. В. с просьбой включить в план «Подводречстрой» на 1983 год выполнение работ по подъему ледокола и

проведению квалифицированной экспертизы его состояния. Договор на выполнение этих работ поручено заключить Иркутскому горисполкому. В зависимости от результатов экспертизы будут определены тематика, сроки и подрядчики ремонтных работ. Обком КПСС взял на контроль вопросы, связанные с судьбой ледокола.

Секретарь Иркутского обкома КПСС
Е. АНТИПИН».

От редакции. Мы позвонили в Министерство речного флота РСФСР. Начальник Главного управления капитального строительства Д. В. Чимбуров рассказал, что на специальном совещании, посвященном судьбе ледокола, которое проходило под председательством заместителя министра Ф. В. Сиротина, принято решение провести в первом квартале 1983 года водолазное обследование судна. По результатам этого обследования будет составлен проект подъема «Ангара», и после его утверждения заказчиком — Иркутским горисполкомом — начнутся работы.

В свою очередь, «Смена» выражает надежду, что в осуществлении программы подъема ледокола примут, наконец, активное и конкретное участие и комсомольские организации Иркутска.

ЗИМНИЕ МОТИВЫ

Павел ГРУШКО

*Январское солнце лениво застыло на крыше,
морозов таких не упомнят и старцы дремучие.
Какое нездешнее нас посетило затишье,
какое певучее ошеломило беззвучие!*

*Над пропастью дня это утро —
как хрупкое блюдце.
Еще не упали конверты в почтовые ящики.
И, может быть, вести дурные с дороги собьются,
и день-коробейник предложит нам
счастья образчики.*

*Быть может, мы сможем сберечь это круглое утро,
которое катится тихо в квадраты оконные,
и станет надежной белой эта минута
и запахи хлеба, летящие вслед за фургонами.*

Иван ПЕТРУШИН

Письмо из Тбилиси

*Я по зиме соскучился давно,
Зиме,
которой Подмосковье славится,
Когда снежинки бьются об окно,
А дворникам с сугробами
не справиться.
Они скребут лопатами с утра,
Чтобы совсем избавиться от снега.
И смотрят огорченные на небо
И думают: «Ну прекратись, пора...»*

*Ты пишешь, что в Москве зима давно,
А снег
моей шинели не касался.
Я уезжал служить, я опасался,
Что снег теперь увижу лишь в кино.
В Тбилиси забывают, как зимой
Снег всюду —
на деревьях и на крышах...
А ты сейчас катаешься на лыжах
И вовсе не торопишься домой?*

Андрей ФИЛИНОВ

*Лишние цвета стерев сама
И устав от суетного бега,
На дорогах, занесенных снегом,
На деревьях, занесенных снегом,
Отдыхает белая зима.
Чтобы научиться понимать
Тяжкую ее необходимость,
Нужно ночью в холод нелюдимый
Выйти, с ней побыть наедине,
И замерзнуть, и заиндеветь,
И стоять, в сугробы белые вращая,
А потом, всего — весной оттаять,
И очнуться, и открыть глаза.*

Иван МАНУШИН

*Опять зима!
Летят снежинки густо.
Уже земля под ними не видна.
Сегодня мне и холодно и грустно,
Была любовь,
но где теперь она?
Смотрю в окно, но ничего не вижу —
Кругом пурга, от снега все бело.
Он на деревья падает, на крыши,
Весь двор мой белым снегом замело.
Сегодня грусть врывается волною,
От грусти и от холода продорог
Лишь потому, что нет тебя со мною.
Свою любовь я в сердце не сберег.*

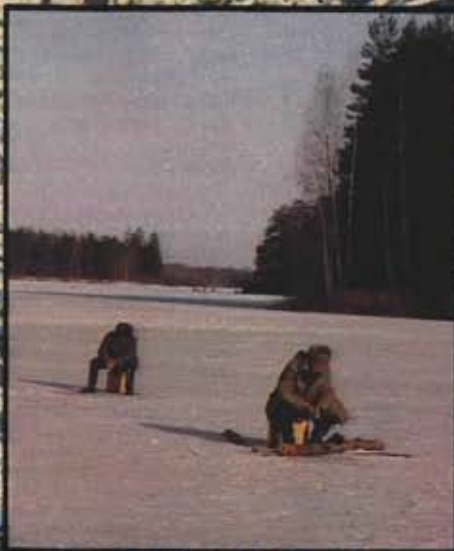
Анатолий ГЛЕБОВ

Первый снег

Посмотрите —

*бела земля!
Снова снег удивляет всех.
Это значит — пришла зима,
Если падает первый снег.
И белеют опять леса,
И белы, как весной, сады.
И немного болят глаза,
И горят на снегу следы.
Выбегаю скорей на снег.
Как на шаре земном светло!
Неожиданно, как во сне,
Превратилась вода в стекло,
И не видно деревьев крон,
И не слышно ничьих шагов.
Набирает зима разгон,
Будет много еще снегов.
И опять посмотрю я вверх
И восторг не смогу унять.
Будет каждый идущий снег
Предыдущий напоминать...*

Алексей ГОЛУБЕВ

Колою дрова под Новый год.
В студеной зимней акварели
кружится мягко пух метели.
Колою дрова под Новый год.

Поленья, будто четки лет,
темнеют рядом в белой взвеси.
Я вдаль гляжу, где санный след
в коричневатом тонет лесе.

Да, стужа смилу набрала
и в мыслях далеко от лета.
В вечернем нозе, как стрела,
скользнула ранняя ракета.

Она пугливо упадет
на ветви тополиной пуши.
Я жду с надеждой день грядущий...
Колою дрова под Новый год.

Александр ЖУКОВ

Давно метели
землю замели.
И спит она
как будто безмятежно.
Но словно горечь,
в памяти земли —
горсть черных листьев
под покровом снежным.
В тот час, когда
придет конец зиме,
то, старое,
растает под лучами,
и уплывет
с весенними ручьями,
и растворится
в небе и в земле,
в просторном мире,
солнечном и лунном.

Людмила ОСПИЩЕВА

Солнце тусклое встало над плесом,
Даль неясных предчувствий полна.
Все застыло под небом белесым.
Тишина.

Улеглись и ветра и метели,
Взбив сугробами снежную ширь.
С молодой округлившейся ели
Красной каплею канул снегирь...

Фото
Анатолия БОЧНИНА,
Игоря ГНЕВАШЕВА,
Альберта ЛЕХМУСА,
Василия МИШИНА,
Льва ШЕРСТЕННИКОВА

Аман МУХТАРОВ

Снег в Бухаре

Снег идет в Бухаре.
Белый снег,
Белых бабочек белый полет.
С крыш сгребает его человек,
А другой на тропе колет лед.
Снег идет...
И Каланн-минарет
В белой шапке,
В платках купола,
Белой мглой древний камень одет.
Даль наполнила белая мгла.
Снег идет... Лаби-хауз в снегу.
И тутовник, как старец седой,
Дремлет он... на лету, на бегу
Снег укутал его пленой.

Белый снег. И на белом черны
Три вороны, резвясь по кустам.
Будто чем-нибудь огорчены,
Громко каркают по временам.
Снег идет... Улететь опоздав,
Грудью к куполу аист приник.
Белой ставю аистов став,
Белый снег перед птицей возник.
Снег идет в Бухаре. И она
В эти ветреные холода,
В блеске снега, в прозрачности льда,
Как в аквариум заключена.

Перевела с узбекского
Светлана СОМОВА.

«...А настоящей, внутренней жизнью является мир постепенно раскрываемой тайны воображения».

А. С. ГРИН

Сколько к ней ни обращайся, это всегда неожиданно удивительная книга. Вместе с шелестом ее страниц комнату заполняет шуршащий бег нескончаемой волны, звонкая упругость ветра, полавшего в ловушку паруса, блеск и запахи листвы, умытой коротким и теплым ливнем, который подобно самому долгожданному празднику прошелестел, прошумел, просмеялся над землей. В его длинных, пронизанных светом струях зашевелился, вздыхая, наст прошлогондней листвы, и молодая трава прямо на глазах потянулась к жизни. Она росла так быстро, что, казалось, прислушайся — и ты услышишь шорох, с которым она вклинивается в небо...

Книга учит нас именно этому — умению идти до конца. Что касается самой сказки, то она не что иное, как детство однажды осуществленной мечты.

Вот о чем я всегда думаю, когда в который раз беру с книжной полки «Алые паруса» Александра Грина...

«Мы видели все это в обрамлении багрово-золотой листвы, озаренной солнцем. Но вот однажды подул холодом, и желтые листья закружились вместе с хлопьями снега. Это было первое дыхание наступающей зимы...»

Г. УЭЛЛС

Стояли спокойные, ясные насквозь дни. Свежий ветер шел с Балтики. Небо кипело от машущих крыльев бесчисленных чаек. Свистящей белой струей ударил пароходный гудок...

Человек в последний раз оглянулся на берег: впереди его ждали Стокгольм, далее — привычно любимая Англия, позади оставались пятнадцать дней, проведенных в Советской России.

1920 год итожил собой прожитое...

Герберт Уэллс и Александр Грин. Взаимосвязи вроде бы и не существует. Но так ли это?!

Знаменитый английский фантаст приезжает в Советскую Россию, чтобы не по чьим-то рассказам и всевозможным толкованиям, а исходя из личных наблюдений разобраться в происходящем.

Уэллса поразило то, что в наших вагонах не было графинов для воды, что у Максима Горького всего лишь единственный костюм, что мы в основном «поддерживаем себя только чаем и беседой». Ленина Уэллс увидел «кремлевским мечтателем», а свою будущую книгу о нашей революции он впоследствии назовет «Россия во мгле».

Человек, который в своих книгах пытался предсказать будущее на многие сотни лет вперед, так и не сумел разглядеть, понять, какая жизнь у нас будет завтра и послезавтра.

Почему подобное произошло? Мне кажется, что лучше всех, точнее это объяснила Ольга Берггольц:

«Он ехал по той же железной дороге, что и мы, он видел таких же женщин, мужчин и детей, как мы, он видел НАС. Но мы жили, а он смотрел. Смотрел, как на сцену, из окна отдельного купе в хорошем вагоне, где ехал со своим сыном, со своим английским кофейным прибором, пледом и консервами, привезенными из Англии».

«Мы ЖИЛИ, А ОН СМОТРЕЛ»... У нас были свои понятия о мужестве, добре, долге, дне завтрашнем. Своя вера в этот день. У нас были свои художники, у которых были свои представления о задачах художника...

В честь Уэллса петроградские литераторы устроили конференцию в Доме искусств. Среди тех, кто там выступал, был и Александр Степанович Грин. Он говорил о долге литературы, той литературы, о которой Уэллс в своей книге скажет: «...Для литературы в целом, для науки катастрофа 1917—1918 годов оказалась совершенно гибельной».

В одно и то же время Уэллс и Грин работали над своими книгами. К первому приходили такие строки: «Скоро с серого неба, распростертого над 700 000 душ, все еще остающихся в Петрограде, начнет падать холодный дождь, а за ним снег. Ночи становятся все длиннее, а дни все тусклее».

Грин работал над «Алыми парусами». Слова рождались медленно и трудно. О дровах хватало трезвости не думать. В качестве топлива шли старые конторские книги, раздобытые в опустевших после революции залах финансовых операций «Лионского кредита». Часть добытых «грассбухов» выполняла роль писчей бумаги. Тепла те «дрова двадцатых годов» дарили все же маловато. Пальцы коченели. Их приходилось разогревать собственным дыханием, с нетерпением поглядывая на рукопись. Перо остановилось на фразе: «...Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками».

Когда читаешь «Алые паруса», то тебя невольно не покидает чувство, что написаны они на каком-то удивительном, празднично-летящем едином дыхании. На самом же деле за кажущейся легкостью стоят почти пять лет упорнейшего труда. Конечно же, это были годы работы не только над

«Алыми парусами». В 1918 году, например, Грин заканчивает один из лучших своих рассказов, «Корабли в Лиссе», но тем не менее главной «писательской заботой» были и остаются «Алые паруса».

Грин не расставался с рукописью и тогда, когда за непочтительный отзыв о царствующей особе был выслан из Петербурга, и тогда, когда, узнав о Февральской революции, отправился пешком по шпалам не через один десяток километров, завывающих снегом и надеждой, в Петроград. Не расставался с ней, служа в Красной Армии под Витебском, хранил рукопись в выдавшем виды вещмешке, среди нехитрого солдатского скарба.

Была война. Ветер срывал последние листья с деревьев конца осени 1919 года. Состояние здоровья не позволило Грину участвовать в боях. Он нес караульную службу, нес в тех местах, где родился и вырос его отец, откуда был сослан тот в Сибирь за участие в польском восстании 1863 года...

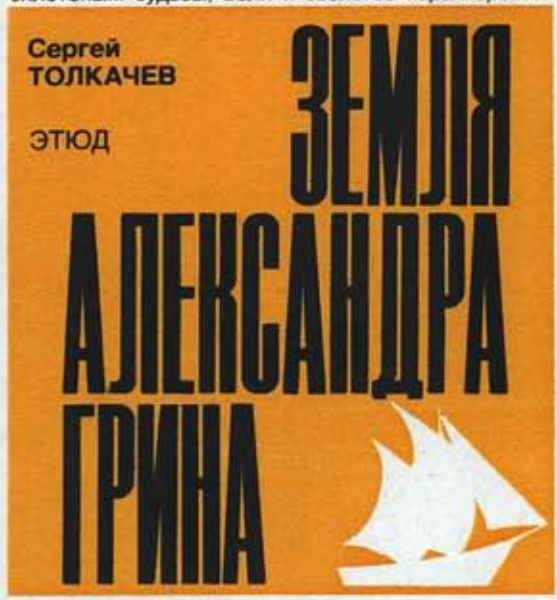
Ветер раскачивал тусклые фонари. Шуршали о темной сырой воздух невидимые листья. Из темной бездны крупно и ярко светили ему холодные звезды... Холодно, зябко в такие минуты на посту... Казалось, что тишина взяла в полон и землю и людей, забывшихся в коротком и беспокойном сне. Мысли, мысли... Мысли о «странной» повести, которая до сих пор так и не «дается».

Потом служба в Острове под Псковом. Сыпняк. Беспамятные руки, нервно ищущие вещмешок с рукописью... Как чудо, участие в его дальнейшей судьбе Максима Горького... Дом искусства...

«...Смертельно боюсь всего — ошибки, недоразумений, таинственной и вредной помехи — она вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича:

— Я здесь, я здесь! Это я!»

Рассказывают, что Алексей Максимович Горький не мог без волнения перечитывать эти строки, возвращаясь к ним снова и снова. Они, эти слова, как бы итожат все ожидания Ассоль, все ее надежды и, конечно же, прежде всего веру, в которой «тесно сплетены... судьбы, воля и свойство характеров».

Приведенные ниже строки не из «Алых парусов», а из гриновского романа «Блестящий мир», но они в какой-то мере помогают нам «расшифровать» сказанное в самой повести:

«К этому я прибавлю, что смотрела бы, как на несчастье, на любовь, если поразит она меня БЕЗ СУДЬБЫ».

Грин не без умысла подчеркивает последние два слова, потому что «любовь и судьба — одно...», единое и неделимое, когда слово рождает поступок, а поступок — слово... Грин призывает своего читателя к «той счастливой высоте духовного зренья, с которой отчетливо замечались им все намеки и подкасы действительности», нашей с вами действительности. И фраза о том, «чтобы делать так называемые чудеса своими руками», — далеко не случайная фраза:

«Алые паруса» — книга не об опереточно-сказочном принце, который благодаря своим положению и состоянию дарит праздник своей возлюбленной. Это книга о чуде, созданном всей жизнью, всеми вместе взятыми большими и малыми ее поступками; о том, что в конце концов неважно, какой окраски паруса. Белые, желтые, алые... Они в одинаковой мере требуют от нас работы, мужества, пота, умения ловить ветер в парус, умения выстоять в трудную минуту, мудрости сказать вовремя нужное слово, несмотря на все испытания, довести корабль в порт его назначения.

Истоки поступка Грэй, созданного «глубиной сердца», нужно искать в детстве самого Грэй, в последовательности его желания не просто стать капитаном, а вырасти в капитана, начиная от первых кровавых мозолей, когда вырвавшийся шкот хлещет направо и налево на яростном ветру, и кончая боцманскими пинками; когда ты не графский сынок, а просто юнга с его обыкновенной и нелегкой судьбой.

Чужую боль Грэй понимал не понаслышке. Чью-то радость, ожидание ее — тоже. Суметь разделить радость другого человека иногда сложнее, чем суметь разделить чье-то горе.

Много и часто можно слышать о некоей оторванности мечтательной Ассоль от реальной жизни. «Пока она шьет, — пишет Грин, — посмотрим на нее ближе — вовнутрь. В ней две девушки, две Ассоль...» Одна — «живое стихотворение», вторая — умеющая шить, приготовить обед или ужин, помогающая отцу в его работе... Она умела работать и не боялась этой работы.

В свое время Грина обвинили в том, что, взяв на борт «Секрета» Ассоль, писатель тем не менее оставил «народ одиноким на берегу», что действия Ассоль и Грэй в сущности своей эгоистичны.

Приведем свои доводы...

Ассоль и Грэй уплывают на «Секрете» не в собственное благодушное одиночество, на беззаботно-солнечные острова, где, по словам Платонова, они «не расточат ли свое счастье в самое краткое время, поскольку у них для этого счастья теперь ничего не осталось...», а поселяются в Туз близ Покета среди обыкновенных людей на обыкновенной, всегда удивительной земле. От народа к народу не бегают. Конечно же, Грэй не принадлежал к простому сословию, но сейчас речь не об этом, а о том, расточили или не расточили свое счастье Ассоль и Грэй?

Впоследствии Грин еще раз встречается со своими героями. Правда, встреча эта носит вымышленный характер, но писатель определил ее конкретным 1926 годом («Встречи и заключения», журнал «Нева», 1960, № 8, стр. 149). Из отрывка мы узнаем о гибели Хоггя, крупного миллионера, «бесчеловечные опыты которого с живыми людьми (часть их описана в «Пропавшем солнце», «Вокруг света» и «Гладиаторах») привели к дуэли между ним и Артуром Грэйем». То есть спустя годы Грэй не изменил своим принципам. Он по-прежнему отстаивает их и отстаивает весьма активно. Он продолжает вершить судьбу, а не оставаться в плену обстоятельств.

Что касается самой Ассоль... Желанного берега достигли люди, умеющие бороться со встречной волной.

И Грэй и Ассоль всегда были способны совершить Поступок. Их доброта не созерцательна, а носит деятельный характер. Они оба умели прислушаться к тому, кто живет рядом с ними, понять его.

Поступок — проявление того, насколько органично слиты в человеке слово и дело. На поступок был способен капитан Грэй, был способен и Грин. Все те же двадцатые годы. Зима. Холодно, голодно, неуютно... Всеобщая любимица обитателей Дома искусств, его секретарь Марина Сергеевна Алонкина заболела и который день не выходила из дома.

Непривычный шум во дворе заставил ее подняться с постели, подойти к окну. Во дворе стояла телега, груженная дровами, — роскошь по тем временам, как мы уже говорили, невероятная. Выяснилось, что дрова — подарок Грина.

Нетрудно догадаться, чего стоила та подвода дров человеку, который вот уже какой день напрасно пытался «прокормить» свою прожорливую буржуйку добытой по случаю бумагой.

Герберт Уэллс был не совсем точен, утверждая, что мы в основном «поддерживали себя только чаем и беседой».

«Сплавить в одно целое все сокровища жизни, сохранив неприкосновенным тончайший узор каждого отдельного счастья».

А. ГРИН

Выход в свет «Алых парусов» вызвал самые противоречивые отклики: «...Все те же паточные феерии», «Милая сказка», «Пора бы, кажется, делом заняться». Правда, нашлись люди, которые взяли на себя смелость не согласиться с этим: «Сказочное волшебство феерии сливается с четкостью жизненных образов...» Страсти накалялись. Строгий экзаменатор Время, как обычно, не торопилось со своими выводами. День сменялся днем, месяца вырастали в годы...

И уже подрагивали на кончике пера Павла Когана, живя предощущением собственного рождения, знаменитая песня о бригантине и обнаженные, как корни дерева на подмытом берегу, стихи о любимом писателе.

И Александр Коваленков создал знаменитое «Сказки пишут для храбрых...».

И молодой Михаил Дудин уже плеснул на лист бумаги своей искренностью: «...Здесь только б жить и грезить Грину, чтоб только ветер в волосах, чтобы солнце в лоб и звезды в спину — лететь на алых парусах». «Страна гриновских новелл и повестей, которая, — как утверждает некий критик после смерти писателя, — предстает ныне обесцвеченной, точно декорация при дневном свете», наполнялась новыми голосами.

Сказки действительно пишут для храбрых. Уроки подлинной доброты — уроки мужества одновременно.

Грин придумал землю, не нанесенную ни на одну из географических карт. И все же в его книгах реальная высота неба. Там растет реальная трава, и реальное ночное море укачивает в своей реальной крупной ряби реальные звезды. Там прыгают с камня на камень и хохочут, как заигравшиеся мальчишки, реальные ручьи, а если кто-то, ранее незнакомый, просто улыбнулся открыто тебе навстречу, то ты, напрочь забыв о самых фантастических сюжетах, ответишь тому человеку такой же открытой улыбкой.

АЧТОУВАО?

Вулканы на Украине?

Тринадцатилетний изобретатель

ВОСПОМИНАНИЯ О ШУКШИНЕ

Ананасы растут в квартире

ПОИСК

САМЫЙ ЮНЫЙ

Сверстники подшучивают над ним — «изобретатель». Но у Вити есть полное право на такое звание без всяких кавычек. Основание — авторское свидетельство № 741910 на промышленное изобретение «Устройство для отделения газа от жидкости», выданное Госкомитетом по делам изобретений и открытий. Витя Меюс получил свидетельство, когда ему исполнилось всего 13 лет. Теперь он, ученик Гупаловской средней школы Днепрпетровской области, — самый юный изобретатель страны.

Как-то Витин дядя, Василий Петрович Губина, предложил племяннику придумать клапан, который воздух из трубопровода выпускал бы, а воду нет.

— Я вдруг вспомнил, — объясняет Витя, — как мама однажды попросила вымыть бутылки. Внутри одной из них была пробка. Когда я налил воды, пробка поднялась и закрыла горлышко, а когда вылил, пробка опустилась — и горлышко снова открыто. Вот я и предложил подобное: герметический бачок в форме ромба с двумя патрубками — сверху и внизу. Внутри бачка поместил шар из пенопласта.

Владимир ЧОПЕНКО

УВЛЕЧЕНИЯ

Квартира-сад

В справочнике цветочных сказано: «Иногда в комнате удается укоренить верхушку ананаса, розетку зеленых листьев... молодое растение развивается в комнате, но редко цветет и плодоносит». Но старший геолог минусинской геологоразведочной экспедиции Виктор Иванович Геря за пять лет вырастил в комнате двенадцать ананасов. Самый большой плод весил почти полтора килограмма. И это в суровом северном крае, где температура за окном порой больше пятидесяти градусов.

Растут в доме геолога и пальма-финик и веерная европейская пальма... Почти двадцать лет выращивает теплолюбивые редкие растения В. Геря. Он надеется создать новый сорт ананаса, название ему уже найдено — «минусинец».

Валерий ЛЕОНИДОВ

ПАМЯТЬ

АРКА ПОСЛЕ РАНЕНИЙ

«...Как равная приветствуя войска И крылья мечевидные расправив, Над нами встанет бронзовая Слава, Держа венок в обугленных руках».

Так писала Ольга Берггольц в 1942 году. Так и произошло. Тысячи ленинградцев собрались радостным летним днем сорок пятого на площади Стачек, чтобы встретить возвращавшихся фронтовиков.

...Бронзовая «Слава»... И она участвовала в боях последней войны. И она имеет боевые ранения. Десятки осколков оставили свои отметины на теле и крыльях скульптуры, на кованой меди Нарвских ворот. Сейчас мы не найдем, не увидим этих шрамов.

— Большие работы на площади Стачек провели сотрудники объединения «Реставратор». Ими сделано здесь все — от модернизации дорожного покрытия до золочения мемориальных надписей на триумфальной арке. Но тут еще немало найдется дел специалистам разного профиля, — говорит сотрудник музея, «куратор» Нарвских ворот Р. Евсеева. — Ведь в зале площадью шестьдесят квадратных метров, расположенном на третьем ярусе ворот, намечено развернуть экспозицию, рассказывающую о войне 1812 года. В эту экспозицию войдут, в частности, копии батальных знамен, хранящиеся в Эрмитаже и Русском музее, графика, живопись, документы, свидетельствующие о доблести русского оружия.

Валерий НИКИФОРОВ

На снимке: Триумфальные Нарвские ворота. Фото Игоря КРУЖАНОВА

ОДНАЖДЫ...

Привет из каменного века

В селе Каменка Иван Митрофанович Тарасенко живет с самого рождения.

Однажды он возвращался с охоты и вот на пологом берегу извилистой речушки вдруг заметил темно-коричневый предмет размером со спичечный коробок. По поверхности «коробка» тянулись две ровные цепочки, похожие на следы зубов какого-то неведомого животного...

Иван Митрофанович показал свою находку студентам-историкам, проходившим педпрактику в Каменке. Те в один голос заявили: «Это призматический нуклеус — орудие труда первобытного человека». Главная же ценность находки заключалась в том, что она была из обсидиана — прочнейшей вулканической породы!

Но как она попала в наши края, где никогда не было вулканических образований?

Можно предположить, что племена, некогда обитавшие на берегу полноводной в прошлом реки Каменки, имели какие-то доселе неизвестные торговые контакты с племенами, жившими на территории современного Кавказа еще в палеолите. А может быть, кавказцы сами приходили в наши края в поисках лучших угодий для охоты и собирательства?..

Уникальную находку И. М. Тарасенко передал в Ворошиловградский областной краеведческий музей, где она, конечно, будет тщательно изучаться.

Василий НАРЫЖНЫЙ

ВЕТКА КАЛИНЫ

В Барнауле открыт необычный клуб. Его эмблема — раскритая книга, а на ней ветка калины. Здесь поклонники таланта В. М. Шукшина встречаются с людьми, лично знавшими этого удивительного человека — писателя, режиссера, актера. На одном из заседаний был шукшиновед Н. Горн, на другом — режиссер Р. Григорьев и оператор Н. Пучков, снимавшие на Алтае ленту «Праздники детства». (Кстати, этот фильм, повествующий о школьных годах Василия Макаровича, стал лауреатом Всесоюзного кинофестиваля в Таллине.) С интересными воспоминаниями выступил брат Шукшина сибирский художник И. Петров.

Евгений ВОЛКОВ

Колесо предков на службе XX века

Помните, у Есенина:

«По лугу со скрипом Тянется обоз. Суховатой липой Пахнет от колес»...

Да, теперь такое встретишь нечасто. На улочках Касимова, маленького городка на Рязанщине, недалеко от родины Сергея Есенина, можно встретить машины, в кузовах которых сложены новые телеги, сани. Здесь расположен обозный завод, выпускающий за год почти 6000 станов-колес и до 900 ходов-саней, а также 3000 телег.

Продукция касимовцев и сейчас популярна на селе. Не секрет, что и мощный «Беларусь» не пробьется иногда сквозь топь, лесную чащобу. А лошадка, запряженная в телегу или сани, вроде вездехода.

Алексей Петрович Алехов, директор, называет завод

«филиалом ВАЗа». В шутку, конечно. Но заказы у завода растут с каждым годом. В производственных корпусах распиленные стволы превращаются в массивные колеса, полозья. В цехе перемешаны запахи сосновой живицы, дегтя, каленого железа, краски. Обозных дел мастера успевают сделать и кое-что, кроме колес. Так, пилорамщик Григорий Лазуткин в свободное от работы время мастерит затейливые кораба, лари, шкатулки. Многих ребят научил он резьбе по дереву. Над рабочим местом Григория Лазуткина висят два колеса, по ободу которых выжжено старославянской вязью: «Готовь сани летом, а телегу — зимой», «Тише едешь — дальше будешь».

Колесо наших предков продолжает верно служить людям.

Валерий ПЛЕШАКОВ

Недавно я стал бригадиром, но никакого изменения в заработке не произошло. По-моему, здесь что-то не так...

Ю. БАДИН, г. Клинцы

Если в бригаде на одного из ее членов возложены функции бригадира, причем он не освобожден от своей основной работы, следует говорить о совмещении. Такому работнику за руководство бригадой устанавливаются процентные надбавки к заработку. Так, за руководство бригадой численностью более десяти человек указанная надбавка составляет 15 процентов тарифной ставки, а если численность бригады колеблется от пяти до десяти работников — 10 процентов. Причем бригада должна непременно выполнять месячные задания.

Если численность бригады временно снижается, например, из-за болезни или отпуска рабочего, доплата все равно производится, но также при условии, что объем выполняемой работы не снижается.

В строительных бригадах доплата за бригадирство составляет 2 процента суммы заработков бригады (без учета премий), но не свыше сорока рублей в месяц. При этом численность бригады, занятой на общестроительных и комплексных работах, не должна быть меньше десяти человек; на специальных и монтажных работах — шесть человек, а в бригадах, ремонтирующих металлургические, углеобогатительные и химические предприятия, — пять человек.

ОТ РЕДАКЦИИ: Юридическая консультация «Смены» продолжает работу. Ждем ваших вопросов. На каждый из них будет дан ответ — или на страницах журнала, или отдельным письмом.

«МЫ ПОВЕДИМ!» — ГОВОРИТ ТРИНАДЦАТИЛЕТНИЙ АМДЖАД АББАС, САМЫЙ ЮНЫЙ В МОЛОДЕЖНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПАЛЕСТИНЫ. С НИМ — ЕГО СТАРШАЯ СЕСТРА АИДА АББАС.

И С ПЕСНЕЙ В БОЙ... ЭТИ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ ИСПОЛНЕНЫ РЕШИМОСТИ И МУЖЕСТВА. БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

СОЧИ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЛАГЕРЬ «СПУТНИК». ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ...

ПЕСНЯ И АВТОМАТ

Василий КОЛОДНЫЙ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Первое, что я услышал в автобусе, была песня. Молодые палестинцы пели увлеченно, самозабвенно и даже умудрялись пританцовывать в проходе между сиденьями. Честно говоря, для меня это оказалось неожиданным. В памяти гремело эхо последних событий в Ливане, в сердце стучал пепел сожженных израильскими варварами палестинских лагерей Сабры и Шатилы. Я спросил у переводчика, о чем поют ребята. Оказалось, они поют песни о своей Родине, о борьбе за свободу, за право на мирный труд. И как бы в подтверждение этих слов тринадцатилетний Амджад Аббас, самый юный в молодежной делегации Палестины, находившейся на отдыхе в Советском Союзе, запел «Катюшу», одну из любимых песен, которые спутствовали нашему народу в самые трудные времена...

Этот отдых для молодых палестинцев не просто отдых, это и передышка между боями. Между боями жестокой и кровопролитной войны, войны на уничтожение, которую ведет против арабского народа Палестины изуверский режим Израиля — ставленник и союзник империализма США.

...Двадцатидвухлетний Мухамед Аль-Рафаи, другой член делегации, тоже с раннего детства любит музыку, любит петь и играть на национальном палестинском инструменте — уд. Еще мальчишкой хотел поступить в музыкальную школу и стать профессо-

нальным музыкантом, но в Дамаске, в лагере палестинских беженцев, где он родился и вырос, таковой нет. Да и не до учебы ему сейчас. По его же собственным словам, он посвятил себя делу революции. До начала военных действий в Ливане Мухамед работал на заводе, выступал в молодежном ансамбле Би-Сан, репертуар которого состоит из революционных песен. С первыми выстрелами он как истинный патриот ушел сражаться, однако и на поле боя его оружием были не только автомат или гранатомет, но и песня: во время бомбежек и артиллерийских обстрелов она поднимала и поддерживала боевой дух его товарищей.

Этот молодой парень с открытым, добрым и немного детским лицом прослыл героем, и не случайно. Мухамед Аль-Рафаи — участник многих боев, он был в южном Бейруте, сражался в долине Бекаа, многое видел и многое успел пережить. Он рассказывал мне о себе, о своих братьях и сестрах, а их у него шестеро, показывал фотографии, которые привез с собой. На снимках — его друзья, многие из которых погибли. На одной из фотографий Мухамед запечатлен со своим оружием — ручным гранатометом, с которым он примерно одного роста. А ведь с помощью этого оружия он уничтожил не один израильский танк. Впрочем, по всему духу своему Мухамед — человек мирного труда. Из дней, которые он провел в Советском Союзе, ему больше всего запомнился тот, когда палестинские ребята и девушки ездили на уборку винограда в один из колхозов.

Рядом скакало море. Ярко светило солнце, воздух был теплым и ласковым. Мы сидели и говорили, а по радио передавали сводку известий из Ливана.

И, может быть, потому с еще большей горечью воспринимались сухие строчки сообщений. В Ливане опять слышны автоматные очереди и взрывы бомб, опять стонут раненые и плачут оставшиеся без крова матери и дети. В Ливане война, там гибнут люди. И парни, что так внимательно слушают сводку оттуда, с горячей земли, сами только что с линии фронта.

107 палестинских юношей и девушек приехали в Советский Союз на отдых по приглашению ЦК ВЛКСМ и КМО. В составе делегации рабочие, учителя, студенты, врачи. Большинство участвовало в боях. Такая у них судьба. Они бойцы, они сражаются за Родину, многое отдали этой борьбе и готовы отдать за счастье своего народа, за его будущее, самое ценное, что есть у человека, — жизнь.

Сто семь человек, сто семь судеб. В них отражен сегодняшний день палестинского народа — много страдального и мужественного, его стойкость, крепость духа. В борьбе — жизнь этих ребят. Мужественных и добрых, умеющих заразительно смеяться, петь и плясать, радоваться солнцу и крепко держать в руках автомат. Люди доброй воли в любом уголке Земли — вместе с ними, на их стороне.

...Они улетали из Сочи, и весь город провожал их. Люди пришли, чтобы попрощаться, как прощаются с добрыми друзьями. Им дарили цветы, желали успехов, мужества и победы. А в ответ на эти напутствия гости по-русски говорили: «Спасибо! Спасибо за все — за добрые слова, за поддержку, спасибо за то, что вы есть, что есть ваша страна!»

Почти все они уже были одеты в военную форму и выглядели совсем по-другому. Собранные, суровые. Сейчас эти ребята снова на передовой.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОГНОЗ?

Мы предлагаем вашему вниманию, уважаемые читатели, две картины художника Виталия Лукьянца — «Мироздание» и «Иная планета». Давайте подумаем над тем, что хотел сказать художник, порассуждаем вместе о горизонтах искусства. Лукьянец попытался заглянуть в далекое-далекое будущее, перенести в него — в космическую вечность — наши вечные истины: любовь, материнство, красоту человека и природы.

Искусство отражает жизнь — это бесспорно. Но когда оно заглядывает в фантастическую даль, — такими ли должно представлять оно идеалы жизни в той самой дали? Не изменятся ли наши ценности, то, чем живем, что храним свято, в будущем единении Вселенной, о котором мечтают лучшие умы человечества? И, по всей видимости, художник призывает нас хранить познанную красоту человеческих отношений и чувств перед лицом еще не познанного — согласны ли вы с этим? Или сюжеты картин говорят о другом?

На картинах Лукьянца и цветы, и люди, и небо узнаваемы нами; но, с другой стороны, — это фантастика, художественный прогноз, и можно относиться к полотнам с внутренним ожиданием чего-то еще невиданного: иная природа, иные разумные существа, иное небо. Так какой же должна быть доля реального в фантастическом произведении? Какова «точка отсчета» в подходе художника к неизданному и непознанному будущему?

Возможно, у вас, читатели, родятся и другие мысли, и спорные вопросы по поводу этих двух картин. Может быть, вас привлечет творческий метод художника или появятся какие-то отрицательные доводы. Хотелось бы узнать трактовку картин Лукьянца, мнение всех, кого интересует живопись. Отвечает ли, на ваш взгляд, цветовое решение замыслу картин. Какими деталями вы дополнили бы выбранные художником сюжеты? Давайте порассуждаем, поспорим на страницах «Смены». Приглашаем к заочной читательской конференции на страницах журнала.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ!

МИРОЗДАНИЕ.

ИНАЯ ПЛАНЕТА.

Владимир
ЦЫБИН

Что я возьму с собой
из всех своих разлук —
жизнь вечною совою,
бессонницы разгуд?

Сомнений беспросветь,
дней смутных череду?
Воспоминаний степь
никак не перейду.

Вернусь я в те края,
к той стороне дневной,
где думал нежно я
лишь о тебе одной.

Я горько жду тиши,
где мы навек вдвоем.
Ты в жизнь моей души
вошла живым дождем.

Я слышу каждый миг
отважно и навек,
как токи дум твоих
ко мне восходят вверх...

Куда ты, поле,
от меня бежишь,
когда все зимы,
воя от натуги,
порвав на клочья вековую тишь,
давно тебя перепахали выюги?

Куда бежишь ты, поле, от меня?
В безбрежность,
в беспросветную поземку,
по пеплу угасающего дня
я за тобою бросился вдогонку.

Бегу до самой дальней
полосы
тропинкою капризной, непрямою.
Звенят снега,

как спелые овсы,
прощаются заранее с зимою.

Куда бежишь?
Наверное, в лога.
Чтоб, ощутив в себе охват бессилья,
покорные рассыпались снега,
стерев о высь свои сухие крылья.

Неужто ты меня не узнаешь,
кому когда-то пело ты негромко,
кому передало ты злую дрожь,
ту самую,
в какой жила поземка?..

Видят сны деревья золотые,
засыпая медленно в тиши,
видят они весны молодье.
В снах их —
мы доньне малыши.

Бельми обсыпанные снами,
слушают они всю ночь ветра,
нежно разговаривают с нами,
с маленькими:

— Спите до утра!
Снятся пихтам,
снится зябким кленам,
будто кто-то хочет их обнять,
будто взглядом нежным
и влюбленным
будет их всю зиму вспоминать.

Быть, деревья,
вам всегда счастливым,
отзываться шелестом теплу.
Сны текут по веткам терпеливым,
с дрожью
растекаясь
по стволу.

Спите вы под белой снежью тленной.
Только вы свою забудьте грусть —
я приснюсь вам,
друг ваш неизменный.
Помните меня?
Я вам приснюсь.

Перед зарей зеленой,
в верхке от сна,
спросонок,
я — только что рожденный
на белый свет ребенок.

Еще не здесь, а где-то
живу в густых потемках,
еще ни мглы, ни света
в моих слепых глазенках.

И думаю в надежде
и думаю про чудо:
«Так где же я? Так где же?
Куда попал? Откуда?»

Листва шуршит о крышу.
И постепенно снова,
что прожил я —
все слышу,
без оклика, без зова.

Неведомое скерцо
пришло как будто в гости —
вливаются мне в сердце
мгновений отголоски.

Скрипит в тиши осина,
пробился свет в квартиру...
И долго и бессильно
я привыкаю к миру.

Литературный глобус «Смены»

Современная прогрессивная поэзия Сальвадора сражается в рядах Национального фронта освобождения имени Фарабундо Марти. Судьба многих ее поэтов — это судьба бойцов. Часто она бывает трагической. Так в 1980 году оборвалась жизнь молодого талантливого поэта, журналиста по профессии Хайме Суареса. Его поэзия — фонограмма его жизни, беспоконной, пульсирующей, бескомпромиссной. Хунта убила его в редакции, за рабочим столом, где он, возможно, дописывал материал в номер. Выстрел не поставил точку в его творчестве. Остались его стихи. Они продолжают бороться.

Большой известностью в Сальвадоре пользуется поэт и журналист Тирсо Каналес. Его стихи вдохновляют партизан на борьбу с ненавистным режимом. Не раз поэта бросали за тюремную решетку. Но ничто не могло сломить патриота. Ему удалось вырваться из тисков диктаторского режима и даже побывать в Советском Союзе. По его мнению, это самое светлое время в его жизни — годы учебы и познания жизни страны, которая для него и его товарищей является ориентиром и мечтой. Нам неизвестно, где сейчас Тирсо Каналес, какое задание партии он выполняет. Главное, что мы слышим его голос поэта-борца.

Думаем, что читателям нашего журнала будет интересно познакомиться с творчеством двух прогрессивных сальвадорских поэтов.

Хайме СУАРЕС

Диктаторы

...Диктаторы
слоняются среди теней,
а ночью или в поздние сумерки
выступают, окруженные свитой,
на церемониях,
где учтивая чернь, прислуживая,
прославляет чудовищные обряды,
вопреки человеческой сущности.
Ей известно, что они ежедневно
меняют свои убеждения,
как одежды,
но она благосклонно молчит,
охраняя их сытый желудок,
для них покупает солдат
и развязывает войны,
а потом, будто с неба,
сыплются ей награды.
И ходите вы, гордые слуги,
бронча орденами,
и аплодируете,

и прославляете своих хозяев,
и упиваетесь тишиной и покоем
мертвых,
тех, кого вы ограбили,
утопили в огне и крови.
И за все это вас отметили,
вам дозволено сесть за их стол,
и спокойно входить в их клубы,
и кутить
с их двоюродными сестрами,
воспитанными в Европе, —
им по вкусу ваши пороки,
они так же играют в бридж,
хлещут виски
и водят «мерседесы».
Все диктаторы, боже мой,
забывают, что реки
начинаются с ручейков.
Безумцы,
бредут они против течения,
надеясь высушить этот ручей,
пока он еще не разлился морем,
чья волны
смывают диктаторов
и тиранов.

Песнь о себе

Когда-нибудь умру,
как повелось веками.
Уйду из кожи в новые края —
без фарса.
И объяснит сонет,
написанный на Марсе,
мою поэзию —
неограниченный камень.

По вмятинам поймете —
был я неприкаян,
как новорожденный,
без имени и маски.
Хозяин мира,
пил его слова и краски.
И голос мой не умолкал
под облаками.

Он одиноким был,
но не был пессимистом.
Немного фантазер,
немного осторожен.
Усталым скептиком,
порою анархистом.

Пожалуй,
так меня биографы отметят:
он пламенно любил,
но не рыдал над прошлым
И вышел в мир иной
легко и незаметно.

Тирсо КАНАЛЕС

Революционные солдаты Сальвадора

Революционные солдаты,
вы для народа рождены.
По классу братья мне они.
Друзья, товарищи! Когда-то
народ вам дал свои кантаты —
ведь вы и есть народ в мундире.
Он вас назвал ориентиром,
лучом грядущего, опорой,
чтобы над нашим Сальвадором
зажглась звезда свободы, мира!

Мужчины, женщины... Их жизни
наполнены одним стремлением.
Они прославили в сражениях
своим оружием Отчизну.
Их подвиги, как смерти вызов.
В победах на земле сегодня
сбываются мечты народа,
сны праотцев, что с нами вместе
даже в окопах поднебесных,
как прежде, бьются за свободу.

Где корни вашего всеилья?
В надеждах, в мужестве народа.
В его судьбине год от года
сама история пульсирует.
И на весах, где балансирует
бесстрашие, любовь, проклятье,
прогнется чаша славы ратной
моей страны. И Сальвадор
воспрянет, черный смыв позор,
среди других свободных братьев.

Письмо Элинке

Девочка, я иду,
холодея от страха
расстаться с жизнью
в своей родной стране.
Это вовсе не смысл моего бытия.
Я не раз тебе говорил:
«Желаю вырваться
из черного плена тоски».
Я слышал,
что нас хотят уничтожить,
страхом сковать
язык моему классу.
Помни, о чем я тебе говорю!
Эта страна,
в общем, не так уж плоха.
Напротив,
я замечую в ней только красивое.
Я за нее пью из чаши страданий,
и во мне ее боль умножается.
Кроме того, ты уже знаешь —
каждое место земли
одаряет нас красотой,
если мы ее просим.
Мир, бесспорно, прекрасен,
если его осязать
как единое целое.

Перевела с испанского
Елена ЮДКОВСКАЯ.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Конкурент Страдивари?

По сей день никому не удалось разгадать секрет чудесного звучания скрипок знаменитого мастера из Кремоны Антонио Страдивари (1644—1737). Поэтому дошедшие до нас подлинные скрипки Страдивари оцениваются в баснословные суммы: от 300 тысяч до миллиона долларов. Теперь, однако, похоже, что у классических Страдивари появился серьезный и, что весьма существенно, более доступный в смысле цены соперник. Макс Метьюз, сотрудник американской исследовательской лаборатории Белл и «по совместительству» музыковед и скрипач-виртуоз, утверждает: удалось получить электрический музыкальный инструмент, воспроизводящий подлинное звучание Страдивари. В настоящее время он вместе с профессором Ричардом Муром и заведующим кафедрой скрипичной музыки Калифорнийского университета Яношем Нидьешчи продолжает работу над своим изобретением, чтобы сделать его более пригодным к концертным выступлениям. «Люди уже испробовали все, чтобы разгадать тайну Страдивари», — говорит Макс Метьюз. — Именно поэтому я исходил из следующего: все равно, что и как делал Страдивари, нам не надо повторять форму и отделку его скрипок, надо постараться перенять от них волшебное качество звучания».

С этой целью все струны созданной Метьюзом и его коллегами электроскрипки снабжены отдельными (с экранированным приемным контуром) микрофоном и усилителем. Это устранило возможность появления так называемых звуков перекрестной модуляции, и скрипка приобрела более красивое, чем у всех прежних электромузыкальных инструментов, неискаженное звучание. Достоинством новой скрипки является еще и то, что ее можно приспособить к акустическим условиям различных аудиторий и концертных залов.

«ОРСАГ ВИЛАГ»,
ВЕНГРИЯ

ГУРУ БХАГВАН И ЕГО ЖЕРТВЫ

Молодой жительнице Мюнхена Эвелин Эйкворт однажды кто-то рассказал о некоем мудром гуру — учителе — по имени Бхагван, который в индийском городе Пуна основал свой «ашрам» — сообщество единомышленников по духу и вере, где люди живут во взаимной любви и доверии, без всего того, что деформирует личность погоней за

Сначала — мистический экстаз, потом — горькое протрезвление...

успехом и деньгами. И Эвелин приняла решение — она покинула дом и семью и отправилась в Индию к «святому человеку» Бхагвану. В «ашрам» она вступила под именем Ма Ананд Бхагвати, что означает «Блаженное божество». Столь же пышные имена получали и другие новообращенные. Каждый год «ашрам» гуру Бхагвана пополнялся новыми адептами — как женщинами, так и мужчинами.

Гуру Бхагван, который по документам значился как Шри Раджнис, оказался расчетливым бизнесменом, умело выжимающим из легковых искателей пути истинного последний грош. Все члены «ашрама» должны были трудиться в мастерских, получая за это лишь скудную порцию пищи. Мастерские давали 120 миллионов рупий в год чистого дохода, который присваивал гуру. Что же касается «свободы», то она сводилась к тому, что женщины должны были заниматься проституцией на городских улицах. Поступления, естественно, тоже шли в карман гуру.

О странных отношениях в «ашраме» начали циркулировать всяческие слухи. Налоговое ведомство потребовало от «святого человека» 20 миллионов рупий в качестве налога с оборота — ведь столярные, переплетные, ткацкие и сувенирные мастерские приносили немалую прибыль. Назревало несколько судебных процессов. И «мудрый учитель» решил опередить события. Сняв со счета деньги, прихватив драгоценности и сделанный по персональному заказу роскошный «роллс-ройс», он в сопровождении нескольких приближенных срочно отбыл в США, по недостатку времени не успев попрощаться со своими питомцами. Последние, покинутые на произвол судьбы, через несколько дней стали свидетелями ликвидации имущества «ашрама» — оборудование мастерских демонтировалось и куда-то отправлялось в больших ящиках. Как оказалось, предусмотрительный гуру заблаговременно продал все имущество какой-то иностранной фирме...

«ЦО ВАС ЗАЙИМА»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Право на самоубийство

По данным полиции, во Франции ежегодно совершается около 75 тысяч попыток к самоубийству и 15 тысяч самоубийств. Возможно, некие Клод Гийон и Ив Ле Бонние вознамерились сократить эту дис-

пропорцию, написав книгу «Смерть, способ употребления», содержащую рецепты, позволяющие «не промахнуть» всем тем, для кого жизнь стала поистине невыносимой. «Руководство для самоубийц» в течение трех недель фигурировало во Франции в списке бестселлеров, и права на его перевод проданы многим иностранным издательствам.

Тем временем рубрика происшествий пестрит сообщениями такого рода:

«Самоубийство безработного. Безработный Ален Рош из Роньяка, 35 лет, отец маленького ребенка, тяжело раненный в результате попытки к самоубийству, направлен в коматозном состоянии в марсельскую больницу. По словам близких, он тяжело переживал невозможность устроиться на работу».

«Еще одно самоубийство. В Страсбурге молодой человек 22 лет покончил с собой, следуя рекомендациям книги «Смерть, способ употребления», издательство Алена Моро».

«В кемпинге Секондини (Де-Севр) молодой человек 24 лет простился с жизнью. Его нашли мертвым в палатке, в руках — книга «Смерть, способ употребления». Несколькими днями ранее подобный поступок совершил молодой человек 27 лет»...

Ряд общественных организаций Франции потребовал запретить книгу, у которой уже за короткое время сложилась столь жуткая репутация. Но министр юстиции счел, что самоубийство — личное дело каждого, и воспрепятствовал запрету.

Право на самоубийство остается неприкосновенным...

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

ТАУЭР БРИДЖ — МУЗЕЙ

Мост Тауэр Бридж — одна из прославленных лондонских достопримечательностей — превращен в музей. Строительство этого моста, длившееся восемь лет, было закончено в 1894 году. Открытие его состоялось в присутствии принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII. В свое время это было весьма интересное с инженерной точки зрения сооружение, разводные арки которого, каждая весом в 1000 тонн, служили для пропуска судов по Темзе. Северная башня была восстановлена под оригинал, и там открыта выставка, посвященная строительству Тауэр Бридж. В южной башне представлены две выставки: одна посвящена лондонским мостам, вторая — иным известным архитектурным памятникам британской столицы.

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

С ЧЕТЫРЬМЯ РОГАМИ

Каких чудес не встретишь в природе! И вот еще одно: болгарский пастух Георгий Челепиев из села Доброско (Благоевградский округ) изображен на этом снимке рядом с бараном из своего стада, у которого выросли четыре рога...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ФРГ: РАСИЗМ В НОВОМ ОБЛИЧЬЕ

Было время, когда Западная Германия, охваченная экономическим бумом, вербовала в слабообразованных странах континента рабочую силу. Чтобы не возникало нежелательных аналогий с практикой третьего рейха, было даже введено специальное понятие, неисполненное, по мысли его авторов, всяческого доброжелательства: «Gastarbeiter», что означает в переводе с немецкого «рабочие-гости».

Давно уже прошло время разрекламированного на весь свет «экономического чуда», очереди безработных выстраиваются перед биржами труда во всех землях ФРГ, число тех, кто потерял работу, составляет уже около двух миллионов, и в этих обстоятельствах «гости» оказались лишними. И вот их сегодня травят — высокоорганизованно и искусственно. Их увольняют с «вольным билетом» за малейшую провинность или оплошность, а то и без таковой, им не сдают жилье, их оскорбляют на улице и в общественном транспорте, их детей терроризируют во дворе и в школе...

«Иностранцы, прочь» — такова надпись на рисунке, который мы воспроизводим. Дух расизма, дух преступного прошлого, переживает опасный ренессанс в сегодняшней ФРГ...

«ЗЮДДОЙЧЕ ЦАЙТУНГ»,
ФРГ

Однажды композитор Андрей Петров, посетовав на свою профессию, признался, что больше всех завидует кинорежиссерам.

— Режиссеры — народ особый... Не то что мы... Когда я бываю на съемках, всегда прикидываю, как бы сам на месте постановщика снимал тот или иной эпизод. И каждый раз убеждаюсь, какой это адский труд. Режиссеры должны очень много знать в самых разных областях искусства. Им приходится работать с большим коллективом людей — актеры, операторы, художники, композиторы, — и, прежде чем создать свой фильм, нужно объяснить всей этой массе людей свой замысел, чтобы труд всех слился в единое целое. Зато режиссер может в конце концов точно зафиксировать, «закрепить» в пленке свои идеи, что отсутствует у нас, композиторов: наш творческий успех во многом зависит от качества интерпретации нашей музыки...

Режиссерам в силу специфики своей работы неизбежно приходится сталкиваться с различными сферами культуры, искусства, науки, общаться с людьми самых различных профессий. В наш век это очень важно. Мы, композиторы, мало видим. Целый день перед нами разлинованный лист бумаги и семь нот. Всего семь нот.

Тот давний разговор я вспомнил, отправляясь на встречу с Эльдаром Рязановым, который в это время заканчивал съемки своего пятнадцатого художественного фильма — «Вокзал для двоих».

Честно говоря, труд постановщиков мне и самому казался всегда особенным, не сравнимым ни с каким другим. Больше всего удивляло, как они ухитряются увидеть то, чего еще нет и до сих пор не было. Я убедился в этом еще раз, когда накануне встречи с Рязановым прочел режиссерский сценарий. Кроме содержания фильма, в нем были ремарки — «крупный план», «панорама», «засветка», — которые позволяли до известной степени представить зримый образ будущих эпизодов, а указания метража помогали даже понять, сколько времени отвел им режиссер и тем самым подчеркнул значимость каждого в картине.

В общем, режиссерский сценарий напоминал морскую лоцию, которая помогала проложить верный курс в бурном и опасном море под названием **съемки фильма**, а сам режиссер выглядел капитаном, отдающим экипажу — то бишь съемочной группе — необходимые команды и уверенной рукой ведущим корабль к заветной гавани...

...В первую нашу встречу разговор не получился. Снимался большой и сложный эпизод, и одна из участвовавших в нем актрис никак не могла точно запомнить текст своих реплик, а они были очень важны.

Рязанов в очередной раз объяснял, как он представляет этот эпизод. Потом была репетиция, и еще одна. Но дело не клеилось. Режиссер нервничал. В джинсах и рубашке цвета хаки, на спине которой все разрасталось темное потное пятно, он походил сейчас не на бравого, отутюженного морского волка, а на каменотеса, ворочавшего неподъемную глыбу.

Решили снять первый дубль. На кинолентку и магнитную ленту одновременно. Тут же на экране видеомонитора просмотрели, что получилось. Рязанову дубль чем-то не понравился. После его замечаний тут же сняли второй. Снова просмотрели. Эльдар Александрович вздохнул:

— Давайте сделаем перерыв...

Убрали свет, выключили аппаратуру, заговорили в полный голос. Эльдар Александрович выглядел крайне уставшим. Совесть не позволяла донимать его сейчас расспросами.

— Извините, пожалуйста, — сказал он, приглаживая мокрые волосы, — видимо, сегодня нам не удастся поговорить. Через неделю мы начинаем съемки на Рижском вокзале. Работы там много, так что проще выкроить свободное время. Давайте там и встретимся.

Через неделю я толкался по перрону Рижского вокзала среди массовки, изображавшей железнодорожных пассажиров и, надо сказать, ничуть не отличавшейся от настоящей, которые, наблюдая за ходом съемок, убивали тягостное время ожидания поездов. И ресторан, оборудованный «Мосфильмом» в одном из крыльев вокзала, был похож на настоящий ресторан, функционировавший в это время в другом его крыле. И посетители обоих были как две капли воды.

В этих вот приближенных к жизни условиях нужно было снять центральные события картины.

ПРОФЕССИЯ — РЕ

Сюжет фильма несложен. Жизнь Платона Рябинина, главного героя, не задалась. При всем видимом ее благополучии: сам — пианист столичного оркестра, жена — диктор Центрального телевидения, есть свой автомобиль, материальный достаток, престижные знакомые — не хватает в ней того душевного тепла, которое делает человека счастливым. А тут еще судьба подкинула трагический случай. Возвращаясь из аэропорта, жена по неосторожности сбивает прохожего. Добросердечный Платон берет вину на себя: я, мол, был за рулем. И вот теперь его ждет суд, а после, как он понимает, заключение. В такую вот невеселую жизненную пору наш герой отправляется из Москвы в маленький городок повидаться с отцом, которого теперь он, по всей вероятности, увидит не скоро.

В дороге ему не везет. На одной из остановок Рябинин заходит в привокзальный ресторан перекусить чего-нибудь диетического, и, пока ждет заказ, кто-то из соседей по столу успевает не только съесть стандартный комплексный обед, но и уйти, не рассчитавшись. Естественно, официантка поднимает шум и, мгновенно наметанным глазом разгадав мягкотелость Платона, выбирает его в жертвы: эти несчастные рубль двадцать должен уплатить он. Пока идет принципиальное выяснение «ел — не ел» с вызовом милиционера и так далее, поезд Рябинина уходит, и наш герой на целых полдня должен застрянуть на вокзале незнакомого города. Вскоре по милости той же официантки он лишается паспорта, и вынужденная остановка затягивается на двое суток. Потом его обворовывают. Потом... В общем, на этом злосчастном вокзале с Платоном произойдет много грустных и нелепых случайностей, которые позже, в колонии, он будет вспоминать как самые светлые мгновения жизни, потому что здесь, на вокзале, к нему придет настоящая любовь. И — вы, наверное, уже догадались — его избранницей станет та самая официантка Вера Нефедова. Она тоже самозабвенно полюбит Рябинина. Как это обычно и бывает в кино, а иногда случается даже и в жизни: серия испытаний и мытарств, через которые вынужден пройти герой, завершается если и не счастливым финалом, то уж самыми радужными перспективами на будущее.

Веру играла Людмила Гурченко, Платона — Олег Басиллашвили. Никита Михалков, приглашенный на роль проводника Андрея, давнего друга Веры, должен был включиться в съемки чуть позже. Занятый хлопотами по другому фильму, где уже сам являлся постановщиком, Михалков мог выкроить в своем

плотном рабочем распорядке только небольшое свободное «окно» и эти несколько дней давал режиссеру «Вокзала для двоих».

Неуклюжий по звучанию термин «давать дни» в кино употребляем часто и официально признан. Если режиссер видит в какой-то роли только конкретного актера, а последний уже занят в другом фильме, да еще работает в театре, да еще, не дай бог, должен выехать на гастроли, то ему, постановщику, приходится подстраиваться под этот чужой график и так планировать съемки, чтобы эпизоды с нужным актером падали на дни, которые он дал. А когда в одном эпизоде нужно свести сразу нескольких до предела занятых исполнителей с несовпадающими личными планами да порой еще и живущих в разных городах, трудная задача превращается в головоломку со многими привходящими обстоятельствами.

А привходящих, часто непредсказуемых обстоятельств всегда хоть отбавляй.

В первые дни съемки на Рижском вокзале Рязанов выглядел крайне удрученным: при проявлении негатива был нарушен температурный режим, и целая партия пленки пошла в брак. Испорченным оказался и материал, который с таким трудом отсняли в павильоне неделю назад.

— Это катастрофа, — сокрушался Рязанов.

Ситуация действительно казалась безвыходной. Слово «режиссер» французского происхождения, а в его корне — латинское «rego», что значит «управляю». Так что кинорежиссер даже формально — это управляющий съемками, а уж фактически — тем более. Ведь создание фильма только по недоразумению можно называть съемками, на самом же деле это длительная и довольно занудливая подготовка к короткому, в несколько минут или даже секунд моменту, когда игра актеров или какой-то эпизод действительно фиксируется на пленку. Остальное время тратится не на съемку, а на ее организацию. И в этом организационном процессе режиссер — главное лицо.

Перед съемками очередного плана Рязанов проводил на площадке как бы короткое производственное совещание: объяснял, что будут снимать, с какой точки, каким будет кадр. Его понимали с полуслова, не переспрашивали, только уточняли детали. Он шел к главным исполнителям, а площадка приходила в движение.

ЖИССЕР

Осветители, выставляя нужный свет, двигали разнокалиберные прожекторы, щиты-отражатели, змеили по полу черные силовые электрокабели. Операторы устанавливали камеры, меняли объективы, все прицеливались в пустоту, выискивая в ней будущий кадр и нужный ракурс. Звукооператоры проверяли аппаратуру, для пробы записывая шум и гам, рождаемые массовой. Разномастная и разновозрастная массовка еще не обмялась в новой для себя обстановке. Слушая вполуха, что от нее требуется, она заранее готова была на все. По-настоящему массовку сейчас занимало одно: над чем там священнодействуют главный режиссер и исполнители главных ролей? О чем они там? И массовка ловила ухом и сверлила глазом.

А разговор тут шел самый что ни на есть деловой. И Гурченко и Басиллашвили отлично знали, что будет сниматься в предстоящем кадре, и теперь совместно с режиссером искали, как это должно выглядеть. Шли от содержания сценария, от характеров героев, от развития их взаимоотношений. Потом уточняли реплики, искали тональность, с какой произносить слова.

И когда наконец они уточнили все детали, Эльдар Александрович спросил:

— Будем репетировать? Или сразу генеральную, и снимать?

Решили: сразу генеральную. Операторы, осветители были готовы. Звукооператор в наушниках, с длинным штоком, на конце которого торчал микрофон, занял позицию поближе к героям. Массовка флиртливо расселась за столиками и разобралась парочками на пятачке перед оркестром. Дали фонограмму. И пошло...

Генеральная Рязанову понравилась.

— Будем снимать!—скомандовал он.

И тут из массовки, сквозь строй операторов, осветителей, их ассистентов и помощников к нему прорвалась запыхавшаяся девушка.

— Меня посадили в самом конце, так что не будет видно. Я хочу танцевать, прикажите, чтобы дали партнера.

Для нее Рязанов был сейчас самым главным управляющим съемкой. И он распорядился:

— Дайте девушке партнера!

А потом было обычное:

— Тишина на площадке!.. Мотор!.. Есть мотор!.. Начали!..

Помощник режиссера клацнула перед объективом «хлопушкой» — пошел первый дубль.

...Сегодня с утра Рязанов был в приподнятом настроении. Острил, бросал шуточные реплики. На вопрос, что случилось, объяснил: тот, испорченный проявкой, негатив обещали реставрировать.

После щелчка «хлопушки» он словно преобразился. Через плечо Вадима Алисова, главного оператора, он сосредоточенно вглядывался в происходящее перед камерой, будто не он, а кто-то другой только что обговаривал и репетировал с актерами этот эпизод. Лицо его повторяло мимику героев, губы шептали их реплики.

И еще руки! Ногти больших пальцев впились в подушечки безмянных, будто яростно соскабливали что-то нестерпимо жгучее.

А через пять минут, когда снятая сцена была просмотрена на экране видеоманитофона, он хохотнул:

— Не знаю, как кому, а мне нравится. Вот так бы повторить еще разок.

И Людмила Гурченко в тон отозвалась:

— Ну, если режиссеру нравится, а оператор согласен снять еще разок, мы с Олегом не против повторить...

И все вернулись на площадку работать второй дубль.

...Настал момент, когда Рязанов предложил:

— Давайте все-таки начнем нашу беседу. Конечно, будут отвлекать, но хоть урывками, да поговорим...

Его действительно все время отвлекали, он убежал на съемочную площадку, а когда возвращался, мы прослушивали кончик прерванной магнитофонной записи и продолжали разговор дальше. А начался он так:

— Эльдар Александрович, вы не раз рассказывали и писали, что мальчишкой мечтали стать моряком, а во ВГИК поступили случайно. Не жалеете? Хотя иногда представляете себя в роли капитана?

— Честно говоря, нет. Свою инстинктивную мальчишескую тягу к путешествиям я в какой-то степени удовлетворил тем, что, работая после окончания института на Центральной студии документальных фильмов, много поехал по морям и океанам. Побывал на Камчатке, Сахалине, Курилах, Командорах. Попадал в жестокие штормы, три раза по-серьезному тонул. Не могу сказать, как повернулась бы моя судьба, если бы удалось осуществить юношескую мечту. В одном уверен: попутешествовать мне довелось не меньше, чем если бы стал моряком. Так что в этом плане все мои мечты, можно сказать, осуществились.

— А в какой-нибудь другой профессии, кроме режиссерской, вы никогда не представляли себя?

— Но я и сейчас не только кинорежиссер. Я пишу сценарии и книги. Веду «Кинопанораму» на телевидении. Преподаю на Высших режиссерских курсах. Так что, кроме основной моей профессии, у меня есть три другие, которым отдаю немало труда и времени. Еще я сочиняю стихи. Иногда на некоторые из них пишу музыку, и они становятся песнями. О каких еще профессиях я могу думать? И так грех жаловаться, все равно нельзя объять необъятное...

— Вам очень нравится быть кинорежиссером?

— Работа эта прекрасная и проклятая одновременно. Процесс создания фильма требует максимальной и полной отдачи сил, требует всего тебя целиком, с потрохами. В эту работу включаются не только твой ум, знания, опыт, но даже инстинкты, чувственные функции организма. Все происходит в действие, все подчинено одной цели — сделать картину. Тут происходит одна любопытнейшая вещь: сначала ты ее ведешь, а потом она тебя. Это процесс взаимный, потому что, когда ты задал картине какое-то направление, то не можешь отклониться от того, что наметил сам, и уже картина заставляет тебя двигаться в выбранном русле.

— И то, что вы постоянно переделываете первоначальный сценарий, порой на съемочной площадке

меняете реплики героев, — все это и есть детали этого процесса?

— Это — следствие. Ведь процесс создания фильма, от замысла до монтажа снятого материала, — все требует от настоящего художника поиска нового, более выразительного, а не заранее запрограммированного и догматического решения темы. В принципе ты с самого начала знаешь, чего хочешь, знаешь, по какому пути идешь, и каждую частность подчиняешь этому. Но если обнаружишь, как что-то не согласуется с твоим генеральным замыслом, то начинаешь приводить эту частность в соответствие с ним. Это могут быть и поиски какого-то более интересного решения и желание выбиться из того, что ты уже делал или видел у других. Короче, этот процесс бесконечен. И пока художник жив — я имею в виду «жив» в переносном смысле, — он ищет новое решение. К сожалению, есть немало и «мертвых», которые работают рутинно, по привычке, по стандарту, по канонам, пусть по своим, не по общим, но повторяются. А повторение — смерть для художника. И вот чтобы не попасть в разряд «мертвецов», нужно идти не по кругу, а по спирали, вперед. И это требует максимальной отдачи сил, нервов, мысли, опыта.

— Сейчас вы снимаете свой пятнадцатый художественный фильм, и если применить к вам все, что вы сейчас сказали о творческом художнике, то выходит — сейчас вы совсем другой режиссер, чем были в 1954 году, когда приступили к съемкам первой картины — «Весенние голоса», или в 1956 году, когда закончили вторую свою ленту — «Карнавальную ночь»?

— Это естественно. Хотя совсем не значит, что каждая картина — итог. Есть картины, которые являются как бы накоплением сил, опыта, каких-то приемов, являются как бы трамплином для прыжка в другое качество. Необязательно, чтобы этот прыжок произошел в следующем фильме. Он может быть и через две и даже три картины.

Есть работы, которые сделаны на умения, мастерство, знании ремесла, на том, что ты точно, железно знаешь. А есть фильмы, где ты прыгаешь в неизвестное. Ты не представляешь, что собираешься делать и как это у тебя получится...

— Например?

— Например, когда приступил к съемкам «Берегись автомобиля», я понятия не имел, что у меня из этого выйдет. Скажем, фильм «Ирония судьбы» тоже был переходом в другое качество, и «Гараж»...

Картина «Вокзал для двоих» — это также попытка прыжка в новое качество. Что выйдет, не знаю, но я пытаюсь пойти дальше достигнутого в предыдущих работах...

— А это не продолжение в известной мере «Иронии судьбы»? Там двое — здесь двое, там «любловный треугольник» — здесь «любловный треугольник»?

— Не-е-т... Это только внешнее сходство. Здесь совсем другой социальный срез, совсем другой социальный материал.

Если «Ирония судьбы», «Служебный роман» в какой-то степени были городскими сказками с благополучным концом, где говорилось, что счастье возможно, и в это хотелось верить, то нынешняя наша картина более сурова, более жестка по стилистике, и конец в ней и счастливый и несчастливы одновременно.

Тут более резко взят разрез жизни. Как ни странно, здесь одновременно присутствует то, что есть в «Иронии судьбы» — встреча двух людей, которые находят друг друга в нашем суматошном, подвижном, стремительном мире, — и в то же время есть и огромное отличие: эти люди находятся на разных социальных полюсах, чего не было в предыдущем фильме. А последнее обстоятельство, хотя и не означает социального неравенства, тем не менее определяет неравенство в воспитании, неравенство в среде, где они живут и работают.

— Вас часто уводит в сторону от первоначального замысла?

— Это естественно и даже обязательно. Хотя случается каждый раз по-разному. В этой картине очень много отклонений от сценария и в трактовке и в каких-то бытовых подробностях. Ведь почти все мы снимали вне студии, в настоящих интерьерах, в ресторанах, на рынке. Все это корректирует замысел, подсказывает какие-то детали.

Эта картина рассказывает о социальном слое общества, который мало знаком и мне и моему соавтору по сценарию Эмилю Брагинскому. Во всяком случае, писать об этой категории людей нам еще не доводилось. Поэтому при съемках большую помощь режиссеру оказывают артисты, которых я выбрал на роли, на мой взгляд, социально точно. Людмила Гурченко вышла из харьковских подвалов. Нона Мордюкова приехала учиться в Москву из кубанского села. Татьяна Догилева, которая играет у нас девушку из «Интуриста», — тоже происходит из подобного социального слоя. Так что их знания, их подсказки позволяют нам достигнуть максимальной правдивости. Они не играют, а, можно сказать, живут в знакомых им обстоятельствах.

— Людмилу Гурченко вы впервые сняли в «Карнавальная ночь». Это был ее второй фильм, но зритель по-настоящему запомнил ее именно с этой картины и считает «Карнавальную ночь» успешным дебютом актрисы. Потом она снималась у вас в «Человеке нютокуда», и вот спустя почти четверть века снова вы пригласили ее в свой новый фильм, причем на роль, совершенно отличную от тех, что она играла у вас раньше. Почему? Изменило время ваши творческие взгляды, вас самих?

— В наших творческих отношениях с Люсей меня больше всего поразило то, что за те двадцать с лишним лет, которые мы с ней не работали, практически даже не общались, мы порознь пришли к одним и тем же результатам. Сейчас у нас невероятное единство мнений по всем вопросам. О явлениях искусства, подходе к образу она думает так же, как и я. Это сходство взглядов было для меня самым удивительным и приятным обстоятельством в нашей новой встрече. И с самых первых кинопроб мы начали работать в обстановке единомыслия и взаимопомощи.

Людмила Гурченко всегда была талантливым человеком. А сейчас ее огромный жизненный опыт, который она аккумулировала за это время, знания, высокое мастерство и природный талант — все сплывилось воедино. Мне кажется, что ныне она является одной из лучших наших артисток, что это актриса уровня Анны Маньяни или Джульетты Мазини, такого же, как они, дарования.

— Вопрос в порядке фантазии: если бы после «Вокзала», самого сурового из ваших фильмов, вам предложили снять картину вроде «Карнавальная ночь», смогли бы вы взяться за такую работу?

— Мог бы... конечно, мог бы. «Карнавальная ночь» не только музыкальное ревю — она еще и сатирическая картина, направленная против бюрократов, против чиновников...

Разумеется, снимая новый вариант «Карнавальная ночь», я постарался бы, чтобы это не было повторением прошлого, а продолжало тему на более высоком качественном уровне, с учетом моего личного жизненного и профессионального опыта...

— Вы предвосхитили мой следующий вопрос: много ли личного вкладывает режиссер в свои фильмы?

— Все картины в той или иной мере являются результатом личного опыта, личной прожитой жизни... Как бы это объяснить?.. Если бы у меня не было моей жены, на которой я сейчас женат, уверен, не было бы моих фильмов «Ирония судьбы», «Служебный роман», не было бы «Вокзала для двоих», ибо в эти картины я вложил не только личный жизненный опыт, но и определенные нюансы моей биографии. Некоторые ее ситуации стали основой той лирической линии, которая появилась в моих фильмах начиная с «Иронии судьбы». Кстати, и «Гаража» не было бы, если бы я не являлся членом-пайщиком гаражного кооператива...

Пришел ассистент, и Рязанов, извинившись, убежал на съемочную площадку.

На шум и гам, царившие вокруг, наложилась фонограмма ритмичной музыки: по сценарию Платон Рябинин поднялся в оркестр и сыграл лично для Веры Нефедовой что-то веселое. Донеслась команда о съемке первого дубля, и тут в окна с улицы рванула дробь барабанов, резкие звуки рогов, грянул духовой оркестр: школьники возвращались после очередной смены из пионерских лагерей, и родители устроили им на привокзальной площадке торжественную и грохочущую встречу с речами, медью, и все радостное, что они хотели выразить в эти мгновения, с помощью мощнейших динамиков вламывалось в барабанные перепонки.

Несколько человек из киногруппы кинулись закрывать окна. Кто-то побежал уговаривать выключить динамики. Но куда там: встреча пионеров бодро двинулась к своей кульминации...

— Конец света! — сказал Рязанов, присаживаясь за нашим столиком. — Давайте используем этот вынужденный перерыв с пользой для дела.

И наша беседа покатила дальше под грохочущие звуки туша.

— В одной из своих статей о кино вы, Эльдар Александрович, писали: «Это не значит, что я отрицаю новаторство и являюсь врагом «разрушительных» теорий, вступающих в борьбу с оскотеневшей традицией, со штампом, с отжившим искусством. Однако всякая «разрушительная» теория временна. Польза ее заключается в том, что она возвращает нас к традиции в новом качестве. Когда же «разрушительная» теория становится главенствующей, в искусстве воцаряется скука...» Не могли бы вы прокомментировать эту мысль применительно к кинокомедии?..

— Дело вот в чем... Комедия никогда не является авангардом, который разрушает какие-то жанры и рождает новые стили. Освоение нового киноязыка — всегда дело драматической картины, потому что комедия — демократический жанр, и ее стилистика должна быть понятна широкому зрителю. Она родилась на площади, в балагане, в цирке, и ее направленность всегда демократична. Комедия никогда не хвалила богачей, никогда не поддерживала власть имущих. Она всегда была на стороне бедных, на стороне народа, на стороне широких масс. Поэтому наш Иванушка-дурачок всегда обыгрывает царя, Пьерро и Арлекин в итальянской комедии масок всегда побеждали богатеи, а Фигаро одерживал верх над графом Альмавивой.

Короче, демократичность комедии заложена в основе жанра. А раз это искусство демократично, оно должно быть понятно широким массам. Как только возникает новая запутанная стилистика кинематографа, сразу становится не смешно. Потому что пока зритель пытается расшифровать ребусы и вникнуть в смысл происходящего, ему не до смеха. Его внимание, его ум затрачиваются на другое. Не случайно, когда в фильмах Федерико Феллини рождалась новая стилистика кино, это были не комедии.

И только позже, когда новый киноязык бывает достаточно освоен широкими массами, он становится достоянием и комедии. В этом смысле она всегда идет во втором эшелоне.

Зато она может быть первооткрывателем в тематике, тут ее возможности чрезвычайно широки. Мне, например, в некоторых своих фильмах удалось замахнуться на вещи, которые, считалось, не по плечу комедии. В картине «О бедном гусаре замолвите слово» рассказывается о трагических событиях из жизни нашего народа в девятнадцатом веке. «Гусарская баллада» была сделана на материале войны 1812 года. Казалось бы, как можно смеяться, когда там погибли люди. Все дело заключается в точке зрения художника: он не должен смеяться над святыми вещами, издеваться над ними...

Мне показалось, что, даже увлекаясь рассказом о близких и дорогих ему вещах, Рязанов все время как бы поглядывал на часы. Беседа беседой, а главное дело крепко удерживало его внимание, не отпускало ни на мгновение. Он находился как бы в двух местах одновременно. Ну и работка!

— Меня интересует, насколько вас выхолащивают ваши фильмы, сколько времени нужно, чтобы после съемок восстановить затраченные силы... Но если уж вы начали о другом, то продолжите, пожалуйста, свою мысль, а потом вернемся к моему вопросу...

— Ах, вот вы о чем... Я не так понял... Ну, хорошо, продолжу ответ на незадачный вопрос. Каждую картину я снимаю так, будто никто мне ничего не скажет. Иначе и невозможно: искусству приходит смерть, когда ты начинаешь все время оглядываться и думать, что в твоей картине что-то кому-то не понравится. К тому же я абсолютно уверен в правильности своих позиций.

Хотя, разумеется, находятся чиновники, всякие перестраховщики, которые стараются увидеть в картинах то, чего в них нет, которые пытаются присвоить себе право быть блюстителями нравов, бережущими чистоту и так далее, — вот с этими людьми я борюсь непримиримо... И надо сказать, мне всегда удается отстоять свою правоту...

— Теперь вернемся к моему вопросу. Только я хочу чуть-чуть дополнить его: что главное в работе режиссера?

— Главное в профессии режиссера — выжить. Ну а если подробнее — нужно быть здоровым, выносливым, терпеливым, самолюбивым... Короче, нужно обладать множеством качеств — режиссерским талантом само собой разумеется, — которые позволяют одолеть эту тяжелую работу.

Картина, как ни парадоксально, делается не благодаря, а вопреки обстоятельствам. Порой их накручивается столько, что кажется: все против тебя. Тем не менее нужно устоять, не пасть духом, и ты это делаешь.

Я попытался повернуть разговор на более приятную дорожку.

— Но в вашей работе, уверен, бывают и счастливые минуты? Когда?

— Конечно, не без этого... Наверное, самое приятное, когда удается все сделать так, как ты задумал...

— Но это в каждой профессии: и академику и токарю, уверен, бывает приятно, когда они сумели сделать то, что задумали и как задумали. Спрашивая, я имел в виду такое счастье, которое недоступно другим — только кинорежиссерам...

— Я думаю, наш труд отличается от других тем, что каждый фильм — это попытка проникнуть в новый, неведомый тебе мир. Каждый новый фильм — это разные герои, события, сюжеты, разный материал, который порой сопротивляется, а ты его должен преодолеть. Удача в этой работе — наверное, самое счастливое обстоятельство в нашей профессии. А может быть, режиссерское счастье — когда твоя картина нравится зрителю?.. Я, честно говоря, не знаю, что ответить на ваш вопрос...

— После «Вокзала» вы, надо полагать, приметесь за новый фильм. Вы уже думали, о чем он будет?

— Конечно. Уже сдана заявка. Сценарий мы с Брагинским еще не писали, но сюжетный замысел. Условное название «Толстый и Тонкая». Это рассказ о том, как человек худел в клинике питания.

— Снова будете использовать нюансы из личного опыта? Если не ошибаюсь, вы два раза проходили такой курс?

— Четырежды... Тонкая — это доктор клиники... Ее будет играть Люся Гурченко. А Толстый — ее пациент, который проходит курс лечебного голодания. Фильм, по всей вероятности, будет совместного советско-итальянского производства... А на роль героя я хочу пригласить Альберто Сорди...

— Но он ведь худой...

— Не такой уж худой. К тому же есть всякие ухищрения костюма, грима. Если договоримся, он прибавит в весе, а потом будет худеть во время съемок. Все это вписывается в условия контракта. Роберт Дениро по контракту поправился на двадцать килограммов всего за один съемочный месяц. Он играл боксера, который затем покинул спорт. Фильм охватывал примерно десять лет в его жизни. Сначала сняли время, когда он еще выступал на ринге, потом на месяц прервали съемки. Дениро набрал необходимый вес, и работу над картиной продолжили.

— Ну хорошо, замысел фильма вам известен. А дальше?

— Д-а-а-л-ь-ш-е... — в растяжку повторил Рязанов. — Знаете, дальше можно помереть. Я не могу так далеко загадывать. Работа вредная, движение большое. Всякий раз над каждой своей картиной я думаю: как бы доковылять ее до конца, кто без меня докончит ее, если что случится?

— Прихватывает сердце?

— Нет. Просто не хватает сил. Во время съемок я придерживаюсь теории экономии энергии: я ничего не читаю, никуда не хожу, не приглашаю к себе гостей, не посещаю театры. Я стараюсь ничего не делать такого, что прямо не связано со съемками. Я просто набираюсь сил для следующего дня. Причем так было на первой картине, в мои двадцать семь лет, так осталось и сейчас, когда прожито, увы, уже пятьдесят пять... Никакой разницы. Кино — абсолютный молох, который пожирает тебя целиком.

С привокзальной площади начали отруливать автобусы, украшенные флажками. Пионеры разъезжались по домам. Стало потише и на съемочной площадке.

— Ну я побежал, — спохватился Рязанов. — Нельзя терять время.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Это роман о десятилетнем французском мальчике. Фабиен Лефевр, парижский паренек из зажиточной семьи, отличается необыкновенной живостью ума и независимостью характера. В своей школе, где учатся дети депутатов и дипломатов, он первый ученик. Но в своей семье он одинок.

Семья фактически уже распалась. Родители почти не говорят друг с другом, с сыном нет никакой близости. Маленький Фабиен отзывается о них с неприкрытой иронией.

Он давно привык к одиночеству и не строит никаких иллюзий. Однажды заявляет: «Взрослые все кретины». Или бросает реплику: «Вы, взрослые, можете делать любые гадости, а когда ребенок говорит то, что думает, вас это возмущает».

Так живет этот маленький скептик, не верит старшим, читает научно-фантастические рассказы и комиксы. Самое дорогое для него — его электрический поезд и летающий самолет.

И вот вдруг, как раз в день его рождения, происходит сенсация, ошеломляющая всю Францию. Фабиена внезапно похищают...

Оказывается, в трудных и опасных обстоятельствах он остается таким же, как дома: независимым, умным, смелым — и убежденным пессимистом.

Вундеркинд? Нет, просто славный, смелый, живущий своим умом маленький человечек, какие в наше время есть повсюду: дети, со временем вступающие в острый конфликт с пытающимися их смирить и «первоспитать» буржуазным обществом. Рождают их сама нынешняя бушующая жизнь Запада с ее драматическими кризисами и неразрешимыми противоречиями.

Было бы ошибочно считать, что этот маленький парижский герой, этот десятилетний скептик, уже не мальчик. Нет, в душе Фабиен остается настоящим парнишкой с живым интересом к игрушкам и детским играм, с ласковостью и преданностью, когда его понимают и с ним не фальшивят. Он только потерял свойственные его возрасту иллюзии и терпел не может, когда на него смотрят как на какую-то забавную, глупенькую крошку. По сравнению с ним его буржуазные родители как личности ничего не стоят. Угнаться за ним, переделать его они никогда не смогут. Хотя автор романа ничего такого не предвещает, ясно, что рано или поздно Фабиен навсегда уйдет из их социальной среды.

Книга Пьера Немюра как будто похожа на полицейский роман. Все увлекающие читателя своей детективной литературой налицо, о неудачной охоте полиции за преступниками рассказывается со всеми подробностями. Фигурируют глава парижской полиции и министр внутренних дел. Но на самом деле книга Немюра — это прежде всего социальный роман. Пользуясь приемами авторов авантюрных рассказов, автор сплетает детективную тему с социально-психологической, и получается нечто единое. Как живут современные буржуазные семьи на Западе? Что происходит у них дома? Как члены семьи относятся друг к другу? И довольны ли они сами собой?

Автор не делает каких-либо общих выводов из того, что описывает. С легкой, почти незаметной иронией, смотря на все глазами мальчика Фабиена, он только рассказывает о том, что наблюдает. Не говорит, что будет с Фабиеном, когда он станет взрослым.

Куда он пойдет? Туда ли, куда уже теперь идет лучшая часть французской интеллигенции (и не только французской), изверившаяся в капитализме, — к левым? Найдет ли Фабиен Лефевр в своей жизни то, что даст ему наконец настоящее удовлетворение, побудит искать что-то действительно стоящее, неиллюзорное?

Мы, читатели, как и сам автор, не можем давать Фабиену советы. Но почему-то кажется, что такой мальчик, как он, выросши и оглянувшись вокруг, поймет главное: что он не один, что рядом есть тысячи и тысячи таких, как он, что дело вообще не только и не просто в нем самом, а в обществе, в котором он живет и убежать от которого нельзя, можно только его изменить. В конце концов окажется, что этот мальчик все-таки нужен. И себе и другим.

Книга эта для детей или для взрослых? Конечно, прежде всего для взрослых. Она помогает им понимать по-настоящему своих детей, подсказывает, как к ним относиться и как не относиться. А ведь как это важно для всех нас и для нашего будущего!

Эрнст ГЕНРИ

НЕМУР ЖИВЕТ МАЛЫШКОМ

Пьер НЕМУР

РОМАН

Перевод
с французского
Надежды НОЛЛЕ

ГЛАВА I

Большинство людей просыпается по звонку будильника. Фабиена Лефевра каждое утро будит запах. Неуловимый и сложный — букет из запахов пота, лука, прогорклого оливкового масла и дешевого дезодоранта. Одним словом, это запах Флоры, его няни-португалки, которая наспех умывается и брызгает под мышками дешевым аэрозолем, подражая хозяйке.

Социолог исследовал бы этот запах с интересом, и ему хватило бы материала для целой главы солидного труда, посвященного иммиграции в развитые промышленные страны. Но Фабиен далек от этих тонкостей, он попросту считает, что от Флоры воняет. И по этой причине он, хоть и проснулся уже полчаса назад, со злостью натягивает одеяло на голову.

— Фабиен, половина восьмого. Сегодня вторник, школа. Вставай быстро.

Флора легонько его трясет. Она славная девушка, эта Флора. Она живет у Лефевров уже восемь лет. Когда она появилась, Фабиен был совсем крохой, поэтому ему кажется, что он знает ее всю жизнь. Она неотъемлемая часть окружающего его мира. Только вот запах... И еще: эта черноволосая крепкая лузитанка волосата, как стамбульский докер.

Желая избежать проявления верноподданнических чувств, Фабиен спрыгивает с кровати и в одних пижамных штанах бежит в туалет. Расчесывая свою белокурую шевелюру, он размышляет о том, что сегодня вторник, двадцать пятое апреля, день его рождения и исполняется ему десять лет. Круглая дата, которая вот уже два или три года представляется ему чрезвычайно важным моментом в жизни.

«Когда мне будет десять лет...» — повторял он, строя многочисленные планы, как будто ждал совершеннолетия. Ну вот, свершилось, а это двадцать пятое апреля до противности похоже на все другие дни его жизни.

В ванной его ждет Флора с мочалкой. Умывание, потом душ... Ароматное мыло слегка заглушает раздражающий Фабиена запах.

— Пойдем к папе? — спрашивает Фабиен, пока Флора вытирает его огромным полотенцем, толстым и мягким, как перина.

— Месье уже ушел, — отвечает она.

— А мама?

— Мадам устала. Она отдыхает. Ты зайдешь к ней перед школой.

Гримаса разочарования искажает детский рот. Доктор Лефевр, хирург в одной из парижских больниц, оперирует очень рано и обычно покидает дом на заре. Его супруга чаще всего бывает утомлена. Особенно утром, поскольку по вечерам дело обстоит иначе... Фабиен не строит никаких иллюзий относительно людей, которые произвели его на свет, но он все же надеялся, что хоть в день его десятилетия они постараются сделать ему приятное.

О торжественном событии вспоминает в итоге Флора.

— Сегодня твой день рождения, — говорит она, пока он надевает приготовленную ею одежду. — Вечером ты, наверно, получишь хороший подарок.

Подарок будет, несомненно, дорогой, его мать купит, по всей вероятности, после обеда, в последнюю минуту, не спросив о желании именинника. В любом случае Фабиену на него наплевать. Вот что бы ему доставило удовольствие, так это если бы отец или мать, заменив хоть на этот раз няню, разбудили его словами: «Милый, сегодня двадцать пятое апреля. С днем рождения!»

Это неопределенное чувство он выражает с детской простотой и ясностью.

— Плевал я на подарок, — заявляет он решительно.

— Ты не должен говорить такие вещи, — возмущается няня. — Это нехорошие слова.

Французский язык Флоры далек от совершенства, несмотря на девять лет, проведенных ею на севере Луары, но она прекрасно чувствует грубость некоторых выражений, употребляемых ее юным хозяином. Они заставляют ее иногда потихоньку перекреститься... и вздрогнуть.

Но Фабиен уступок не делает. За чашкой кофе с молоком он молчаливо переживает свое разочарование, хватая курточку, когда электрические часы показывают пятнадцать минут девятого, в прихожей берет свой портфель.

— Ты не поздороваешься с мамой? — напоминает Флора.

Он неохотно направляется к спальне родителей. Арлетта Лефевр, кажется, крепко спит. Однако, когда он склоняется к ней, она выныривает из облака благоухающих, воздушных кружев. В свои тридцать три года она очень красива, но косметический крем, которым она мажется перед сном, не делает ее привлекательной в глазах сына. Фабиен разглядывает мать.

— Я ужасно устала. Будь прилежным в школе, мой маленький, — наставляет она.

Крем делает невозможным сыновний поцелуй как для него, так и для нее.

— Пока, мам. Я опаздываю, — это все, что говорит мальчик, берясь за ручку двери.

— Матери не говорят «пока, мам», — возмущается Арлетта Лефевр неожиданно энергично. — Сколько раз я должна тебе повторять?

Но хлопает входная дверь. Фабиен и Флора уже на лестнице.

Мари-Клод Жанвье выходит из душа, когда по радио передают утренний выпуск новостей. Рассматривая себя в зеркале, она улыбается. Мари может быть вполне довольна своим видом: в двадцать восемь лет она красивая девушка, которой занятия спортом помогают поддерживать отличную форму.

Душ — это последняя процедура ее утреннего туалета. Затем Мари расчесывает свои каштановые волосы, тщательно промывает шампунем. Потом идет в спальню, где на кровати лежит приготовленное белье. Постель уже убрана, Мари всегда начинает свой день с хозяйственных хлопот. Она направляет белоснежную блузку в темно-синюю прямую юбку строгого покроя.

Пройдя в гостиную-столовую, она бросает взгляд на кухню безукоризненной чистоты — Мари-Клод Жанвье безразлично, что подумают о ней люди, проникнув в ее квартиру Ф-3 в XV округе, даже если это будут грабители.

Одевание заканчивается в маленькой квадратной прихожей, где находится стенной шкаф. Она натягивает темно-синий, как и форменная юбка, жакет со светлыми металлическими пуговицами, украшенный с левой стороны красно-синим значком парижской полиции. Наконец, она надевает забавную шапочку с козырьком, дополняющую форму, и перебрасывает через плечо ремешок сумки.

Последний взгляд в зеркало без труда убеждает ее, что в таком безукоризненном виде не стыдно предстать и перед самим префектом. Она тщательно запирает дверь и идет к лифту.

Яркое солнце освещает улицу Вожирар. Мари-Клод входит в маленькое кафе. Она здесь всегда. Мари выпивает чашку кофе со сливками,

съедает рогаки. Как всякая организованная, сознательная парижанка, она не жалеет тратить время на утреннее мытье посуды. Она поступила на службу в полицию три года назад, после развода, последовавшего за излишне поспешным браком. Служба Мари нравится, поскольку ее обязанность заботиться о детях, которых у самой у нее, наверное, никогда не будет.

В половине восьмого она спускается в метро «Конвенсьон». С тех пор, как ее освободили от необходимости отмечаться в комиссариате XIII округа, Мари-Клод может поспать лишние полчаса. Теперь она направляется прямо в школу на улице Монсо, где следит за порядком перед началом занятий.

В этот же самый момент Робер Мюллер, тридцати лет, за рулем своего фургончика «рено» выезжает со стоянки на улице Ламарк в XVIII округе, где он накануне поставил машину. Он платит за время стоянки, автоматический барьер поднимается, и «рено» выбирается на солнечную улицу, протискивается между грузовиком и такси. Мюллер — крепкий, с короткой шеей, с плечами борца, похож на экранного легионера. У него есть даже шрам на подбородке, а редкие светлые волосы, покрывающие шишковатый череп, острижены очень коротко. Он автомеханик. Из-за своего непостоянного характера он поменял не одного хозяина, но его ловкость и отличное знание дела не раз выручали любителей сомнительных проектов.

На углу авеню Сент-Уан у края тротуара стоит мужчина с пластиковой сумкой в руке. Фургон останавливается на красный свет, и мужчина быстро садится в кабину.

Он одного возраста с водителем, но совсем непохож на него. Франк Арсюл небрежно элегантен, у него вкрадчивые манеры. Он является плодом бесчисленного смешения рас, в котором трудно разобраться. Стройная фигура, легкая походка заставляют думать об Андалузии, профиль — о Кикладских островах, а тонкие черные усики вызывают мысль о будапештских кабаре.

Франк Арсюл кладет свою сумку между сиденьями, оборачивается, чтобы взглянуть на стоящий на полу ящик для инструментов, потом смотрит на часы.

— Идем по графику, — успокаивает его Мюллер. — Ты взял все, что нужно?

— Ага, — следует лаконичный ответ. — У тебя прошло без проблем?

— Да. На стоянке еще был ночной сторож. Африканец. Он дремал и даже не взглянул на меня.

— О'кей. Поехали.

Мюллер молча кивает. У Сент-Уанских ворот он направляется по Западному шоссе. Семь часов сорок минут. В это время движение уже замедляется, но солнце так весело и радостно светит, что задержки никого не раздражают. Даже Арсюла. Он спокойно курит, устремив взгляд в пространство.

У ворот Дофин фургон покидает шоссе. На бульваре Ланн стоянкой служит тротуар перед шикарными особняками.

— Он здесь, — отмечает Арсюл, увидев невысокого толстяка в светлом плаще, сидящего на скамейке и читающего газету.

Это Матье Бьянкери, сорокалетний корсиканец. С тех далеких времен, как он приобрел профессию слесаря, он так усовершенствовал свои познания в ремесле, что ни один замок перед ним не устоит, в том числе самый сложный автомобильный.

Заметив фургон, Бьянкери складывает газету и пересекает бульвар, что совсем не просто, поскольку многочисленные автомобили мчатся по нему с огромной скоростью.

— Машина на месте? — спрашивает Арсюл.

— Как и предусмотрено. Я даже попробовал потихоньку замок и завел мотор ключом, который сам сделал. Вот он. У тебя не будет проблем.

— О'кей. Садись за руль. Сделаем круг.

Мюллер пересаживается назад, уступая место новому водителю, фургон едет до площади Коломби и поворачивает обратно.

— Я тебе говорил, Франки, — пускается в объяснения Бьянкери. — Эту телегу я давно уже приметил. На ней ездит советник посольства Руанды. Он никогда не выезжает раньше десяти-одиннадцати часов. Он и не заметит, что у него одолжили машину.

— Я полагаюсь на тебя, — заверяет его Арсюл.

Тем временем Мюллер снял длинный форменный халат разносчика и остался в сером костюме. Арсюл достает из сумки и протягивает ему мягкую маску, шоферскую фуражку и перчатки. Эта маска изображает африканца самого что ни на есть черного цвета. Большая фуражка закрывает розо-

вый затылок эльзасца и доходит до воротника пиджака.

Арсюл наряжается в такую же маску, цвет которой, однако, отдает больше в кофейный. Шляпа с полями закрывает его невышущуюся, к сожалению, шевелюру. В ящике для инструментов оба берут по автоматическому пистолету калибра 7,65 и засовывают их за пояс.

— Первая остановка. Просьба освободить вагоны, — объявляет Бьянкери.

Арсюл выпрыгивает из машины, как парашютист из самолета. За ним следует Мюллер.

— До скорого, — бросает он корсиканцу, который плавно трогает машину с места.

До восьми часов тротуары бульвара Ланн практически пусты. Утреннее оживление — удел кварталов попроще. Левее, на расстоянии пятидесяти метров, какой-то тип выгуливает двух собачек. С правой стороны трусой удаляется мужчина в тренировочном костюме. «Ланчия дельта» с дипломатическим номером мирно стоит между «лежоб04» и «датсуном» — вызывающая картина японского проникновения на французский рынок. Сказанное Бьянкери подтверждается — Мюллер уверенно занимает место за рулем, поворачивает ключ.

Франк Арсюл, внимательный к мелочам, прикрепляет на лацкан своего голубого пиджака какой-то непонятный, но яркий африканский орден.

Когда он, как всякий уважающий себя дипломат, разворачивает «Фигаро», «ланчия» уже направляется к воротам Дофин, где уличные часы показывают ровно восемь.

ГЛАВА II

Для того, чтобы попасть от дома Лефевров на улице Берже в школу Сен-Блез на улице Монсо, достаточно пересечь бульвар Курсель и парк Монсо. Этот маршрут, занимающий семь-восемь минут, Флора и Фабиен проделывают на протяжении учебного года два раза в день, пять дней в неделю.

Эта прогулка доставляет Фабиену удовольствие. Она дает ему возможность для самоуверждения. Он носится по тихим аллеям, по лужайкам, где ходить запрещено, встречает своих ровесников, с которыми при случае задирается, а то и обменивается тумаками. У этого чрезвычайно смелого ребенка явно выраженная склонность к конфронтации, которую его родители еще не дали себе труда заметить.

В то утро прогулка через парк Монсо должна быть особенно радостной для мальчугана. В этот ранний час краски яркие и отчетливы. Парижские садовники превзошли себя, чтобы подготовить городской сад к ежегодному свиданию с первым мая. Белые каштаны и японские вишни возвышаются над нарциссами, гиацинтами, тюльпанами, а маргаритки светлыми точками выделяются на зеленом ковре лужаек.

Но эта одна из самых прекрасных картин Парижа оставляет Фабиену глубоко равнодушным. Он идет, глядя прямо перед собой, большими шагами, так что португалка едва поспевает за ним. Он держит портфель в правой руке, а левая, засунутая в карман, сжата в кулак. Откровенно говоря, в это утро, двадцать пятого апреля, в день его десятилетия, у Фабиена тяжело на душе.

Для ребенка, чье умственное развитие выше среднего уровня, это день подведения итогов. В школе ему нравится. Он без труда стал первым учеником и с блестящими отметками перейдет в шестой класс. В других семьях то был бы повод похвалить, вознаградить ребенка, но отдалившемуся от него отцу и практически отсутствующей матери такое положение вещей кажется совершенно естественным. Давно уже Фабиен привык к одиночеству в лоне семьи, удовлетворение от своих успехов черпает в себе самом или в завистливых взглядах одноклассников. Но сегодня утром, как выражаются ребята, «есть перебор». Впервые за свое недолгое существование Фабиен Лефевр познает новое ощущение: что он никому не нужен.

Вместе с Флорой они выходят на авеню Рюисдэль, поворачивают налево на улицу Монсо. На противоположном тротуаре возвышается неприветливое здание школы Сен-Блез. Фабиену уже видна стройная фигура Мари-Клод.

Второй год Мари-Клод Жанвье следит за порядком перед началом и после занятий в школе Сен-Блез. В ее обязанности входит обеспечить безопасность четырехсот или пятисот учеников на этой оживленной улице, где полно машин. Как и Фабиен, она каждое утро пересекает парк, выйдя из станции метро «Монсо», но чуть пораньше, поскольку начинает свою службу с похвальной точностью, ровно в восемь часов.

Для начала она предпочла бы какую-нибудь коммунальную школу этому частному учебному заведению, которое посещают отпрыски семейств, живущих в XIII и XVII округах. Но скоро она поняла, что ребяташки все одинаковы — с той же непосредственностью, с теми же порывами нежности.

Теперь она стала столь неотъемлемой частью улицы Монсо, что все дети знают ее по имени. А многие самые маленькие чокают ее по дороге, некоторые приносят подарки к рождеству.

Она же знает, какие из них могут доставить неприятности: те, кто спокойно является с авеню Мессин по правому тротуару, и те, кто перебегает улицу. Такие, кого мама или папа привозят в последнюю минуту на машине и которые открывают дверь, не глядя вокруг, шалуны, догоняющие друг друга прямо на дороге. Она внимательно следит за каждым из них, за машинами, которые необходимо остановить властным, решительным жестом. Она знает тех, кто приходит пораньше, и тех, всегда одних и тех же, кто является уже тогда, когда привратник звонит к началу занятий.

Большинство приходит от восьми двадцати до половины девятого. Это самые трудные десять минут, когда надо смотреть в оба.

Так, в восемь часов двадцать пять минут она видит, как на углу авеню Рюисдэль появляются Фабиен и Флора. Мари-Клод знает португалку в лицо. Она одобряет добросовестность, с какой та доводит своего молодого хозяина до пешеходного перехода напротив дверей в школу. На отрезке пути между двумя женщинами — той, которая отпускает его руку на одной стороне улицы, и той, что, улыбаясь, ждет его на другой стороне. — Фабиен находится в полной безопасности. Ради него, так же как и ради его товарищей, автомобили непременно остановятся.

Однако сегодня утром одна машина не обращает никакого внимания на поднятую в белой перчатке руку Мари-Клод Жанвье, стоящей у края тротуара на улице Монсо. На противоположной стороне Фабиен отпустил руку Флоры. Он переходит дорогу с решительным видом, опустив голову, не глядя ни вправо, ни влево. Позднее Мари-Клод вспомнит, что у него было упрямое выражение лица, как у получившего выговор или наказанного ребенка. Португалка уже поворачивается, чтобы уйти, мальчик наполовину перешел дорогу, и в этот момент неожиданно возникает та машина.

Мари-Клод сразу становится ясно, что может произойти трагедия. Она яростно машет рукой, спешит навстречу Фабиену. Но черная машина не сбавляет скорости.

Все происходит так быстро, что у Мари-Клод не остается времени на размышления. Машина мчится на ребенка. Она чуть касается его, останавливается, затормозив так резко, что ее заносит вправо.

Молодая женщина в полицейской форме бросается вперед, протягивая руку, чтобы оттащить Фабиену. Она машинально отмечает, что за рулем сидит чернокожий. Другой чернокожий — стройный, элегантный — выпрыгивает из машины, как чертик из коробки. Одной рукой он держит пистолет, другой хватается ребенка. Мари-Клод кричит во все горло, чтобы привлечь внимание, цепляется за Фабиену.

Свободной рукой чернокожий хватается и ее. — Помоги мне, черт побери! — кричит он шоферу.

Тот выскакивает из машины. У него в руках нечто похожее на дубинку. Он наносит Мари-Клод удар по затылку, ноги у нее подкашиваются. Ее швыряют в машину. Первый чернокожий тащит мальчика, шофер толкает, и Фабиен головой вперед захихивает сквозь дверь. Шофер садится за руль, автомобиль трогается.

У школы Сен-Блез лишь несколько детей были свидетелями сцены, смысл которой они даже не поняли. Все произошло так быстро, что остальные, торопящиеся успеть до звонка, ничего не заметили. На противоположном тротуаре португалка Флора ошеломленно смотрит, как уносится машина, как мигает перекресток на улице де Курсель.

В «ланчии» Франк Арсюл пытается совладать с двойной трудностью. Руками в перчатках он крепко держит за запястья мальчугана, который сопротивляется, как хищный зверек, но движения Арсюла парализует полицейский в юбке. Она без сознания лежит поперек его колени. Фабиен пока не кричит. Он борется молча, сжав зубы.

В драке задевают шофера, и машину заносит.

— Эй! Поосторожней! — рычит Бьянкери. — Вот уж не время привлекать внимание.

«Ланчия» направляется к площади Этуаль в редком потоке машин.

Рисунок Вячеслава ТАРАКАНОВА

— Хотел бы я на тебя посмотреть, — огрызается Арсюл. — Этот парень просто отравя.

— Но зачем тебе понадобилось еще и бабу брать? — не отстает Бьянкари.

— Черт побери! — взрывается Арсюл. — Если бы ты ее не оглушил, мне не пришлось бы тащить ее вместе с малышом. Она не хотела его выпускать...

Диалог длится недолго. Но сказанного достаточно, чтобы Фабиен Лефевр вдруг совершенно успокоился.

— Эй, послушайте, а вы кто такие? И зачем вы увезли меня с Мари-Клод?

— Тебе мы ничего плохого не сделаем, — пренебрежительным тоном отвечает Арсюл. — Это взрослые дела. Ты будешь хорошо себя вести?

Малыш кивает. Арсюл отпускает его руки и пытается привести Мари-Клод в чувство.

— Во всяком случае, — замечает Фабиен с уверенностью ученого из национального центра научных исследований, успешно закончившего важный эксперимент, — вы настоящие негры.

На улице Монсо напряжение растет. Португалка Флора перебежала на другую сторону. Для начала она привела в полное смятение привратника и некоторых родителей, провожающих детей. Кое-кто из соучеников Фабиена, видевших всю сцену, в страшном возбуждении пересказывает ее, не скупясь на самые фантастические и противоречивые подробности. Привратник ставит в известность о случившемся старшего надзирателя, который сразу не может понять, в чем дело, тем более что Флора в неопишемом волнении забыла почти весь свой французский.

Тем временем молодая женщина в полотняных брюках и спортивной куртке заходит в телефонную кабинку на углу улицы Монсо и бульвара Мальзерб. Она бросает в щель монетку и набирает номер одной парижской больницы.

— Алло, — произносит она, услышав голос телефонистки, — соедините меня, пожалуйста, с доктором Лефевром. Срочно, по личному делу. Это касается его сына Фабиена.

ГЛАВА III

Лишь у площади Этуаль к Мари-Клод возвращается способность воспринимать окружающее. Постепенно ее взгляд проясняется. Она вспоминает подробности своего похищения, смотрит на молчаливого и присмирившего, прижавшегося к ней в углу машины Фабиена, на чернокожего в элегантном голубом костюме, тоже сидящего к ней вплот-

ную, но слева от нее, и на второго чернокожего, ловко ведущего машину по направлению к авеню Фош.

И Мари-Клод взрывается:

— Немедленно остановитесь и дайте нам выйти! Это — гнусное похищение. Я вас арестовываю. — Срывающимся голосом она выкрикивает, как призыв: — Полиция!

Второй слог у нее получается по-петушиному, это так смешно, что шофер хихикает, и атмосфера разряжается. Арсюл говорит:

— Заткнись! Тебя никто не просил героизмовать — цепляться за мальчишку. И на наш пикник тоже не приглашали. Так что сиди тихо и не усложняй дело.

На авеню Малакоф «ланчия» останавливается перед красным сигналом светофора. Мари-Клод видит коллегу-регулировщика, но он слишком далеко, чтобы услышать ее крик, и к тому же стоит к ним спиной. «Ланчия» вновь трогается с места. Мари-Клод кажется, что все это кошмарный сон. Волею случая она попала в руки террористов. Она ничего не знает об отце Фабиена, но наверняка это личность, на которую хотят оказать давление, похитив сына.

— Вы так просто не отделаетесь, — заявляет она не слишком уверенно. — Похитить ребенка и полицейского при исполнении служебных обязанностей — такое не прощается.

— Кончай трепаться, а? — советует Арсюл. — Ты нас утомляешь. И нечего изображать трагедию. Если не будешь глушить, ничего с тобой не случится. Мы хотим всего-навсего содрать немного денег с родителей парнишки. Завтра же мы вас отпустим.

«Ланчия» огибает площадь Де-Латр-де-Тасиньи и въезжает в Булонский лес. Мари-Клод понимает, что имеет дело не с террористами, а с простыми бандитами. Романтизма тут меньше, но ситуация остается без изменений: судьба выбрала ее, чтобы защищать десятилетнего ребенка и нести за него ответственность. В двойном качестве — женщины и полицейского.

За окнами машины мелькают деревья с молодой листвой. «Ланчия» сворачивает на боковую аллею. Впервые Мари-Клод смотрит на своего похитителя изучающе. Грубые черты лица никак не вяжутся с общей элегантностью. С некоторым опозданием ее осеняет: на мужчине маска. И совсем как Фабиен несколькими минутами раньше, она восклицает:

— Вы же настоящие негры!

Первым смеется ребенок. Мари-Клод в изумле-

нии смотрит на него: понимает ли он всю серьезность положения? Она хорошо знает Фабиена. Он маленький, хрупкий, она бы дала ему восемь-девять лет. Ее поражает его необыкновенная живость — свидетельство ума. А бандит ясно высказался: они хотят «содрать немного денег» с родителей мальчика, и Фабиен должен отдавать себе отчет, что является предметом жестокого торга, что его жизнь в опасности.

Но что такое жизнь для ребенка его возраста? Потрясенная Мари-Клод начинает думать, а не забавляет ли его все это...

Чуть в стороне от аллеи человек в одежде разносчика возится в моторе фургона с открытой задней дверцей. «Ланчия» останавливается прямо за ним.

— Пошевеливайтесь, — командует Арсюл, доставая свою «пушку». — Пересадка.

Он без церемоний тянет Мари-Клод за руку, толкает ее в фургон. Она поднимается, споткнувшись о подножку. От толчка, полученного в спину, она летит в глубь кузова. Фабиен падает рядом, и дверца закрывается за ними со звонким щелчком.

Оба пленника оказываются в полной темноте. Всего в ста метрах от них по дороге Лонгшан мчатся автомобили.

В половине девятого утра, как раз когда старший надзиратель Сен-Блеза поглядывал на часы, собираясь отдать распоряжение о первом звонке, ему приходится выслушать красочный, но путанный рассказ Флоры. Проходит некоторое время, пока он наконец соображает, что же произошло. Тем более что два или три ученика младшего возраста вносят в путаницу свою лепту. Только с помощью одной из мамаш, которая в те несколько секунд, когда происходила драма, поправляла костюмчик на своем отпрыске и мало что видела, ему удается разобраться, в чем дело.

Однако старший надзиратель — человек, в полной мере сознающий свою ответственность. Когда наконец он понимает, что один из учеников похищен, он тут же принимает меры.

Прежде всего извещают директора, которому звонят в его квартиру на пятом этаже. Учителя, еще ничего не зная о происшествии, следуют в свои классы. С тем, чтобы избежать паники, старший надзиратель дает положенный звонок с опозданием лишь в две минуты.

Затем он старается установить, кто же жертва похищения. Это нетрудно: португалка Флора то и дель громко повторяет имя и фамилию своего юного хозяина.

Лефевр... Доктор Лефевр... Старшему надзирателю пока не ясно, почему похитили именно его, а не другого ученика. Для этого мрачного человека, страдающего язвой желудка, все они одинаковы. Но служба есть служба. Поэтому он бежит в свой кабинет и набирает первый номер, который приходит ему на ум: дежурной службы полиции.

Затем он докладывает директору, стремительно вбегающему в кабинет. Этого известного педагога, защитившего диссертацию по французскому языку, что частично оправдывает тарифы, взимаемые школой Сен-Блез, кавалера ордена «За заслуги» и академических лавров, прежде всего беспокоит репутация заведения: разве для того дети из знатных семей поступают в его школу, чтобы их похищали среди бела дня на улице Монсо?

— Лефевр? — недоумевает он. — Почему Лефевр? Его отец — просто хирург, а мы имеем честь обучать в нашей школе детей четырех депутатов и двенадцати дипломатов, из которых некоторые играют важную роль в международной политике.

Но это Лефевр, и никто другой. И надо предупредить его родителей. Рыдающая Флора — ее нервы не выдерживают — сообщает название больницы, которой доктор Лефевр отдает свой талант, время и силы.

Разговор с телефонисткой не приносит результата.

— Его нельзя сейчас беспокоить. Он оперирует. — Но это очень важно. Речь идет о его сыне.

— Да, я знаю. Ему уже звонили четверть часа назад. Как раз перед началом операции.

Директора словно оглушили. Он застывает, потрясенный, продолжая держать трубку, откуда доносятся короткие гудки.

Он ищет в своей картотеке номер домашнего телефона доктора Лефевра, чтобы в самых осторожных выражениях оповестить мать Фабиена.

А на улице Монсо в это время собралась толпа. Вновь прибывшие с волнением выслушивают совершенно ужасающую версию похищения ребенка и женщины-полицейского, однако это волнение не мешает многим из них, скорее наоборот, побуждает бежать звонить на радиостанцию «Европа-1» в надежде заработать пятьсот франков за сенсационную информацию.

Тем временем появляется дежурная полицейская машина. Вкратце проинформированный полицейский констатирует, что, с одной стороны, приехал поздно, а с другой — что проблема выходит за рамки его компетенции. Он вызывает по радиотелефону центральный комиссариат VIII округа. С этого момента дело следует по инстанции.

Но с девяти часов оно становится достоянием общественности. В «Европа-1» уже звонили три раза, сообщая о похищении ребенка перед началом занятий на улице Монсо. Редакционный секретарь тут же позвонил в полицию, но там были не в курсе дела. Опасаясь за достоверность полученных сведений, радиостанция дала лишь краткую, уклончивую информацию, обещая «дорогим слушателям» сообщить детали, как только будет возможно.

В девять часов тридцать минут на столе у префекта полиции появляется сводка. В ней коротко, но ясно говорится о чрезвычайно дерзком похищении юного Фабиена Лефевра и полицейского (женский персонал) Мари-Клод Жанвье, совершенном двумя чернокожими на черной закрытой машине, номер которой никто не запомнил, но, по словам некоторых свидетелей, принадлежащей дипломатическому корпусу.

Похищение — слово, которое префект терпеть не может. Оно является синонимом бесконечных неприятностей. Префект оказывается между двух огней: между правительством, требующим твердости, отказывающимся вступать в переговоры с террористами, и прессой, звонящей во все колокола, если жертву вдруг случается оплакивать.

Все это он объясняет комиссару Паскалю Кро, одному из руководителей Центрального управления по борьбе с бандитизмом. Тот уже узнал о похищении, направляясь в машине на службу.

— Вы понимаете, комиссар, — распространяется префект, — в последнее время мы не на высоте, особенно после той накладки на прошлой неделе, когда один из ваших людей застрелил по ошибке пенсионера, бывшего железнодорожника, не имевшего к делу никакого отношения. Министр, с которым я только что говорил по телефону, потребовал срочных мер. Необходимо отыскать мне этого мальчишку, не говоря уже о нашей коллеге из VIII округа. И еще... (он добавляет с привычной прямотой) лучше для нашей репутации мученица, чем жертва. Тем более ребенок... Ребенок — это очень действует на психику толпы.

Кро ждет, пока префект выскажется. Комиссару не терпится приступить к работе. Но он должен выслушать заключительные инструкции префекта.

— И вы слышите, комиссар, я не знаю, имеем мы дело с террористами или гангстерами, в любом случае и речи не может быть о торговле. Тут министр категоричен. Твердость, комиссар, твердость...

ГЛАВА IV

При первом же повороте Мари-Клод Жанвье швыряет на металлическую скобу фургона. Она стискивает зубы, чтобы не закричать от боли, с трудом пытается устоять на ногах и в полной темноте, на ощупь изучает свою тюрьму. Натягивается на ящик с инструментами и наконец обнаруживает откидное сиденье у левой стенки фургона.

Усевшись, обретая более или менее стабильное положение, она достает из сумки зажигалку и, щелкнув ею, зовет:

— Фабиен, ты где?

Приподняв горящую зажигалку, она видит мальчика, который стоит в углу около дверцы, засунув руки в карманы. Зажигалка гаснет в тот момент, когда Мари-Клод обращается к нему:

— Иди сюда. Все-таки лучше сидеть, а то все эти повороты...

Во второй раз зажигалка не срабатывает, но Фабиен подходит и садится рядом с Мари-Клод. Она гладит его белокурые волосы, берет за руку. Она испытывает странное волнение, Мари-Клод Жанвье. Разумеется, когда она поступала в полицию, во время прохождения практики она засыпала с мечтой о выдающихся подвигах, сносшибательных погоях и арестах, ее награждали орденом «За заслуги», поздравлял сам министр. Но когда она приступила к своим обязанностям, без сомнения почетным, однако не сулящим славы — обеспечению безопасности школьников, — эти фантазии уступили место более конкретным затаенным мечтам незамужней женщины.

И вдруг в одно мгновение ее привычный спокойный мир развалился. Мари-Клод оказалась в центре подлинной драмы, стала жертвой дерзкого похищения благодаря инстинктивному смелому порыву, который заставил ее броситься на защиту Фабиена.

Фальшивые чернокожие похитили ребенка по причинам, которые Мари-Клод еще не ясно, но, оставив в стороне излишний пафос, она видит свой долг в том, чтобы утешить мальчугана, наверняка испытывающего ужас и отчаяние. Она гладит его по руке, которая так и осталась в ее ладони, спрашивает как можно спокойней:

— Кажется, оба мы влипли. Как твоя фамилия, Фабиен?

— Лефевр.

— А сколько тебе лет? Девять, десять?

— Десять, — отвечает мальчик. — Исполнилось десять. Как раз сегодня мой день рождения.

— Ну что ж, — говорит Мари-Клод в некоторой растерянности, — я тебя поздравляю. По крайней мере день своего десятилетия ты запомнишь.

По правде говоря, ее немного удивил тот вызывающий и агрессивный тон, каким Фабиен сообщил о своем дне рождения. Она пытается разгадать причину похищения:

— А чем занимается твой папа?

— Хирург в больнице, — отвечает Фабиен равнодушно, не вдаваясь в подробности.

Хирург... Возможно, богатые пациенты... Доктор Лефевр должен неплохо зарабатывать. Значит, фальшивые чернокожие не террористы, они не осуществляют какую-то месть, это, по всей вероятности, бандиты, которые отпустят мальшца за выкуп. Но их план может нарушиться из-за присутствия полицейского, пуская и в юбку. Не задумываясь над грозившей ей опасностью, молодая женщина продолжает расспрашивать Фабиена:

— А что делает твоя мама?

— Не знаю. Она не работает. Ходит все время куда-то.

И на этот раз полное безразличие в голосе.

— Где ты живешь? Это няня приводит тебя в школу?

— Мы живем на улице Берже, прямо по другую сторону парка Монсо. А няня — это Флора, португалка. Она хорошая, только от нее сильно пахнет...

Через переднюю дверь проникает слабый луч света. Из кабины доносятся голоса. Людей, должно быть, трое: двое, которые совершили похищение, и водитель фургона. «Рено» движется — медленно, как и всегда в Париже с его перекрестками, красными сигналами светофоров, пробками. Потом он словно набирает крейсерскую скорость.

«Выехали за город на кольцевую дорогу», — думает Мари-Клод.

Она никак не придет в себя от удивления, которое вызывает у нее спокойствие ребенка, пригнупившегося рядом. Он даже взял ее под руку, и они сидят, как двое влюбленных на городской скамейке. Впрочем, Мари-Клод предпочитает такой вариант крикам, слезам, истерике. И все же она испытывает потребность утешить мальчика.

— Знаешь, Фабиен, — объясняет она, — дело и впрямь серьезное. Но ты слушаешь радио, смотришь телевизор и знаешь, что такие вещи случаются. Эти бандиты хотят лишь получить деньги твоего отца. Они отпустят тебя, как только он заплатит выкуп.

Она не смеет сказать, что полиция может помешать этому, не смеет говорить и о том, что ожидает ее.

— Ты хочешь сказать, они отпустят нас, — поправляет Фабиен своим ясным и твердым голосом умного ребенка. — Я откажусь уйти без тебя. В конце концов ты из-за меня сюда попала.

Ее трогают эти серьезные рассуждения и храброе обещание.

— Во всяком случае, надо набраться терпения, сохранять спокойствие, и, главное, не следует бояться.

Он отнимает свою руку, и она слышит, как он с удивлением спрашивает:

— Но с чего ты взяла, что я боюсь?

Мари-Клод в темноте хмурит брови. Есть что-то в этом парнишке не совсем обычное. Она высказывает мысль, которая пришла ей в голову немного раньше, в «ланчи»:

— Действительно, ты, кажется, не боишься. Похоже даже, что это приключение тебя забавляет. Он пожимает плечами.

— Не то чтобы очень. Но я думаю о родителях... И они тоже запомнят день моего десятилетия. Он обойдется им в копейку.

От возмущения у нее перехватывает дух, и она не сразу находит слова.

— И это все, что ты можешь сказать?

— Мне-то, — отвечает он, — на это дело начхать, но они просто на стену ползут.

Она угадывает психологическую драму.

— Значит, ты не любишь своих родителей?

Следует ошеломляющий ответ:

— Ну... Они, наверное, не хуже, чем другие. По правде говоря, я их почти не знаю. — И, меняя тему, он спрашивает: — Скажи... ты представляешь себе, где мы?

В щель между створками дверцы свет почти не проникает в кузов фургона. Мари-Клод освещает циферблат своих часов.

— Откуда я могу знать? — говорит она. — Вот уже двадцать минут, как мы едем без остановок. Должно быть, мы проехали по кольцевой дороге и выехали на автостраду, но на какую?

Этот важный вопрос не очень волнует Фабиена. — Послушай, — перескакивает он на другое, — в школе Сен-Блез, наверное, жуткая суматоха поднялась. Думаешь, мои родители знают?

— Сейчас уже наверняка, — отвечает Мари-Клод. — Они, должно быть, с ума сходят от волнения. Но, — добавляет она удовлетворенно, — полицию тоже оповестили, не беспокойся.

— Здорово храбрые эти типы — проделать такую штуку среди бела дня на глазах у кучи людей. Ты не находишь?

Молодая женщина приходит в некоторое замешательство. У нее нет опыта общения с десятилетними детьми, но каким будет этот, когда вырастет? Неожиданно она отвечает ему, как своему ровеснику:

— Действительно храбрые. Но я предполагаю, у них были и другие возможности похитить тебя. Раз они выбрали это время и это место, значит — если только они не полные идиоты, — у них была на то причина.

Фургон сбавляет скорость, останавливается, вновь трогается. Повороты более крутые, ход нервный. Часы Мари-Клод показывают пятнадцать минут одиннадцатого. Прошел час с четвертью с того момента, как были похищены школьник Лефевр и женщина-полицейский Жанвье. Час и две или три минуты — после пересадки в Булонском лесу. Считая путь по городу, фургон проехал семьдесят — семьдесят пять километров.

Поворот, толчок, как будто машина переехала через канаву, остановка, задний ход. Хлопают дверцы. Оба пленника ждут несколько секунд, затем задняя дверца открывается. Чернокожий в голубом костюме с пистолетом в руке объявляет:

— Конечная, поезд дальше не пойдет.

Продолжение следует.

«ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН»

Кто?.. Когда?.. Как?.. Какой?.. Почему?.. Зачем?.. Кем?.. Вопросы, вопросы, вопросы. Их великое множество у тех, кто увлечен физкультурой и спортом.

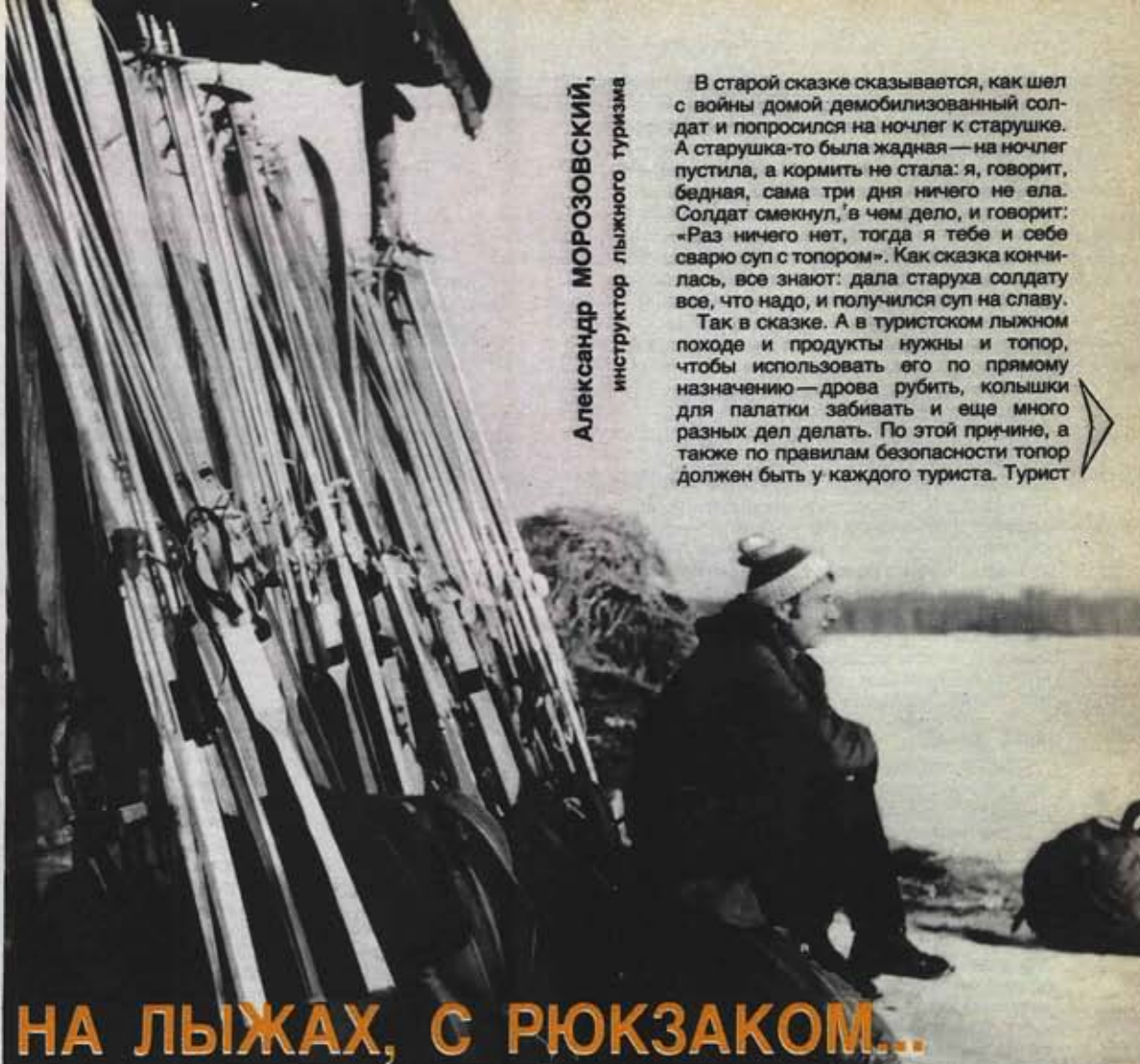
И потому «Смена» приглашает читателей участвовать в подготовке материалов для этой рубрики, иными словами, как бы вести ее.

Каждый читатель может задать вопрос любимому спортсмену, выступающему сейчас или завершившему свой путь в большом спорте, ставшему тренером или посвятившему себя иной сфере деятельности. Может задать вопрос, связанный с его выступлениями в соревнованиях, началом либо кульминацией его спортивного пути, с оценкой каких-то явлений физкультурно-спортивной жизни, проблемами массовой физкультуры. В связи с этим может попросить совета и в каком-то случае дать совет, высказать просьбу, пожелание. Может обратиться с вопросом к игрокам и тренерам своей любимой команды по любому виду спорта, чтобы получить, так сказать, их коллективный ответ после того, как письмо будет зачитано на собрании команды.

А если кто-то из читателей в затруднении, не знает, как приступить к занятиям физкультурой, какой вид спорта избрать лично для себя или для дочери, сына, то и с таким вопросом не стесняйтесь обратиться к чемпиону, ведь каждый чемпион начинал, образно говоря, с утренней зарядки.

Письма читателей, обращенные к спортсменам, передадут им корреспонденты журнала и подготовят материалы для рубрики.

Просьба у нас к вам, дорогие читатели, одна: по возможности пользоваться почтовыми открытками и сразу обозначать название этой новой рубрики.

Александр МОРОЗОВСКИЙ,
инструктор лыжного туризма

В старой сказке сказывается, как шел с войны домой демобилизованный солдат и попросился на ночлег к старушке. А старушка-то была жадная — на ночлег пустила, а кормить не стала: я, говорит, бедная, сама три дня ничего не ела. Солдат смекнул, в чем дело, и говорит: «Раз ничего нет, тогда я тебе и себе сварю суп с топором». Как сказка кончилась, все знают: дала старуха солдату все, что надо, и получился суп на славу.

Так в сказке. А в туристском лыжном походе и продукты нужны и топор, чтобы использовать его по прямому назначению — дрова рубить, колышки для палатки забивать и еще много разных дел делать. По этой причине, а также по правилам безопасности топор должен быть у каждого туриста. Турист

НА ЛЫЖАХ, С РЮКЗАКОМ...

ШАХМАТЫШАШКИШАХМАТЫШАШКИШАХМАТ

ОЛИМПИАДЫ: ЮБИЛЕЙНАЯ И ПЕРВАЯ

В проведенных ранее олимпиадах участвовало более двухсот тысяч читателей «Смены» — шахматистов, несколько тысяч из них стали разрядниками, сотни награждены дипломами «Смены» и книгами. Очередная шахматная олимпиада «Смены», которую мы начинаем в этом номере, станет уже 25-й по счету, юбилейной, и мы поздравляем старых и новых друзей журнала — любителей шахмат.

Виктор ЧЕПИЖНЫЙ Виктор КРАМАРЕНКО

С этого года шахматную рубрику журнала начинает вести Виктор Иванович Чепижный, гроссмейстер СССР по шахматной композиции, вице-президент Постоянной комиссии по шахматной композиции ФИДЕ (Международной федерации шахмат), заведующий редакцией шахматной литературы издательства «Физкультура и спорт». Композиция — это особый жанр шахматного искусства, с которым читатели подробно познакомятся в ходе олимпиады и на заочных занятиях в шахматной школе «Смены». Безусловно, она поможет начинающим шахматистам готовиться к очередным турам наших соревнований.

Своего рода новогодний подарок «Смена» делает любителям шашек: мы открываем шашечную рубрику, которую будет вести Виктор Емельянович Крамаренко, мастер спорта СССР, член президиума Федерации шашек СССР, тренер-преподаватель Центрального шахматного клуба. Сегодня начинается первая олимпиада «Сме-

ны» по шашкам, туры которой будут публиковаться через номер, то есть в нечетных номерах журнала.

под редакцией гроссмейстера
В. ЧЕПИЖНОГО

Олимпиада проводится в 14 туров, в каждом туре по несколько заданий. Предметом вашего размышления и анализа станут задачи и этюды (в том числе оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся), позиции из турнирной практики ведущих гроссмейстеров и молодых талантливых шахматистов. Вам предстоит ответить и на вопросы викторины по истории отечественной шахматной школы.

За выполнение каждого задания, в зависимости от степени трудности, участнику присуждаются от 1 до 10 баллов. В ходе олимпиады вам предстоит также выступить в роли пропагандистов шахмат и организаторов конкурсов решения задач по месту своей работы или учебы.

Максимальная сумма баллов за выполнение всех заданий — 100. Квалификационные нормы: 32 балла для получения четвертого, 52 балла — третьего, 92 балла — второго разряда. Справки о присвоении спортивного разряда высылаются при обязательном участии во всех 14 турах.

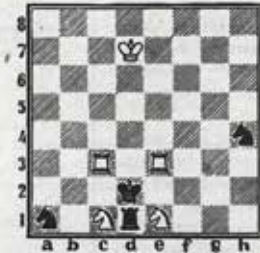
Каждый участник нашего заочного соревнования присылает ответы на задания первого тура в письме, где, кроме решений, указывает фамилию, имя и отчество, возраст, домашний адрес, а также

профессию, сообщает, имеет ли спортивный разряд или не имеет его. В конверт нужно вложить открытку со своим адресом, чтобы жюри могло оперативно сообщить вам олимпиадный регистрационный номер. На конверте слева сверху сделайте пометку «25-я шахматная олимпиада. I тур». Ответы на задания последующих туров присылаются только на почтовых открытках (без конвертов).

Пять участников, добившихся лучших результатов, объявляются победителями и премируются призами. Занявшие последние двадцать мест, а также наиболее активные пропагандисты шахмат будут награждены книгами по шахматам.

I ТУР

1. Публикуется впервые

Белые: Kpd7, Лс3, Ле3, Кс1, Ке1 (5).

Черные: Kpd2, Лд1, Ка1 Kh4 (4). Белые начинают и дают мат в 2 хода (1 балл).

2. Публикуется впервые

Белые: Крс1, Лд4, п. а7 (3).

Черные: Кра1, Сг8 (2). Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Обе задачи составлены специально для нашей олимпиады В. Чепижным.

под редакцией мастера
В. КРАМАРЕНКО

Олимпиада пройдет в 7 туров. Принцип ее проведения и оформления ответов точно такой, как в шахматной. Однако в связи с меньшим количеством туров максимальная сумма баллов — 50. Квалификационные нормы соответственно: 16 баллов — четвертый разряд, 26 — третий, 46 — второй.

Каждому участнику шашечной олимпиады будет присвоен регистрационный номер. Ответ на задание первого тура пришлите в письме с указанием фамилии, имени и отчества, возраста и профессии. Вложите в конверт открытку со своим адресом. Слева сверху на конверте сделайте пометку «1-я шашечная олимпиада. I тур». На последующие туры ответы присылайте только на почтовых открытках (без конвертов).

Читатели — любители шашек, конечно, знают, что есть обычные шашки, на доске в 64 клетки, которые называются русскими шашками, и есть шашки стоклеточные, так называемые международные. В седьмом туре будут даны задания по стоклеточным шашкам и предварительно объяс-

нена их нотация, а в шести турах мы опубликуем задачи по русским шашкам — от более простых к более сложным.

I ТУР

1. В. Степанов
г. Абаза, Краснодарский край
Публикуется впервые

Белые: пр. b6, c1, c5, e3, f4, h6 (6).

Черные: пр. a3, a7, b8, f6, f8, g7, h4 (7).

Белые начинают и выигрывают (1 балл).

2. А. Фомин
Москва
Публикуется впервые

Белые: пр. a1, b4, c3, d4, e1, f2, g3, h2, h4 (9).

Черные: пр. a7, b6, c7, e3, e5, e7, f6 (7).

Белые начинают и выигрывают (2 балла).

Последний срок отправления ответов на задания первого тура шахматной и шашечной олимпиад — 28 февраля с.г. (по почтовому штемпелю).

КОНКУРС ЭРУДИТОВ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО»

без топора, как солдат без оружия: сам ничего не сделает и товарищу не сможет помочь. Но зимой мелкий хворост лежит под снегом, поэтому приходится использовать на топливо упавшие деревья. А для этого нужно иметь в туристской группе один-два больших плотничьих топора и поперечную пилу. Пила без ручек, вместо них на привале вставьте подходящие по размеру палочки. При переноске обмотайте зубья тряпкой, обвяжите, согните и вставьте в рюкзак, концами вдоль стенок.

Обувь — предмет особого внимания. Турист ведь ходит много, и самая частая болезнь в походе — потертости и обморожения ног. Наденьте на ногу нитяной носок и два шерстяных, подложите теплую стельку. При этом лыжные ботинки должны быть точно по ноге или чуть свободнее, но ни в коем случае не тесные. Поэтому приобретайте ботинки для похода на один-два размера больше, чем повседневные. Чтобы снег не попадал в ботинки, наденьте поверх них бахилы, то есть чехлы из плотной ткани в форме чулок или узких мешков. Если нет бахил, натяните старые мужские носки, а поверх них старые женские чулки до колен.

Старые потому, что весь этот заменитель приходится выбрасывать после дневного перехода, надо иметь запас.

Лыжи нужны шириной 8 сантиметров (их пренебрежительно называют «дрова»), но в походе они удобнее, к тому же они на 10 сантиметров длиннее, чем спортивные), иначе будут проваливаться в снег под весом туриста с полным рюкзаком. В лесной местности удобны охотничьи лыжи. Ширина их около 12 сантиметров, а длина равна росту лыжника. Для группы надо иметь запасную лыжу. На переднем ее конце просверлите отверстие диаметром 5 миллиметров. За это отверстие привяжите лыжу к рюкзаку веревкой длиной в два метра и везите на буксире.

Крепления удобны полужесткие — годятся под любую обувь, и их легко починить. Палки берите любые, но опорную поверхность колец нужно увеличить за счет добавления дополнительных ремешков. На случай поломки нужно иметь ремонтный набор: отвертка, шило, пассатижи, шурупы, гвозди, запасное крепление на запасную лыжу, а сломанную лыжу отремонтируйте на привале.

Спальный мешок желательно иметь двоярный. В нем можно спать втроем — так теплее да и меньше груз в пути. Не рекомендую спальные мешки с «молниями» — «молнии» пропускают тепло и часто портятся.

Наденьте теплое белье, лыжный костюм, шерстяные или меховые варежки. Сверху наденьте костюм из плотной ткани (штормовой) и такие же рукавицы (рабочие). В сильный мороз не помешает свитер. На стоянках надевайте теплую куртку.

В группе обязательно должна быть аптечка с самыми простыми и употребительными предметами: бинт, йод, вата, лейкопластырь — при травмах; нафтизин или нюхательный табак — от насморка; капли от зубной боли; спирт — если кто-нибудь провалится в воду или обморозится. Лекарства может применять только специалист-медик.

А чтобы веселее было на привале, не забудьте гитару. Носить ее не просто, так как она хоть и легкая, но занимает много места. Гитару в чехле заверните в спальный мешок и положите в рюкзак корпусом вниз. Учтите, что гриф будет торчать из рюкзака и цепляться за ветки, так что придется не раз из-за этого падать. Что ж, искусство требует жертв.

В поход нельзя брать ничего лишнего: нести ведь придется на своих плечах. Но необходимое должно быть все и в отличном состоянии, потому что, как говорил Амурдсен, «нет плохой погоды, есть плохое снаряжение». Так что позаботьтесь, чтобы погода была хорошая.

ИТОГИ КОНКУРСА ЮМОР-82

Смех, как известно, для здоровья весьма полезен. Редакция лишней раз в этом убедилась, знакомясь с читательскими работами, присланными на конкурс «Юмор-82». К счастью, посмеяться пришлось вволю, поскольку в этом своеобразном «юмористическом марафоне» участвовало свыше полутысячи читателей. Многие авторы, судя по письмам, новички в карикатуре. Однако большинству из них не откажешь в умении интересно мыслить и придумывать оригинальные сюжеты, легко воплощать их на бумаге.

А сюжеты рисунков, кстати, самые разнообразные — от сценок забавных, бытовых до более серьезных, с неким философским обобщением темы. Контингент авторов, к всеобщей радости, был тоже самый широкий. Тут рабочие и колхозники, учащиеся ПТУ, студенты, школьники, служащие. Обширна и география писем: от Москвы до самых до окраин...

Словом, членам жюри конкурса скучать не приходилось, лучшие работы регулярно появлялись на страницах журнала.

Итак, конкурс «Юмор-82» завершен, и тут, как водится, следует кое-кому воздать по заслугам, то есть, попросту говоря, назвать лауреатов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обладателями почетных дипломов журнала стали Сергей АЙНУТДИНОВ, Свердловск (рис. в № 13), Николай БЕЛЕВЦЕВ, Белгород (рис. в № 20), Петр ВОСКРЕСЕНСКИЙ, г. Москва (рис. в № 8), Владимир КАЗАНЕВСКИЙ, Киев (рис. в № 2), Евгений СОКОЛОВ, Красноярск (рис. в № 8).

«Смена» поздравляет победителей и желает им новых творческих успехов.

На старте конкурса «Юмор-83». Условия конкурса прежние. Авторы могут присылать рисунки в течение года, до 1 ноября 1983 г. (по штемпелю), по адресу: 101457, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена», с пометкой «Юмор-83». Тематика и количество рисунков не ограничиваются, их размер — 15×20 см, техника свободная. Лучшие рисунки, отобранные членами жюри, будут публиковаться в течение года. Итоги конкурса жюри подведет в конце 1983 года.

Победителям конкурса будут вручены дипломы «Смены» и призы.

Ждем ваших новых работ, друзья!

Рисунок
Владимира
СОКОЛОВА

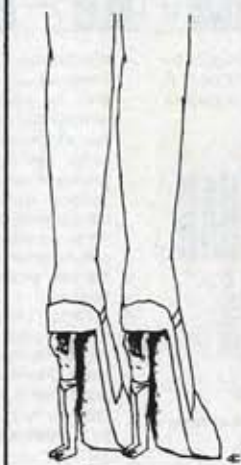

Рисунок
Петра
ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок
Владимира
КАЗАНЕВСКОГО

Рисунок
Сергея
АЙНУТДИНОВА

Рисунок
Петра
ВОСКРЕСЕНСКОГО

Рисунок
Николая
БЕЛЕВЦЕВА

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.11.82. Подписано к печати 02.12.82. А 07567. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 8. Заказ № 3534. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НЕ ТРОУСАСЬ.

Музыка Евгения ПТИЧКИНА
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

песня о дружбе

Выдохлись уже дожди вчерашние,
На асфальте высохла вода.
Клясться в дружбе — это
дело зряшнее,
Просто надо другом быть всегда.

ПРИПЕВ:

Я буду в дальней стороне,
Но если ты попадешь в беду,
То лишь подумай, подумай обо мне,
И я на помощь приду,
Ты лишь подумай обо мне,
И я на помощь приду.

Сердце обожжет печаль осенняя
Посредине солнечного дня.
Старый друг не просто утешение,
Друг, по сути, — это часть меня.

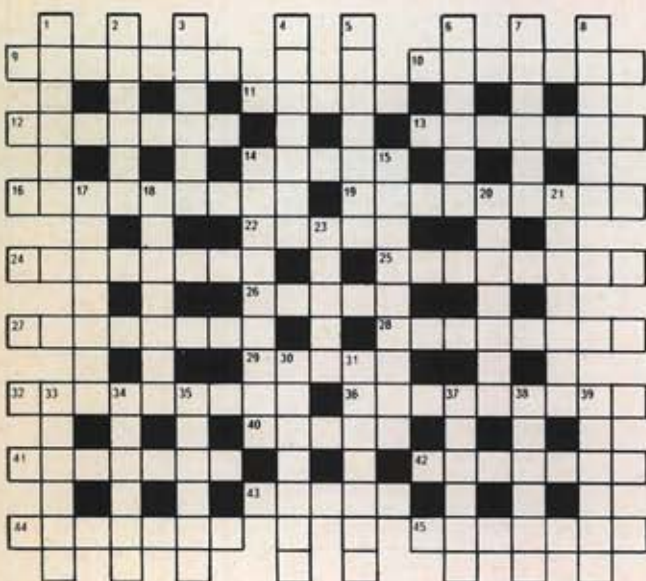
ПРИПЕВ.

Грозы отгремят и успокоятся,
Мир привычный обновится вдруг.
Жить на свете как-то больше хочется,
Если знаешь ты, что рядом друг.

ПРИПЕВ.

К Р О С С В О Р Д

Составил А. Конев,
Новосибирск

По горизонтали:

9. Русская народная игра. 10. Несбыточная мечта. 11. Спортивная игра. 12. Дикая утка. 13. Гора на Кавказе. 14. Пушной зверек. 15. Тип автомобильного кузова. 16. Историческая область на севере Франции. 22. Амурская рыба. 24. Итальянский архитектор эпохи Возрождения. 25. Журнал, в котором впервые напечатался А. П. Чехов. 26. Большая дорога. 27. Птица с розовым оперением.

28. Длинный ряд комнат. 29. Радиоактивный элемент, радон. 32. Крупная морская птица. 36. Ископаемый зверь со спинным гребнем из костяных пластин. 40. Ударный труд в честь всенародного праздника. 41. Мясное блюдо. 42. Струнный музыкальный инструмент. 43. Овощ. 44. Автономная республика. 45. Разновидность ожерелья.

По вертикали:

1. Стилиевое направление в европейском искусстве в конце XIX — начале XX века. 2. Русский землепроходец XVII века. 3. Спортивное судно. 4. Прием в исполнении музыкальных произведений. 5. Столица Словении. 6. Зимний вид спорта. 7. Головной убор у народов Азии и Африки. 8. Марка советского автомобиля. 14. Сподвижник С. Разина, автор «прелестных писем». 15. Постоянная математическая величина. 17. Горы на северо-востоке Китая. 18. Лес-

ная ягода. 20. Итальянский писатель эпохи Возрождения. 21. Вид изобразительного искусства. 23. Эстонский советский писатель. 30. Армянский поэт. 31. Рыболовное орудие. 33. Немецкий живописец XIX века. 34. Представитель младшего командного состава в экипаже судна. 35. Химический элемент. 37. Изображение в искусстве одного из мифологических животных. 38. Певчая птица. 39. Тип архитектурного орнамента.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 24

По горизонтали:

3. Здравница. 6. Колчедан. 10. Тарту. 12. Рапирист. 14. Ткаченко. 16. Финал. 17. Иллюзионист. 18. Луиза. 19. Ногаец. 21. Олайн. 24. Сабсай. 25. Дронов. 27. Скерцо. 30. Ефанов. 35. «Шторм». 36. Меновщикова. 37. Троян. 38. Интерьер. 40. Савицкая. 41. Инвар. 42. Фисташка. 43. Осетинка.

По вертикали:

1. Ватт. 2. Якут. 3. Заринь. 4. Рапалло. 5. Вершина. 7. Чететка. 8. Данилин. 9. Ниобий. 11. Ради-ола. 13. Солнцестояние. 15. Криво-поленова. 19. Нерис. 20. Гусле. 22. Йъван. 23. Ершов. 26. Плещеев. 28. Комитас. 29. Ремарка. 31. Ара-бист. 32. Ортикон. 33. Коринф. 34. Коляда. 39. Риал. 40. Срок.

Календарь до 2000 года

Дорогой читатель! Давай сравним наше ощущение быстротечности времени, сколько новых у жизни примет — это советский человек уверенно преобразовывает мир, совершает поразительные научные и технические открытия, дает жизнь замыслам, еще вчера казавшимся невероятными. Космические рабочие рейсы, электронные роботы и заводы-автоматы, генетическая инженерия, лазерный луч, многие поразительные открытия и достижения вошли в будничные словарь нашего современника, стали обиходными.

А завтра? Да, весь мир и мы заворожено вглядываемся в ту временную даль, которая приближает человечество к порогу XXI века. Туда сегодня устремлены грандиозные планы нашей партии и государства, помыслы специалистов, инженеров, ученых, занятых разработкой новых созидательных проектов во имя общественного прогресса.

Сверим часы и мысленно заглянем в завтра! Размерить время, обозначить в нем важные вехи поможет сделать и календарь до 2000 года. Его публикацию редакция «Смены» начинает по просьбе своих читателей сегодня и закончит в № 3.

1983	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ	
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	
	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	
	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	

1985	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В

1987	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31
	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В	П В С Ч П С В